МИНОБРНАУКИ РОССИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«Российский государственный гуманитарный университет»
(ФГАОУ ВО «РГГУ»)

На правах рукописи

Поляков Денис Игоревич

ЧЕРНОМОРСКИЙ ВЕКТОР ПОЛИТИКИ НАТО: 1991–2021 ГГ.

5.6.7. История международных отношений и внешней политики

Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук

Научный руководитель
д. и. н., профессор
В. С. Мирзеханов

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 3

ГЛАВА 1. ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ НАТО В ПОСТБИПОЛЯРНОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЧЕРНОМОРСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ 42

1.1. Ключевые параметры безопасности Черноморского региона после холодной войны 42

1.2. Концептуальные основы стратегий НАТО и региональный вектор 57

1.3. Влияние расширения НАТО на восток на региональную безопасность ... 73

ГЛАВА 2. МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕРНОМОРСКОГО ВЕКТОРА ПОЛИТИКИ НАТО 88

2.1. Программы партнерства и сотрудничества 88

2.2. Военное присутствие НАТО в Черноморском регионе 101

2.3. Инструменты «мягкой силы» и публичная дипломатия НАТО 125

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ НАТО С КЛЮЧЕВЫМИ СТРАНАМИ ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА 136

3.1. НАТО и Грузия 136

3.2. НАТО и Украина 147

3.3. НАТО и Россия 162

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 176

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 181

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1 218

ПРИЛОЖЕНИЕ № 2 219

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3 220

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4 221

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5 222

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена следующими факторами.

Во-первых, геостратегическим значением региона. Черное море на протяжении веков являлось точкой, где сходятся силы и интересы разных миров: Хартленда и Римленда, Востока и Запада, христианства и ислама. Этому способствует расположение региона на пересечении путей из Европы, Кавказа, Центральной Азии и Ближнего Востока, а также огромные природные ресурсы и стратегически важные энергетические коридоры, что, с одной стороны, можно рассматривать как серьезное преимущество, а с другой – как фактор, способствующий эскалации. За последние десятилетия регион прошел через ряд трансформаций: политические и экономические кризисы, изменения границ, межнациональные конфликты. При этом глобальные цели заинтересованных игроков на международной арене схожи – расширение и укрепление своего влияния в Черноморье, обеспечение экономического, политического и военного присутствия.

Во-вторых, усилением интереса Североатлантического альянса к Черноморью. На протяжении холодной войны регион оставался вне прямого фокуса НАТО. Организация была представлена только турецкой стороной и в условиях существования сильного Советского Союза и Организации Варшавского договора не могла диктовать свои условия или нарушать статус-кво, сложившийся здесь после Второй мировой войны. Любая эскалация в регионе была чревата началом прямого конфликта, что наглядно продемонстрировал Карибский кризис. После распада СССР и биполярной системы международных отношений в 1991 г. значение региона существенно изменилось в рамках евроатлантических интеграционных структур. Этому поспособствовало главным образом расширение НАТО на восток, включение в число участников организации таких государств как Румыния и Болгария, а также изменение геополитической роли прибрежных государств, включая Грузию и Украину. Чем

ближе НАТО подходила к Черноморью, тем значимее представлялся регион для продвижения интересов и обеспечения безопасности всех членов организации.

В-третьих, глобальным переходом к многополярности. Окончание холодной войны и роспуск Организации Варшавского договора обусловили появление большого числа независимых государств, каждое из которых пыталось найти свое место в региональных процессах. Помимо этого, Черное море становится ареной для конкуренции великих держав и объединений, таких как США, Китай, ЕС и Российская Федерация. На сегодняшний момент региональные проблемы не решаются одной стороной, а вовлекают всё больше и больше участников.

В-четвертых, конфликтогенностью межгосударственных отношений и возрастанием военной активности. После дезинтеграции Советского Союза осталось множество нерешенных проблем как внутри новых независимых государств, так и между ними. Более того, со временем стали появляться новые зоны конфликтов. Также в Черноморье остаются серьезные проблемы пиратства и контрабанды, что влияет на безопасность морских путей.

В-пятых, необходимостью глубже понять современные геополитические процессы и характер взаимодействия между ключевыми акторами международных отношений. В силу географического положения и исторической значимости для Российской Федерации, Черноморье – один из важнейших регионов для обеспечения военной и экономической безопасности страны. Политика различных акторов в Черноморском регионе и проблемы безопасности данного ареала требуют глубокого и комплексного научного анализа, поиска новых решений по стабилизации геополитической обстановки. Присутствие сил Альянса в Черноморском регионе вызывало и вызывает негативную реакцию со стороны России, которая пытается защитить национальные интересы страны. Обеспечение безопасности стран Черноморского региона – сложный, многоуровневый, нелинейный процесс, предполагающий включение в международный политический диалог различных государственных и негосударственных акторов.

Степень научной разработанности темы

Данное диссертационное исследование требует анализа различных исторических контекстов, среди которых особенности организационно-структурного развития НАТО после холодной войны, трансформация геополитического статуса и основ региональной безопасности Черноморья, а также взаимодействие НАТО с Россией и другими причерноморскими государствами. Именно эти аспекты определяют логику историографического обзора, структурированного в соответствии с проблемным принципом.

Контекст *организационно-структурного развития НАТО* после окончания холодной войны важен для понимания того, каким образом Альянс стал постепенно выдвигать новые приоритеты, к которым относится и Черноморское направление. В отечественной и зарубежной литературе этот процесс анализируется в различных аспектах: от перепозиционирования миссии Альянса с классической коллективной обороны против СССР к более многофункциональной организации кризисного реагирования и управления конфликтами до внутренних институциональных изменений, связанных с расширением, новой бюрократизацией и изменением практик принятия решений.

Российские авторы рассматривают этот комплекс явлений с разных позиций и вносят разные акценты. Так, А. Г. Арбатов[1], А. Беблер[2], М. В. Волков[3], В. Г. Козин[4], В. С. Котляр[5], О. В. Приходько[6], А. Г. Шляхтунов[7] и др. в своих

---

[1] Арбатов А. Г. Расширение НАТО и национальные интересы России: доклад на конференции РОПЦ-Фонда Розы Люксембург // Полития. 2006. № 2. С. 94–103.

[2] Беблер А. НАТО и транснациональный терроризм // Мировая экономика и международные отношения. М., 2006. № 10. С. 48–57.

[3] Волков М. В. НАТО и современные вызовы и угрозы Евроатлантической безопасности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2009. № 115. С. 43–50.

[4] Козин В. Г. Расширение НАТО на Восток: как отреагирует России? М.: Наука и политика, 2002.

[5] Котляр В. С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО // Казань, 2008; Котляр В. С. Черноморские проливы: арена сотрудничества или конфронтации? // Московский журнал международного права. 1996. № 3. С. 79–91.

[6] Приходько О. В. США и политика партнерства НАТО // США-Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 3. С. 37–52.

[7] Шляхтунов А. Г. Геополитика в начале XXI века: тенденции и перспективы развития // ЦИВПЗС. 2016; Шляхтунов А. Г. Военно-политические отношения НАТО с Россией в

работах акцентировали внимание на геополитическом измерении трансформации евроатлантической безопасности и подчеркивали, что изменение институциональной миссии НАТО после окончания холодной войны было реакцией на «дефиницию новых угроз» и на потребность Альянса переопределить свою роль в условиях распада старых систем коллективной безопасности. Ряд российских политологов и историков, к которым можно отнести исследования А. А. Ахмедова [8], Д. В. Казанчева [9], И. А. Истомина [10], Д. А. Данилова [11], М. Е. Кучинской[12], Т. Г. Пархалиной[13], Ф. О. Трунова[14] и В. В. Штоль[15], подробно анализировали институциональные реформы в штаб-квартире НАТО, механизмы

краткосрочной перспективе // ВАГШ ВС РФ. 2016; Шляхтунов А. Г. Развитие военной политики НАТО в начале XXI века и ее влияние на военную безопасность России, М.: ВАГШ ВС РФ. 2011. 300 с.

[8] Ахмедов А. А. Трансформация НАТО в условиях окончания «холодной войны»: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.15. С-Пб., 2001. 158 с.

[9] Казанчев Д. В. Трансформация НАТО в контексте формирования системы безопасности в Европе (1991–2013 гг.): диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.15. М., 2013. 201 с.

[10] Истомин И. А., Болгова И. В., Сушенцов А. А., Ребро О. Логика эволюции НАТО: достижения и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 1. С. 26–34; Истомин И. А., Болгова И. В., Соколов А. П., Аватков В. А. «Знак качества» или «чёрная метка»? НАТО как маркер статуса государств // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 2. С. 57–85; Istomin I. The Future of NATO: Trade-Offs and Possible Scenarios // International Discussion Club Valdai. 2018. URL: http://valdaiclub.com/files/20891/; Истомин И. А. Меняющаяся роль военно-политических альянсов после холодной войны // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2024. № 1. С. 51–92.

[11] Данилов Д. А. «Валлийская» стратегия НАТО: искусство перевоплощения // Обозреватель-Observer. 2015. № 4. С. 54–70; Данилов Д. А. Кризис европейской системы безопасности: Украина на пути в НАТО // Международная жизнь. 2015. № 3. С. 87–104.

[12] Кучинская М. Е. Трансформация НАТО на современном этапе: политические аспекты. М.: РИСИ, 2007.

[13] Пархалина Т. Г. Что такое Совет евро-атлантического партнерства? // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 1997. № 2; Пархалина Т. Г. Отношения Россия – НАТО: изменение стратегии или тактический маневр? // Русский вопрос. 2001. № 2. URL: http://www.russkiivopros.com/?pag=one&id=197&kat=6&csl=30 (дата обращения: 20.07.2023).

[14] Трунов Ф. О. Крайний Северный фланг НАТО: вопросы усиления военного присутствия // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2018. № 51 (67). С. 5–7; Трунов Ф. О. Наращивание присутствия НАТО в Восточной Европе: особенности и последствия // АПЕ. 2017. № 3. С. 177–198; Трунов Ф. О. Эволюция сил передового развертывания НАТО к середине 2022 г. // РСМ. 2022. № 4 (117). С. 100–122.

[15] Штоль В. В. Эволюция НАТО в реалиях глобализации : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.04 : М., 2004. 382 с.; Штоль В. В. НАТО: динамика эволюции // М.: Научная книга, 2002. 416 с.; Штоль В. В. Новая парадигма НАТО в эпоху глобализации. URL: http://observer.materik.ru/RAU_book/New_paradigma_NATO/Gl_2-1.htm (дата обращения: 26.03.2025); Штоль В. В. О новой стратегической концепции НАТО // Обозреватель. 2010. № 8. С. 47–56; Штоль В. В. Роль Крыма в прошлом и настоящем России // Обозреватель – Observer. 2020. № 1 (360). С. 5–22.

адаптации политико-военных структур к новым задачам, а также процесс трансляции этих изменений в практику партнёрских программ. Основной вывод, который даёт отечественная школа в целом, состоит в том, что «новое НАТО» стало одновременно более гибким инструментом внешней политики своих ведущих членов и более сложным организационным образованием, где решения принимаются в условиях компромисса между различными национальными интересами.

Для диссертационного исследования концептуально важными стали работы, посвященные политической стратегии Североатлантического альянса. Эти труды позволили выявить эволюцию целей и задач НАТО в целом, и в Черноморском регионе в частности, а также определить ключевые факторы, повлиявшие на их трансформацию с 1991 по 2021 гг. Были использованы исследования А. А. Буденого[16], А. Васильева и А. Гулько[17], Я.-А. Зепос[18], В. Д. Кудрявцева[19], А. М. Малышева[20], А. Николаева[21], А. А. Симонова[22], Д. А. Яскович[23]. Анализ работ этих учёных дает возможность проследить, как изменялись подходы НАТО к обеспечению безопасности, взаимодействию с государствами региона и реагированию на вызовы, включая расширение блока, кризисные ситуации и стратегическое соперничество с Россией. Работы по политической стратегии дают содержательный анализ того, как менялись приоритеты Альянса: от

[16] Буденный А. А. Эволюция стратегической концепции НАТО и фактор России // EESJ. 2021. № 1–7 (65). С. 4–9.
[17] Гулько А., Васильев А. Новые аспекты военной доктрины НАТО // Зарубежное военное обозрение. 1992. № 1.
[18] Зепос Я.-А. Оглянитесь назад, чтобы увидеть будущее. О Стратегической концепции НАТО // Международная жизнь. 2012. № 1. С. 21–35.
[19] Кудрявцев В. Д. Эволюция военной и политической стратегии Североатлантического альянса на современном этапе (2000–2008 гг.) в рамках европейской безопасности: автореферат диссертации на соиск. ученой степ. доктора ист. н. М.: Изд-во Дипломатической акад. МИД РФ, 2008.
[20] Малышев А. М. Новая Стратегическая концепция НАТО – программная установка на начало XXI века. М.: Стратегическая стабильность, 2002.
[21] Николаев А. Военная доктрина НАТО на современном этапе // Зарубежное военное обозрение. 1998. № 3. С. 2–5.
[22] Симонов А.А. Новая стратегическая концепция НАТО // Зарубежное военное обозрение. 2011. № 1. С. 3–8.
[23] Яскович Д. А. Эволюция стратегических концепций НАТО в постсоветский период: формирование стратегии продвижения на Восток // Манускрипт. 2017. № 7 (81). С. 210–214.

сосредоточенности на гарантиях коллективной безопасности членов к включению в стратегию задач кризисного менеджмента, миссий по поддержанию мира и превентивного взаимодействия в соседних регионах. Исследователи этой группы детализируют последовательность концептуальных шагов – от Стратегии 1991 г. до 2022 г. – и показывают, что институциональные ответы НАТО не были одномоментными, а представляли собой серию корректив, отражающих внешнеполитические предпочтения ключевых государств, военную доктрину и технологические изменения. Важным вкладом исследователей политической стратегии стало выявление того, что расширение НАТО и активизация партнёрских программ являлись не столько разрозненными инициативами, сколько элементами единой логики – формирования зон влияния и создания «сетей безопасности», в которые включались как приграничные государства, так и более удалённые страны.

Работы Е. А. Антюховой [24] позволяют глубже понять механизмы формирования стратегических концепций НАТО и проследить становление «новой» организации. Данные исследования особенно ценны в аспекте методологии: они демонстрируют, каким образом стратегические документы Альянса конструируют повестку угроз и выделяют «приоритетные театры действий». Здесь подчёркивается, что сам текст стратегий является не просто декларацией, но и инструментом институционального программирования, который задаёт рамки для оперативных решений и ресурсного планирования. В основу анализа инструментов «мягкой силы» Альянса в Черноморском регионе легли исследования А. А. Бартоша[25], Х. Б. Бахриева[26] и Е. С. Коренева[27]. Также

[24] Антюхова Е. А. Формирование Стратегии НАТО в постбиполярный период // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 17–24; Антюхова Е. А. «Мягкая сила» как инструмент публичной дипломатии НАТО в условиях трансформации международных отношений в XXI веке // Трансформация международных отношений в XXI веке (материалы международной научно-практической конференции). М.: Дипломатическая академия, 2018. С. 3–8; Антюхова Е. А. Основные направления публичной дипломатии НАТО в эпоху глобализации // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3 (72). С. 21–27.

[25] Бартош А. А. Эволюция публичной дипломатии НАТО // Дипломатическая служба. 2013. № 3. С. 6–11; Бартош А. А. Генезис НАТО: от монолитного блока до ситуативных коалиций // Независимое военное обозрение. 2013. № 43(784).

аспекты публичной дипломатии рассматриваются в работах А. В. Долинского[28], М. М. Лебедевой[29], С. К. Песцова и А. М. Бобылева[30], А. В. Манойло[31], а в числе зарубежных авторов – в исследованиях А. Баровской[32] и С. Гуцала[33]. Значимыми являются работы З. Паговски[34], в которых исследователь анализирует роль социальных сетей в продвижении публичной дипломатии Альянса. Совокупность исследований по публичной дипломатии и «мягкой силе» показывают, что наряду с военным и военно-институциональным измерением НАТО активно конструировало свою легитимность в приграничных пространствах через образовательные, тренинговые, гуманитарные и коммуникационные программы, что создавало долговременную рецептивную среду для евроатлантической интеграции партнеров. Исследования этой группы учёных выявляют практики, посредством которых Альянс повышал «операционную совместимость» партнёров и укреплял проатлантическую повестку на уровне элит и экспертных сообществ.

---

[26] Бахриев Б. Х., Рустамова Л. Р. «Мягкая сила» военной организации: публичная дипломатия НАТО в Центральной Азии // Вестн. Том. гос. ун-та. 2020. № 458. С. 90–100.

[27] Коренев Е. С. Публичная дипломатия НАТО в Средиземноморско-Черноморском регионе // Современная Европа. 2024. № 1. С. 53–63; Коренев Е. С. Общественная дипломатия НАТО на постсоветском пространстве // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2013. № 1. С. 37–42.

[28] Долинский А. В. Эволюция теоретических оснований публичной дипломатии // Вестник МГИМО-Университета. 2011. Вып. № 2. С. 275–280; Долинский А. В. Современные механизмы сотрудничества в рамках публичной дипломатии: дис. ... канд. полит. наук. М.: МГИМО (У), 2011. 210 с.

[29] Лебедева М. М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов // Международные процессы. 2015. Том 13. № 4(43). С.45–56.

[30] Песцов С. К., Бобылев А. М. Мягкая сила в мировой политике: типология подходов к измерению и оценке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 3 (31). С. 42–53.

[31] Манойло А. В. Психологические операции: модели и технологии управления конфликтами // ПОЛИТЭКС. 2008. № 3. С. 62–73.

[32] Боровська А. В. Стратегічні комунікації: досвід НАТО // Стратегічні пріоритети, 2015. № 1 (34). С. 147–152.

[33] Гуцал С. Публічна дипломатія та стратегічні комунікації: визначення концептуальних основ // Міжнародні відносини. Серія «Політичні науки». 2015. № 9. URL: http://journals.iir.kiev.ua/index.php/pol_n/article/viewFile/2769/2473 (дата обращения: 21.08.2025).

[34] Pagovski Z. Z. Public Diplomacy of Multilateral Organizations: The Cases of NATO, EU, and ASEAN // Los Angeles, Figueroa Press. 2015.

Зарубежная теоретическая и экспертная литература, включающая труды таких авторов, как Д. Гансера[35], Дж. Даффилда[36], А. Кидда[37], Г. Киссинджера[38], К. Кэмпа [39], Р. Хендриксена [40], К. Шиндлера [41] и др., формирует широкий теоретико-аналитический фон, который позволяет поставить Черноморский вектор в контекст глобальной политики безопасности. В этой традиции выделяются несколько доминирующих парадигм. Во-первых, либерально-институционалистская перспектива, представленная, в частности, сторонниками расширения и интеграции вроде Р. Асмуса [42] и Б. Джексона [43], которая рассматривает расширение НАТО и партнёрские программы как инструмент распространения стабильности и демократических норм. Во-вторых, конструктивистско-сетевая перспектива, акцентирующая внимание на нормах, практиках и институциональных связях, через которые формируется институциональная совместимость. В-третьих, реалистская школа, представителями которой являются, например, Дж. Кеннан[44], М. Мандельбаум[45] и Дж. Миршаймер [46], критически оценивает расширение НАТО как фактор обострения великодержавного соперничества, подчеркивая, что продвижение

---

[35] Гансер Д. НАТО – секретные армии в Европе. М.: Европа, 2006. 104 с.

[36] Duffield J. S. NATO's Functions after the Cold War // Political Science Quarterly. 1994, v. 109. № 5. P. 763–787.

[37] Kydd A. NATO: Trust and Mistrust in International Relations // Princeton: Princeton University Press, 2009. 332 p.

[38] Kissinger H. How the Ukraine crisis ends // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/henry-kissinger-to-settle-the-ukraine-crisis-start-at-the-end/2014/03/05/46dad868-a496-11e3-8466-d34c451760b9_story.html (дата обращения: 22.03.2023).

[39] Kamp K.-H., Reisinger H. NATO's Partnerships After 2014: Go West! // NATO Research Paper. 2013. 92 p.

[40] Hendrickson R. Diplomacy and War at NATO: The Secretary General and Military Action After the Cold War // Missouri: University of Missouri Press, 2006. 175 p.

[41] Schindler C. Proactively preserving the inward quiet: Public Diplomacy and NATO // Defence Strategic Communications. 2015. Vol 1. № 1. P. 133–146.

[42] Asmus R. D. Rebuilding the Atlantic alliance // Foreign affairs. N.Y. 2003. Vol. 82. № 5. P. 20–31.

[43] Джексон Б., Асмус Р. Чёрное море и пределы свободы. URL: http://www.rusk.ru/st.php?idar=102145 (дата обращения: 25.07.2023).

[44] Kennan G. F. A Fateful Error // The New York Times. 1997. URL: https://www.nytimes.com/1997/02/05/opinion/a-fateful-error.html (дата обращения: 17.08.2025).

[45] Mandelbaum M. Preserving the New Peace: The Case against NATO Expansion // Foreign Affairs. Vol. 74, № 3. 1995. P. 9–13.

[46] Mearsheimer J. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault // Foreign Affairs. 2014. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault (дата обращения: 17.08.2025).

Альянса в близлежащие к России регионы неизбежно будет воспринято как стратегическая угроза. Наконец, теоретические наработки Б. Бузана [47] и его последователей в рамках Копенгагенской школы исследований безопасности позволяют анализировать процесс «секьюритизации» региональных проблем – то есть превращение политических и экономических вопросов в вопросы безопасности под влиянием действий внешних акторов. Все эти подходы в совокупности формируют аналитический инструментарий, с помощью которой исследователи объясняют, почему именно Черноморье стало полем интересов НАТО и почему Альянс выработал тот набор институциональных и практических мер, которые исследуются в диссертации.

Особое место в зарубежной литературе занимают исследования, посвящённые столкновению стратегических интересов и тому, как формируется политика «пересечения сфер влияния». З. Бжезинский [48] и другие геополитики подчёркивают роль Черноморского региона как «шлюза» между Востоком и Западом, чутко реагирующего на перераспределение геостратегических связей. При этом некоторые авторы, включая представителей реалистской школы, указывают на то, что институциональная экспансия НАТО неизбежно пересекается с интересами России, что порождает цикл эскалации и ответных мер. Вклад данных трудов состоит в том, что они переводят локальные изменения в Черноморье на язык общего трансформационного процесса европейской архитектуры безопасности и дают теоретические основания для интерпретации наблюдаемых институциональных и оперативных изменений в деятельности Альянса.

Геополитический статус и проблемы безопасности Черноморского региона. В отечественной историографии накоплен значительный массив исследований, охватывающий широкий спектр вопросов – от роли проливов и военно-морского фактора до трансформации роли прибрежных государств в

[47] Buzan B., Woever O. An Inter-Regional Analysis: NATO‘s New Strategic Concept and the Theory of Security Complexes // Bound to Cooperate. Europe and the Middle East, Bertelsman Foundation Publishers, Gütersloh. 2000. P. 55–106.

[48] Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и ее геополитические императивы // М.: Междунар. отношения, 1999.

системе глобальной и региональной безопасности. Несмотря на это, в 2017 г. Э. Э. Ислямова сделала вывод об ограниченности числа работ и необходимости дальнейшего изучения проблем[49], исходя из той степени важности, которое имеет Черное море для Российской Федерации. Связано это с тем, что за последние 30 лет только четыре работы были посвящены историко-политическим аспектам Черноморского региона, преимущественно детальному рассмотрению отдельных национальных кейсов. Работы А. А. Самохина [50], В. И. Романенко [51], Н. С. Беляковой [52] и А. Гаврила [53] демонстрируют, что региональная динамика формируется не только через взаимодействие крупных игроков, но и за счёт внутрирегиональных трансформаций внешнеполитических ориентиров отдельных прибрежных государств. Ещё несколько работ были посвящены вопросам проливов, флота и Черноморского фактора в отношениях между странами. Например, работы Т. В. Лавровой [54]; С. А. Усова [55] и Э. Татлыоглу [56]. Их вклад состоит в подробной реконструкции правовых и институциональных предпосылок функционирования морского фактора в региональной политике.

Проблемы безопасности Черноморского региона находят отражение в научных работах и являются важным не только для российских исследователей, но и для современных политических реалий. Однако также очевидно, что

---

[49] Ислямова Э. Э. Концептуальный анализ Черноморского региона в российских диссертациях по политическим наукам // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 3 (69). 2017. № 2. С. 65–74.

[50] Самохин А. А. НАТО и формирование европейской безопасности в 90-е гг. XX в.: Средиземноморско-Черноморский регион : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. Краснодар, 2002. 269 с.

[51] Романенко В. И. Новое геополитическое пространство черноморского региона в контексте российской национальной безопасности: политологический анализ: дис ... канд. полит. наук. М., 2009. 275 с.

[52] Белякова Н. С. Роль и место черноморского региона во внешней политике Турецкой Республики на современном этапе: дис ... канд. полит. наук. М., 2015. 142 с.

[53] Гаврила А. Черноморский регион во внешней политике Румынии: 1989-2016 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. М., 2018. 256 с.

[54] Лаврова Т. В. Черноморские проливы как геополитическая проблема современных международных отношений: дис ... докт. полит. наук. М., 2001. 291 с.

[55] Усов С. А. Политико-правовые проблемы Черноморского флота и Севастополя в контексте распада Российской империи и СССР (Историко-политологический анализ): Дис. ... д-ра полит. наук: 23.00.02. М., 2003. 445 с.

[56] Татлыоглу Э. Черноморский фактор в турецко-российских отношениях (2002–2023 гг.): дис … канд. ист. наук. М., 2024. 216 с.

существуют пробелы в осмыслении исторического опыта. В частности, ещё не было исследований, предметом которых стало бы Черноморское направление политики Североатлантического альянса и те механизмы, которые позволили эту политику реализовывать. Вопрос остается мало изучен с академической точки зрения, а интересы и политика государств, а тем более международных организаций и военно-политических блоков в отношении этого региона зачастую противоречивы и не последовательны.

В отечественном научном дискурсе выделяются несколько направлений, одно из них сконцентрировано на макрогеополитическом анализе. Так, А. В. Баранов[57] анализирует воссоединение Крыма с Российской Федерацией и то, как это событие повлияло на распределение сил в регионе. О. А. Дибас [58] рассматривает трансформацию геополитического статуса Крымского полуострова и его место в геостратегических планах Российской Федерации после 2014 г., а М. П. Минчев[59] выявляет причины высокого значения Черноморья в современных международных отношениях в целом. Е. М. Савичева [60] рассматривает роль Средиземноморско-Черноморского региона в системе международных отношений, уделяя особое внимание вопросам безопасности и интеграционным процессам. А. Б. Швец[61] и Э. Д. Эшба[62] выявляют угрозы и вызовы стабильности

[57] Баранов А. В. Изменения геополитического баланса сил в Причерноморье в условиях воссоединения Крыма с Россией // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. № 2. С. 5–18; Баранов А. В. Крымская региональная идентичность как ресурс легитимации воссоединения с Россией // Научная мысль Кавказа. 2014. № 4. С. 51–60; Баранов А. В. Трансформация сложносоставного конфликта в Крыму в условиях воссоединения региона с Россией: внутриполитические и внешнеполитические факторы // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2015. Т. 11. № 4. С. 92–105.

[58] Дибас О. А. Причерноморье в геополитических концептах современности // Причерноморье в истории и современном развитии Российского государства: опыт интеграции: сб. науч. ст. / отв. ред. А. В. Баранов, В. В. Касьянов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. С. 288–292.

[59] Минчев М. П. Чёрное море как евразийский цивилизационный центр // Причерноморье в истории и современном развитии Российского государства: опыт интеграции: сб. науч. ст. / отв. ред. А. В. Баранов, В. В. Касьянов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. С. 43–49.

[60] Савичева Е. М. Геополитический фактор во взаимодействии государств Средиземноморско-Черноморского ареала: проблемы и перспективы // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2009. № 3. С. 80–84.

[61] Швец А. Б. Геополитическая стабильность и вызовы Причерноморья // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. № 2. С. 19–29.

в Черноморском регионе. А. А. Язькова[63], будучи главным научным сотрудником отдела Черноморско-Средиземноморских исследований Института Европы РАН, специализировалась на международных отношениях, внутренней и внешней политике стран Юго-Восточной Европы. Её исследования охватывают «горячие точки» и проблемы урегулирования конфликтов. Эти труды дают многоплановую картину угроз: наличие замороженных конфликтов, этноконфессиональные трения, слабость институтов хозяйственного и политического развития в отдельных странах, нарративы внешнего давления и вмешательства, что формирует представление о Черном море как о пространстве множественных, частично перекрывающихся рисков – от локальных кризисов до элементов острой конкуренции великих держав.

Отдельный фокус на анализ внешней и оборонной политики России, в том числе на Черноморском направлении, имеют работы С. С. Жильцова [64], И. С. Зонн [65], Н. А. Ковальского [66], К. П. Курылева [67]. Авторы предлагают системное осмысление трансформации геополитического статуса Причерноморья в постсоветское время, рассматривая регион как пересечение экономических

---

[62] Эшба Э. Д. Региональное сотрудничество на Черном море: достижения, проблемы, перспективы // Вестник МГИМО. 2013. № 6(33). С. 42–48; Эшба Э. Д. Причерноморье: регион соперничества или сотрудничества? // Современная Европа. 2014. № 2 (58). С. 69–80.

[63] Язькова А. А. Проблемы формирования и развития региона // Большое Причерноморье: геополитика и геоэкономика: Выступления участников круглого стола 8 июня 2016 г. М.: Институт Европы РАН. 2016. С. 1–10; Язькова А. А. Регион Большого Причерноморья: возможности развития сотрудничества и источники противоречий // Средиземноморье – Черноморье – Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком. М., 2006; Язькова А. А. Большое Причерноморье: проблемы геополитики и геоэкономики // Современная Европа. 2016. № 3 (69). С. 147–148.

[64] Жильцов С. С. Политика России в Черноморском регионе: итоги и новые вызовы // Проблемы постсоветского пространства. 2019. № 6 (2). С. 149–164; Жильцов С. С. Внешняя политика Украины: куда ведет страну В. Зеленский // Постсоветские исследования. 2021. № 3. С. 189–198.

[65] Зонн И. С., Жильцов С. С. Черноморский регион: новые очертания. М.: МГОУ, 2010.

[66] Ковальский Н. А. Черноморье: новые черты региональной безопасности // Безопасность России: Черноморский регион. М., 1997. С. 17–28.

[67] Курылев К. П., Пархитько Н. П., Никулин М. А. Военно-морская сила России в Черноморском и Средиземноморском регионах // Постсоветские исследования. 2020. Т.3. № 1. С. 26–39; Курылев К. П. Украина во внешнеполитической стратегии США // Постсоветские исследования. 2018. № 3. С. 251–259; Курылев К. П. Черноморский регион в концептуальных документах, определяющих военно-стратегические интересы России // Парадигмы истории и общественного развития. 2021. № 23. С. 23–26; Курылев К. П. Украинский кризис и международная безопасность. М.: Ленанд. 2018. 272 с.

коридоров, энергетических интересов и транспортных коммуникаций, и демонстрируют, что значение региона определяется не только военно-стратегическими, но и экономико-энергетическими факторами, а также историко-культурными связями между прибрежными государствами.

Соперничество крупных держав за влияние в Черноморском регионе, а также восприятие Черноморья как зоны конфликта в дискурсе западных аналитических центров в период с 2018 по 2021 гг. анализируются в трудах А. А. Ирхина [68] и О. А. Москаленко [69]. В соавторстве с Н. Е. Кабановой и Н. Э. Демешко исследователи проводят политико-исторический анализ взаимодействия России и Турции, рассматривая аспекты их соперничества и сотрудничества в регионе[70].

В трудах таких авторов, как П. А. Высоцкий[71], Д. Г. Гаделия[72], А. В. Ишин[73], А. Ш. Кадырбаев [74], А. И. Никитин [75], Ю. В. Никуличев [76], О. М. Тупота [77] и др.

---

[68] Ирхин А. А. Американский план «Большой Ближний Восток» и концепция «Стратегической глубины»: вызовы и возможности для российской внешней политики в Черноморско-Средиземноморском регионе // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 98–104.

[69] Москаленко О. А., Ирхин А. А., Кабанова Н. Е. Черноморский регион как пространство конфликта в дискурсе западных аналитических центров (2018–2021 гг.) // Регионология. 2022. № 2 (119). С. 258–277; Ирхин А. А., Москаленко О. А. Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991–2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 498–516.

[70] Ирхин А. А., Москаленко О. А., Кабанова Н. Е., Демешко Н. Э. Имперское возрождение: соперничество и сотрудничество России и Турции в Черноморском регионе (политико-исторический анализ) // Регионология. 2023. № 2 (123). С. 214–237.

[71] Высоцкий П. А. Геополитика Черноморского региона: ключевые проблемы на современном этапе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 3. С. 569–583.

[72] Гаделия Д. Г., Ермолаев И. А., Стуруа М. Д. Антитеррористическая деятельность в Причерноморском регионе // Постсоветские исследования. 2021. № 4(6). С. 501–509.

[73] Ишин А. В. О геополитической стратегии НАТО в Черноморском бассейне // Проблемы постсоветского пространства. 2020. № 7(2). С. 219–226.

[74] Кадырбаев А. Ш. Потенциальные «горячие точки» в Черноморском регионе и Российская Федерация // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 13–20.

[75] Никитин А. И. Усиление НАТО на восточных границах альянса и перспективы расширения НАТО на север // Ежегодник Института международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России. 2016. № 1. С. 34–43.

[76] Никуличев Ю. В. «Прощай, оружие»: может ли Украина создать свой ядерный арсенал? // АПЕ. 2020. № 3. С. 144–159.

рассматриваются конфликты и возможные источники международного кризиса, проявления конкуренции внешних игроков в Черноморском регионе. Данная группа исследователей рассматривают регион как пространство системных угроз: замороженных конфликтов, конфликтов низкой интенсивности, конкуренции внешних сил. Эти работы важны тем, что показывают, какие вызовы и риски НАТО учитывало, формируя свой Черноморский вектор политики.

Значительный вклад в понимание современных проблем делает зарубежная историография. Работы западных исследователей Э. Исмаилова[78], Ч. Кинга[79], П. Маноли[80], Г. Слоана[81] частично переводят региональную проблематику в более широкие теоретические формулы – например, через призму «теории Хартленда» и её современного применения к Евразии. Зарубежные исследования особенно подчёркивают роль «геостратегических трасс» (энергетических и транспортных коридоров), а также важность международных институтов и внешних акторов в определении устойчивости или хрупкости региональной системы. Исследования этой группы авторов дают также оперативные оценки изменений в поведении внешних держав и их инструментов (экономических проектов, военного присутствия, дипломатических инициатив).

Значимую роль при выполнении данного диссертационного исследования сыграли также работы Б. Ходжеса[82], К. Миллера[83], Ш. Кросса[84], в которых

---

[77] Тупота О. М. Роль Черноморского региона в глобальной геостратегии США (1991–2013 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. № 4. С. 137–150.

[78] Ismailov E., Papava V. The Heartland Theory and the Present-Day Geopolitical Structure of Central Eurasia // Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies. SSRN Electronic Journal. 2010. P. 84–102.

[79] King C., Hamilton E. D., Mangot G. The Wider Black Sea Region in the 21st Century: Strategic, Economic and Energy Perspectives // Center for Transatlantic Relations. Washington, D.C. 2008.

[80] Manoli P. Black Sea Regionalism in Perspective // Kadir Has University. CIES Neighbourhood Policy Paper. 2011. № 2. P. 1–9.

[81] Sloan G. Sir Halford J. Mackinder: The Heartland Theory Then and Now // Geopolitics, Geography and Strategy. Journal of Strategic Studies. 1999. Vol. 22. P. 15–38.

[82] Hodges B., Horrell S., Kuz I. Russia's Militarization of the Black Sea: Implications for the United States and NATO // Center for European Policy Analysis – CEPA. 2022. URL: https://cepa.org/comprehensive-reports/russias-militarization-of-the-black-sea-implications-for-the-united-states-and-nato (дата обращения: 15.12.2022).

[83] Miller C. Why the Black Sea? // Foreign Policy Research Institute. 2017. URL: https://www.fpri.org/article/2017/01/why-the-black-sea/ (дата обращения: 02.11.2023).

освещаются источники международного конфликта и политика внешних игроков в Черноморском регионе.

Тем не менее, при всём разнообразии исследовательских подходов очевиден ряд методологических и предметных пробелов, которые важны для темы настоящей диссертации. Во-первых, несмотря на широкий корпус работ о геополитике Черноморья и о политике отдельных государств, относительно немного исследований, системно анализирующих взаимосвязь между институциональными изменениями в НАТО и конкретными трансформациями региональной динамики в Черноморье, то есть отсутствует целостный анализ «механизмов» реализации внешней политики Альянса применительно к этому пространству. Во-вторых, большинство работ склонны рассматривать Черноморье через призму либо национальных интересов отдельных прибрежных государств, либо глобального противостояния крупных держав; недостаточно внимания уделено среднесрочным институциональным трансформациям (например, эволюции партнёрских форматов, операционной совместимости, механизмам военно-морского патрулирования) и их кумулятивному эффекту на стабильность или конфронтационность региона. В-третьих, наблюдается относительное преобладание политологического и геополитического анализов при недостатке междисциплинарных исследований, связывающих политическую, экономическую и социокультурную динамики Черноморья.

Последний блок работ посвящен *взаимодействию НАТО с Россией и другими причерноморскими государствами*, которые не интегрированы в структуры Альянса, но оказывают существенное влияние на баланс сил. Эти исследования формируют широкий спектр подходов – от оценки политики НАТО как фактора давления и угрозы до рассмотрения его деятельности как инструмента стабилизации, необходимого для сдерживания региональных кризисов и поддержания устойчивости восточного фланга.

---

[84] Cross S. NATO–Russia Security Challenges in the Aftermath of Ukraine Conflict: Managing Black Sea Security and Beyond // Southeast European and Black Sea Studies. 2015. Vol. 15. № 2. P. 151–177.

В большинстве своем упомянутые ранее исследователи так или иначе касались проблем взаимоотношений НАТО и России. Наиболее системные исследования в этом направлении проводил Д. В. Тренин, который подчёркивал, что политика НАТО воспринимается Россией как угроза национальной безопасности, поскольку расширение Альянса в постсоветское пространство нарушает прежний стратегический баланс [85]. Д. В. Тренин последовательно аргументирует необходимость стратегической автономии России и переосмысления её роли в европейской системе безопасности, отмечая, что конфронтация в Черноморье – результат несовместимых видений будущего архитектуры безопасности у России и НАТО. Его вклад заключается в том, что он связывает региональные процессы с глубинной логикой российских внешнеполитических решений.

Помимо этого, отношения двух сторон исследовались в работах Ю. В. Алексеева [86], Ю. А. Никитиной [87], А. А. Орлова [88], П. Н. Смогла и С. В. Шаншиевой [89]. В работах этой группы учёных российско-натовские отношения рассматриваются в более прикладном ключе: через призму расширения, трансформации Совета Россия–НАТО, последствий военных интервенций НАТО и реакции России на изменения в стратегическом окружении. Эти работы систематизируют эволюцию политического диалога, демонстрируя постепенное вырождение партнёрских механизмов в условиях взаимных подозрений и конкурирующих интерпретаций международного права.

Отдельное направление исследований посвящено взаимодействию НАТО с другими государствами Черноморья, прежде всего Украиной и Грузией. В

---

[85] Тренин Д. «Россия будет находиться в состоянии конфронтации с Западом еще довольно длительное время» // Коммерсантъ. 2021. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4838065 (дата обращения: 25.03.2025).

[86] Алексеева Ю. В. Эволюция взаимоотношений Российской Федерации и НАТО (1992–1999 гг.): Автореферат на соискание уч. степ. кандидата исторических наук. Саратов, 2006. 26 с.

[87] Никитина Ю. А. ОДКБ и НАТО: проблемы взаимодействия // Вестник МГИМО Университета. 2011. №. 6. С. 26–27.

[88] Орлов А. А. Отношения России с НАТО в контексте Стратегической концепции-2010 Североатлантического альянса // Международная жизнь. 2011. №. 3. С. 85–93.

[89] Смогла П. Н., Шаншиева С. В. Европейская безопасность в контексте отношений России и НАТО в Черноморском регионе в постбиполярный период // Грамота. 2020. Том 13. Выпуск 2. С. 55–59.

работах Т. В. Брежневой[90], Д. Гудиашвили[91], Г. Оганесяна[92], В. С. Семенова[93], И. Тодорова[94] анализируются амбиции этих стран по интеграции в евроатлантические структуры, их участие в программах Альянса, а также политические и институциональные препятствия на пути к членству. Исследователи подчеркивают, что политика НАТО в отношении этих стран носит асимметричный характер: наращивание взаимодействия зачастую сочетается с осторожностью в вопросах предоставления гарантий безопасности, что порождает у стран-партнёров разочарование и стимулирует поиск двусторонней военной помощи, в первую очередь со стороны США.

Важное место в ряду изучаемых проблем занимает исследование украинского кризиса в широком международно-политическом контексте в работах А. В. Гущина[95] и С. М. Маркедонова[96]. Авторы отмечают, что украинский кризис стал критической точкой, разрушившей остатки доверия между Россией и НАТО, и превратил Черноморье в зону жёсткого соперничества.

Многие российские эксперты, например, М. Ю. Пеньков[97], указывают на устремления коллективного Запада, в частности намерения НАТО, вовлечь Украину в свою орбиту, полностью игнорируя интересы безопасности России. Вклад этих работ состоит в том, что они обращают внимание на восприятие угроз и взаимную интерпретацию действий сторон.

---

[90] Брежнєва Т. В. Україна-НАТО: безпека через партнерство та співробітництво // Незалежний культурологічний часопис «Ї». URL: http://www.ji.lviv.ua/n77texts/77-zmist.htm (дата обращения: 09.01.2023).

[91] Гудиашвили Д. Интеграция в структуры НАТО – внешнеполитический приоритет Грузии // CA&CC Press: Sweden. 2003. № 4(28).

[92] Оганесян Г. Грузия и НАТО // 21-й век. 2010. № 4 (16) С. 109–121. URL: http://www.noravank.am/upload/pdf/_8.Gor%20Hovhannesyan.pdf (дата обращения: 15.04.2023).

[93] Семенов В. С. Проблема интеграции Грузии в НАТО // Известия тульского государственного университета. Гуманитарные науки. № 3. 2012. С. 160–170.

[94] Тодоров І. Історичні, геополітичні та політико-правові засади співробітництва України та НАТО // Незалежний культурологічний часопис «Ї». URL: https://www.ji.lviv.ua/n77texts/Zasady_spivrobitnyctva.htm (дата обращения: 09.01.2023).

[95] Гущин А. В. Проблемы и перспективы урегулирования конфликта на Донбассе в 2014–2019 гг. // Вишеградская Европа. Центрально европейский журнал. 2019. № 1–2 (I-II). С. 83–94.

[96] Маркедонов С. М. Украинский кризис: воздействие на постсоветские конфликты // Постсоветские исследования. 2019. № 2. С. 951–962.

[97] Пеньков М. Ю. Влияние США и Западной Европы в восточно-европейском регионе // Мировая политика. 2017. № 2. С. 104–112.

В западной аналитической литературе украинский кризис часто трактуется как форма «гибридного противостояния» между Россией и НАТО. В исследованиях Л. Коффи и Б. Сэдлера [98], К. Чиввиса [99] подчёркивается, что происходящее в регионе требует наращивания военно-морского и разведывательного присутствия Альянса, создания устойчивых форм взаимодействия с государствами-членами и партнёрами и усиления коллективного сдерживания. При этом К. Чиввис занимает более сбалансированную позицию: признавая необходимость усиления НАТО в Черноморье, он выступает против ускоренного принятия Украины в Альянс, указывая на высокий риск эскалации. Эти исследования представляют наиболее распространённый в западной аналитике взгляд: Черноморье рассматривается как слабое звено европейской безопасности, требующее постоянного внимания и ресурсной поддержки[100].

По мнению Г. Гранта[101], Черное море является особенно слабым местом восточных границ НАТО даже по состоянию на 2023 г., где разрыв между стратегическим значением региона и реальными инвестициями в оборону является наиболее заметным. С. Хорреллл [102] подчеркивает необходимость постоянного, а не эпизодического, присутствия военно-морских сил НАТО в Черноморском регионе, в сочетании с продвижением собственной дипломатии и комплексного подхода к странам-партнерам и международным организациям.

---

[98] Coffee L., Sadler B. U.S. Leadership Needed to Improve Maritime Security in the Black Sea and the Sea of Azov // The Heritage Foundation. 2021. № 3614. P. 1–17.

[99] Chivvis C. S. Understanding Russian “Hybrid Warfare” and What Can Be Done about It // Santa Monica: RAND Corporation. 2017. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/testimonies/CT400/CT468/ RAND_CT468.pdf. (дата обращения: 10.11.2023).

[100] Chivvis C. S. Admitting Ukraine to NATO would be a mistake for both Ukraine and NATO // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jun/20/ukraine-nato-membership (дата обращения: 25.03.2025).

[101] Why the Black Sea is such a flashpoint between the U.S. and Russia // NBS News. 2023. URL: https://www.nbcnews.com/news/world/black-sea-us-russia-flashpoint-drone-ukraine-war-rcna75269 (дата обращения: 25.03.2025).

[102] Horrell S. A NATO strategy in the Black Sea Region // Atlantic Council, Brent Scowcroft Center on International Security. 2016. URL: https://www.jstor.org/stable/resrep03475 (дата обращения: 02.10.2022).

Особое место занимает позиция Ф. Хилл [103], которая, опираясь на многолетний опыт работы в структурах американской национальной безопасности, отмечает важность сочетания сдерживания с элементами политического диалога, поскольку наличие линий связи снижает риск неконтролируемой эскалации в регионе.

В совокупности этот корпус исследований формирует представление о Черноморье как о пространстве конкуренции России и НАТО, причём конкуренции, которая разворачивается одновременно в политико-дипломатической, военной, информационной и нормативной плоскостях. Российская историография делает акцент на угрозах, связанных с продвижением НАТО; западная – на необходимости укрепления присутствия Альянса. Вместе эти подходы позволяют реконструировать сложную структуру восприятия угроз и стратегических приоритетов, определявших развитие Черноморского вектора политики НАТО в 1991–2021 гг.

Совокупность трудов отечественных и зарубежных авторов, которые включены в историографический корпус, формирует мультипарадигматический и междисциплинарный взгляд на Черноморский вектор политики Альянса, который прошёл путь от укоренённой системы коллективной обороны к гибридному институту, сочетающему оборонные, кризисно-реагирующие и политико-институциональные функции. Через призму этих процессов становится понятен характер Черноморского вектора как сочетание военных инструментов, партнёрских программ и «мягкой силы», направленных на интеграцию приграничных акторов и обеспечение долгосрочной стабильности в интересах НАТО.

Объектом исследования является Черноморский вектор политики Североатлантического альянса как часть его более широкой стратегии в Евроатлантическом пространстве в условиях трансформации международных отношений постбиполярного периода.

---

[103] Hill F. What Putin's Plotting – and How to Stop Him // The Octavian Report. 2022. URL: https://octavian.substack.com/p/fiona-hill-on-russia-and-ukraine (дата обращения: 25.03.2025).

Предметом исследования являются стратегические установки, институциональные механизмы и практические формы реализации Черноморского вектора политики НАТО, а также особенности взаимодействия Альянса с государствами Черноморского региона.

Цель исследования – выявить специфику формирования и эволюции Черноморского вектора политики Североатлантического альянса в 1991–2021 гг. и определить его воздействие на архитектуру региональной безопасности.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие **задачи**:

1. Раскрыть ключевые параметры и особенности военно-политической обстановки в Черноморском регионе в постбиполярный период.
2. Охарактеризовать эволюцию целей и стратегических установок НАТО в их исторической динамике.
3. Определить влияние политики расширения НАТО на восток на состояние региональной безопасности.
4. Исследовать механизмы и инструменты реализации Черноморского вектора политики НАТО.
5. Раскрыть специфику взаимодействия Североатлантического альянса с не интегрированными в его структуры государствами региона – Россией, Украиной и Грузией.

Гипотеза исследования. Эволюция Черноморского вектора политики НАТО отражает переход Альянса от концепции сотрудничества и диалога к стратегии усиленного военного и политического присутствия, направленного на «сдерживание» России и обеспечение контроля над стратегически значимыми коммуникациями региона. Реализация этой стратегии проявляется через формирование системы партнёрств, развертывание военной инфраструктуры и использование инструментов «мягкой силы» для закрепления евроатлантического влияния в приграничных государствах – Украине и Грузии.

В данном исследовании под Черноморским вектором политики НАТО понимается совокупность стратегических, военно-политических,

институциональных и дипломатических направлений деятельности Североатлантического альянса, ориентированных на продвижение интересов блока в регионе, укрепление влияния и развитие «партнерства» в акватории и прибрежных государствах Черного моря.

Этот вектор представляет собой часть общей политики НАТО на восточном и южном направлениях, однако обладает собственной спецификой, обусловленной уникальным геополитическим положением региона, пересечением интересов ключевых держав и наличием устойчивых очагов нестабильности.

Хронологические рамки исследования охватывают временной период с 1991 по 2021 г.

Нижняя хронологическая рамка обусловлена распадом СССР и Организации Варшавского договора, что предопределило начало трансформации политической и военной обстановки в регионе: Российская Федерация как правопреемница СССР потеряла контроль над значительной частью акватории, новые независимые государства – Украина и Грузия – приступили к формированию собственных стратегий, которых не существовало до этого, а Болгария и Румыния постепенно изменили внешнеполитические ориентиры в сторону евроатлантической интеграции.

Верхняя хронологическая рамка связана с завершением пересмотра стратегических целей НАТО в регионе и провозглашением новых принципов и подходов на период до 2030 г., где новая глобальная стратегия Альянса подчеркивает важность Черного моря в контексте восточных границ НАТО и противодействия России.

Географические рамки исследования охватывают Черноморский регион, включая его акваторию и прилегающие территории.

Структурно-концептуальный фундамент исследования требует уточнения географических границ Черноморского региона, поскольку их определение может основываться на различных принципах[104]:

1. Прибрежный принцип позволяет выделить государства, которые имеют непосредственный выход к берегам Черного моря. Это шесть государств: Россия, Турция, Украина, Грузия, Болгария, Румыния. А. А. Ирхин и О. А. Москаленко включают в этот ряд ещё и Молдову[105], несмотря на то, что она не имеет прямого выхода к морю. Включение в этот список может быть объяснимо тем, что молдавский порт Джурджулешты на Дунае способен принимать суда класса «река–море» и небольшие морские корабли.

2. Геостратегический принцип, по определению М. Айдина, связывает географические границы региона с территорией Кавказа, Каспия, Восточной и Юго-Восточной Европы[106]. В рамках этого подхода учитываются не только физико-географические факторы, но и роль в международных стратегических расчетах. Чаще всего Черное море в этом случае рассматривается как часть более сложных систем.

3. Геоинтеграционный принцип приводит исследователей к таким понятиям как «Балтийско-Черноморское пространство»[107], «Междуморье»[108],

---

[104] Coops C. The Role of the Wider Black Sea Area (WBSA) in a Future European Security Space // Academic Research Branch – NATO Defense College. 2005. № 24. P. 2–3.

[105] Ирхин А. А., Москаленко О. А. Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991–2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 500.

[106] Aydin M. Europe's Next Shore: the Black Sea Region after EU Enlargement // EU Institute for Security Studies Occasional Papers. 2004. № 53. P. 1–37.

[107] Sinovets P., Maksymenko I. The Baltic–Black Sea Region in Great Powers' Relations: The Hard Power Aspect // Springer International Publishing, 2020. P. 75–86; Zazhigaev B. One of the Limitrophe Territories of the Global World (Transformation of the States of the Baltic-Black Sea Region in the 21st Century). Part I // Central Asia and the Caucasus. 2009. № 4–5. P. 106–117; Левик Б. Концепція балто-чорноморського союзу і пострадянський простір // Схід. 2014. № 5 (131). С. 80–84; Левченков А. С. Концепция Балто-Черноморской дуги и украинская внешняя политика (1990-е – начало 2000-х гг.) // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2020. № 4. С. 89–108.

[108] Гольцов А. Г. Региональный геополитический проект «Междуморье»: перспективы реализации // Сравнительная политика. 2016. Т. 7. № 4. С. 95–107.

«Черноморско-Каспийский регион»[109] и «Большое Средиземноморье»[110]. К последнему чаще всего относят такие страны как Болгария, Румыния, Турция, Грузия, Армения, Азербайджан, Иран, Казахстан, Киргизия, Россия, Молдова, Таджикистан, Узбекистан и Украина[111].

4. Принцип экстенсификации можно найти в работах американских авторов Р. Асмуса[112], Б. Джексона[113] и румынского профессора В. Секэреша[114], которые обращаются и развивают понятие «Большой Черноморский регион» (англ. *Wider Black Sea Region*). Согласно этому подходу, регион включает девять или десять государств, среди которых Россия, Украина, Турция, Грузия, Армения, Азербайджан, Болгария, Румыния, Молдова и Греция[115]. Кроме того, упоминаются государства Южного Кавказа, связывающие Евроатлантическое сообщество с энергоресурсами Каспия и Центральной Азии[116].

5. Институциональный принцип связан с деятельностью международных организаций и объединений. Например, Организация черноморского экономического сотрудничества (*далее* – ОЧЭС) в Черноморский регион включает 12 государств, а Европейская комиссия – десять государств: Болгария,

---

[109] Волович О. Политика Росії, Туреччини, США і ЄС в Чорноморсько-Каспійському регіоні: взаемодія і суперництво // Чорноморська безпека. 2008. Т. 1. № 7. С. 1114; Гончаренко О. Чорноморсько-Каспійський регіон: регіональні структури безпеки та демократичний контроль // Чорноморська безпека. 2005. № 1. С. 3–9.

[110] Ильин М. В. Вводный очерк для Большого Средиземноморья. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/338901203_Vvodnyj_ocerk_dla_Bolsogo_Sredizemnomora (дата обращения: 26.04.2023).

[111] Максименко Л. Проблеми безпеки та політичної стабільності у Чорноморсько-Каспійському регіоні: генезис та еволюція конфліктів (на прикладі Таджикистану, Киргизії, Узбекистану) // Дослідження світової політики. 2005. № 33. С. 136–149.

[112] Asmus R. Developing a New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region // Insight Turkey. 2004. Vol. 6. № 3. P. 43–65.

[113] Асмус Р., Джексон Б. Чёрное море и пределы свободы. URL: http://www.rusk.ru/st.php?idar=102145 (дата обращения: 25.07.2022).

[114] Secăreș V. The New Strategic and Security Landscape of Southeast Europe: the Case for a Wider Black Sea Area // Academic Research Branch – NATO Defense College. 2005. № 15.

[115] Тупота О. М. Роль Черноморского региона в глобальной геостратегии США (1991–2013 гг.) // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. Т. 1. № 4. С. 137–150.

[116] Asmus R. The Euro-Atlantic Black Sea Region // Russia in Global Affairs. 2007. № 5(3). P. 66–77.

Румыния, Украина, Россия, Грузия, Турция, Азербайджан, Армения, Молдова и Греция[117].

В диссертационном исследовании за основу берется прибрежный принцип. Соответственно, под Черноморским регионом понимается акватория Черного моря и государства, имеющие к нему прямой выход: Россия, Украина, Румыния, Болгария, Турция и Грузия.

В соответствии с предметным полем и хронологическими рамками **источниковая база исследования** основана на материалах, представленных в открытом доступе и опубликованных на официальных интернет-порталах. В диссертации были использованы источники на русском, английском и украинском языках, среди которых можно выделить несколько видовых групп.

В **первую группу** вошли источники официального происхождения. В рамках этой группы целесообразно выделить несколько подгрупп.

Так, *первая подгруппа* включает в себя официальные документы Североатлантического альянса: устав организации[118], стратегические концепции НАТО 1991, 1999, 2010 и 2022 гг.[119]; коммюнике саммитов НАТО в Мадриде от 30 июня 2022 г. [120], в Брюсселе от 24 марта 2022 г. [121], в Брюсселе от 14 июня 2021 г. [122], в Брюсселе от 12 июля 2018 г. [123], в Варшаве от

---

[117] Гаврила А. Роль Черноморского региона в региональном и глобальном контексте. Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. С. 44–47.

[118] The North Atlantic Treaty. 1949. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17120.htm (дата обращения: 07.01.2024).

[119] The Alliance's New Strategic Concept. 1991. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23847.htm (дата обращения: 07.01.2024); The Alliance's Strategic Concept. 1999. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27433.htm (дата обращения: 07.01.2024); Active Engagement, Modern Defence. 2010. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68580.htm (дата обращения: 07.01.2024); Стратегическая концепция НАТО 2022 г. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения: 19.08.2024).

[120] Madrid Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_196951.htm (дата обращения: 11.12.2022).

[121] Statement by NATO Heads of State and Government // North Atlantic Treaty Organization. 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_193719.htm (дата обращения: 11.12.2022).

[122] Brussels Summit Communiqué // North Atlantic Treaty Organization. 2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_185000.htm (дата обращения: 11.12.2022).

9 июля 2016 г.[124], в Уэльсе от 5 сентября 2014 г.[125], в Чикаго от 21 мая 2012 г.[126], Лиссабоне от 20 ноября 2010 г.[127], Страсбурге от 4 апреля 2009 г.[128], в Бухаресте от 4 апреля 2008 г. [129], в Риге от 29 ноября 2006 г. [130], в Брюсселе от 22 февраля 2005 г. [131], в Стамбуле от 29 июня 2004 г. [132], в Праге от 22 ноября 2002 г. [133], в Риме от 28 мая 2002 г. [134], в Вашингтоне от 24 апреля 1999 г. [135], в Мадриде от 9 июля 1997 г. [136], в Брюсселе от 11 января 1994 г.[137], в Риме от 8 ноября 1991 г.[138], в Лондоне от 6 июля 1990 г.[139].

В этой же подгруппе официальные заявления по итогам встреч, новости Альянса, размещенные на официальном сайте организации, а также акты НАТО, среди которых «Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве

---

[123] Brussels Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2018. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (дата обращения: 11.12.2022).
[124] Warsaw Summit Communiqué // North Atlantic Treaty Organization. 2016. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (дата обращения: 11.12.2022).
[125] Wales Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2014. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_112964.htm (дата обращения: 11.12.2022).
[126] Chicago Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2012. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_87593.htm (дата обращения: 11.12.2022).
[127] Lisbon Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2010. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68828.htm (дата обращения: 11.12.2022).
[128] Strasbourg / Kehl Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2009. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_52837.htm (дата обращения: 11.12.2022).
[129] Bucharest Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2008. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_8443.htm (дата обращения: 11.12.2022).
[130] Riga Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2006. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_37920.htm (дата обращения: 11.12.2022).
[131] Statement // North Atlantic Treaty Organization. 2005. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_21738.htm (дата обращения: 11.12.2022).
[132] Istanbul Summit Communiqué // North Atlantic Treaty Organization. 2004. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_21023.htm (дата обращения: 11.12.2022).
[133] Prague Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2002. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_19552.htm (дата обращения: 11.12.2022).
[134] NATO-Russia Relations: A New Quality // North Atlantic Treaty Organization. 2002. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_19572.htm (дата обращения: 11.12.2022).
[135] Washington Summit Communiqué // North Atlantic Treaty Organization. 1999. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27440.htm (дата обращения: 11.12.2022).
[136] Madrid Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 1997. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_25460.htm (дата обращения: 11.12.2022).
[137] Declaration of the Heads of State and Government // North Atlantic Treaty Organization. 1994. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_24470.htm (дата обращения: 11.12.2022).
[138] Declaration on Peace and Cooperation // North Atlantic Treaty Organization. 1991. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23846.htm (дата обращения: 11.12.2022).
[139] Declaration on a Transformed North Atlantic Alliance // North Atlantic Treaty Organization. 1990. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23693.htm (дата обращения: 11.12.2022).

и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора» [140], «Хартия об особом партнерстве между Организацией Североатлантического договора и Украиной» [141], заявление Комиссии Украина–НАТО от 9 октября 2019 г.[142] и другие отчеты и резолюции Советов НАТО–Украина, НАТО–Россия, НАТО–Грузия и т. д.

Вторая подгруппа – законодательные акты и международные многосторонние документы. Например, Конвенция о режиме проливов от 1936 г.[143], Договор о коллективной безопасности от 15 мая 1992 г.[144], Соглашение о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия [145], Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия[146], Договор между Украиной и Румынией о режиме украинского-румынской государственной границы, сотрудничестве и взаимной помощи по пограничным вопросам от 17 июня 2003 г.[147] и т. д.

Также в работе были использованы документы, лежащие в основе внешнеполитического курса России, Грузии и Украины. Среди таких,

---

[140] Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора. 1997. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (дата обращения: 08.01.2024).

[141] Хартия об особом партнерстве между Организацией Североатлантического договора и Украиной. 1997. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25457.htm (дата обращения: 08.01.2024).

[142] Statement of the NATO-Ukraine Commission // North Atlantic Treaty Organization. 2019. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_170408.htm (дата обращения: 11.12.2022).

[143] Конвенция о режиме проливов // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/901884247 (дата обращения: 06.09.2025).

[144] Договор о коллективной безопасности / ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (дата обращения: 27.04.2024).

[145] Соглашение о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/901838481 (дата обращения: 04.08.2024).

[146] Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия // Электронный архив МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/upload/medialibrary/fe3/%D0%B1.%D0%BC%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%83%D0%BC.pdf (дата обращения: 28.04.2024).

[147] Договор между Украиной и Румынией о режиме украинского-румынской государственной границы, сотрудничестве и взаимной помощи по пограничным вопросам (г. Черновцы, 17 июня 2003 г.). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=33571943#pos=0;0 (дата обращения: 16.08.2025).

Конституция Российской Федерации[148], Указы Президента Российской Федерации «О Концепции национальной безопасности РФ»[149], «Об утверждении Положения о Министерстве иностранных дел Российской Федерации» от 11 июля 2004 г.[150], «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» от 2 июля 2021 г.[151], «О признании Республики Крым» от 17 марта 2014 г.[152], Закон № 6-ФКЗ от 21 марта 2014 г. о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя[153], Соглашение о принципах урегулирования грузинско-осетинского конфликта[154], Концепция национальной безопасности Грузии от 2005 г.[155] и т. д.

Третья подгруппа представлена выступлениями и интервью официальных лиц. В частности, В. В. Путина[156], Й. Столтенберга[157] и др.

---

[148] Конституция Российской Федерации // Официальный сайт Государственной Думы. URL: http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/ (дата обращения: 02.10.2022).

[149] Указ Президента Российской Федерации от 15.07.2008 г. № 1440 о Концепции национальной безопасности Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/acts/news/785 (дата обращения: 02.10.2022); Указ Президента Российской Федерации от 12.02.2013 г. № 251 о Концепции национальной безопасности Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf (дата обращения: 02.10.2022).

[150] Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2004 г. № 865 Об утверждении Положения о Министерстве иностранных дел Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/21107 (дата обращения: 02.10.2022).

[151] Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 о Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046. (дата обращения: 20.12.2022).

[152] Указ Президента Российской Федерации от 17.03.2014 г. № 147 о признании Республики Крым // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/38202 (дата обращения: 20.12.2022).

[153] Закон от 21.03.2014 г. № 6-ФКЗ о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/38220 (дата обращения: 20.12.2022).

[154] Соглашение о принципах урегулирования грузинско-осетинского конфликта. URL: https://docs.cntd.ru/document/1902246 (дата обращения: 16.08.2025).

[155] Концепция национальной безопасности Грузии (2005 г). URL: https://civil.ge/ru/archives/178711 (дата обращения: 27.05.2023).

[156] Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Официальный сайт Президента России. 2007. URL: http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (дата обращения: 04.07.2025).

Во **вторую группу** источников вошли доклады, отчеты, аналитические справки экспертно-аналитических центров и институтов. В ходе исследования были изучены справочные и аналитические материалы российских и зарубежных исследовательских центров, специализирующихся на проблемах Черноморского регионов: Института Европы РАН [158], Центр анализа европейской политики (США) [159] [160], Оборонного колледжа НАТО (Италия) [161]. Большой интерес представляют исследования по стратегии НАТО в Черном море от RAND Corporation [162]. В подготовленной коллективом западных политологов и изданной корпорацией RAND работе «Россия, НАТО и безопасность Черноморского региона» [163] указывается, будто бы цель России состоит не в предотвращении расширения НАТО, а в том, чтобы установить в окружающем ее пространстве новый «русский мир». Кроме того, авторы утверждают, что Россия стремится сохранить сферу привилегированного влияния в Черноморском регионе посредством комплексного использования информационных, дипломатических, экономических, энергетических и военных средств, а также тайных инструментов.

---

[157] Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the meeting of the North Atlantic Council at the level of Defence Ministers // North Atlantic Treaty Organization. 2017. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_141340.htm (дата обращения: 05.01.2025).

[158] «Публичная дипломатия великих и региональных держав в Средиземноморско-Черноморском регионе» // Институт Европы РАН. 2022. URL: https://www.instituteofeurope.ru/nauchnaya-zhizn/novosti/item/22102022 (дата обращения: 15.01.2025); Большое Причерноморье: на перекрёстках сотрудничества и конфликтов: монография // М.: Ин-т Европы РАН, 2018. 148 с.

[159] Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации.

[160] Bugajski J., Doran P. Black Sea Defended, NATO Responses to Russia’s Black Sea Offensive. Strategic Report № 2, Center for European Policy Analysis. 2016. URL: https://www.cepa.org/black-sea-defended (дата обращения: 09.06.2025); Bugajski J., Doran P. B. Black Sea rising: Russia's strategy in Southeast Europe. Center for European Policy Analysis, Black Sea Strategic Report № 1. 2016. URL: http://cepa.org/sites/default/files/Black%20Sea%20Rising.pdf (дата обращения: 09.06.2025).

[161] Adzinbaia Z. NATO in the Black Sea: What to Expect Next? Research Paper Research Division – NATO Defense College, Rome № 141. 2017.

[162] Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации.

[163] Flanagan S. J., Binnendijk A., Chindia I. A., Castello K., Kirkwood G., Massicot D., Reach C. Russia, NATO, and Black Sea Security // RAND Corporation. 2020. 195 p.

Также были изучены доклады и панельные дискуссии по региональной безопасности от Chatham House[164] и отчеты Атлантического совета о восточной политике Альянса. После 2014 г. эти центры и институты обращают особое внимание на Черноморской регион, в частности на проблему дисбаланса сил между Россией, Украиной и НАТО, а также на новую стратегию противодействия Альянса России в Черном море.

Третью группу представляют материалы средств массовой информации, в частности таких изданий как «Аргументы и факты» [165] , «Известия» [166] , «Коммерсантъ»[167], «РБК»[168], «Укринформ»[169], Deutsche Welle[170], The Guardian[171], NBC News[172], The Octavian Report[173], Seapower Magazine[174], The Washington Post[175].

Обращение к материалам различных СМИ дало возможность дополнить исследование цитатами из интервью с экспертами и аналитических заметок, комментариями политических деятелей, а также данными о военно-морских учениях и общем сотрудничестве Альянса со странами региона.

В **четвертой группе** – статистические материалы, рейтинги, индексы. Особое место в диссертационном исследовании заняли статистические данные Североатлантического альянса [176] , а также дополнительные рейтинги Стокгольмского института исследования проблем мира (SIPRI)[177] и РСМД[178] .

---

[164] Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации.
[165] Аргументы и факты. URL: https://aif.ru/ (дата обращения: 06.09.2025).
[166] Известия. URL: https://iz.ru/ (дата обращения: 06.09.2025).
[167] Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/ (дата обращения: 06.09.2025).
[168] РБК. URL: https://www.rbc.ru/ (дата обращения: 06.09.2025).
[169] Укринформ. URL: https://www.ukrinform.ua (дата обращения: 06.09.2025).
[170] Deutsche Welle. URL: https://www.dw.com/ (дата обращения: 06.09.2025).
[171] The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/ (дата обращения: 18.02.2024).
[172] NBC News. URL: https://www.nbcnews.com/ (дата обращения: 06.09.2025).
[173] The Octavian Report. URL: https://octavian.substack.com/ (дата обращения: 06.09.2025).
[174] Seapower Magazine. URL: https://seapowermagazine.org/ (дата обращения: 06.09.2025).
[175] The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/ (дата обращения: 18.02.2024).
[176] Оборонные расходы стран НАТО (2014–2023 гг.) // НАТО. 2024. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_223304.htm (дата обращения: 23.03.2025).
[177] Military Expenditure Database // SIPRI. URL: https://www.sipri.org/databases/milex (дата обращения: 30.04.2024).
[178] Соотношение вооруженных сил в Черноморском регионе // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/blackseamilitary (дата обращения: 30.04.2024).

Методологические основы исследования определяются совокупностью исследовательских подходов, теоретических рамок и методов и опираются на принципы *историзма* и *объективности*. Принцип историзма предусматривает рассмотрение исторических фактов в соответствии с конкретно-исторической обстановкой и позволяет проследить эволюцию Черноморского вектора политики НАТО в контексте конкретно-исторических условий, выявляя причинно-следственные связи и тенденции развития международных отношений [179]. Принцип объективности требует всестороннего анализа явлений, их многогранности и противоречивости, что особенно актуально при изучении международной политики, включающей взаимодействие различных акторов с различными интересами и стратегиями[180].

Исследование носит междисциплинарный характер, что позволяет рассмотреть трансформацию Черноморского вектора политики НАТО в едином комплексе факторов. Прежде всего работа опирается на *геополитический* [181] и *институциональный подходы* [182]. Геополитический подход используется для оценки стратегического значения Черноморского региона в международных отношениях и анализа факторов, определяющих интересы Альянса в данной зоне. Также этот подход дает возможность выявить влияние геостратегических факторов на военное присутствие НАТО и определить последствия расширения Альянса для региональной безопасности. Институциональный подход ориентирован на исследование НАТО как структуры, закрепляющей нормы и механизмы взаимодействия, а также на анализ адаптации Альянса к изменяющейся обстановке в сфере безопасности.

---

[179] Арзамаскин Ю. Н. Принцип историзма в научном исследовании // Армия и общество. 2011. № 3 (27). С. 7–11.

[180] Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования // М.: Наука, 2003. С. 241–243.

[181] Козловская В. И. Геополитический подход и его роль в изучении всеобщей истории // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2010. № 2. С. 64–71; Данилов Ю. Д. Геополитический подход в изучении истории // Ученые записки Брестского государственного технического университета: гуманитарные науки = Scientific Proceeding of Brest State Technical University: The Humanities Sciences: сборник научных трудов // Брест: БрГТУ, 2020. Выпуск 2. С. 16–19.

[182] Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь // М.: Аквилон, 2014. С. 133–134; Белькова А. А. Исторический институционализм – новое направление в исторических исследованиях // Вестник БГУ. 2014. № 7–1. С. 117–121.

В теоретическом плане исследование проводится в рамках *неолиберального институционализма* [183], согласно которому НАТО может рассматриваться не только как военно-политический блок, но и как автономный институт международных отношений, продвигающий интересы Запада через риторику институционализации коллективной безопасности и поддержания международного порядка. Такой теоретический ракурс позволяет анализировать деятельность Альянса в Черном море через призму норм, правил и практик взаимодействия, а также через стратегию давления, сдерживания и партнёрства при одновременном учёте изменений в политиках национальных государств.

В то же время в исследовании учитываются отдельные положения *неореализма* [184], которые позволяют корректно интерпретировать военно-политические аспекты поведения акторов, вопросы силы, сдерживания и баланса мощи. Сочетание неолиберального институционализма и реалистической традиции делает возможным комплексный анализ как нормативно-институциональных, так и силовых параметров Черноморского вектора политики НАТО. Такая теоретическая рамка исследования обеспечивает объяснение двойственной природы политики НАТО – как проявления институционального взаимодействия и как формы структурного сдерживания в системе международных отношений.

Методологический инструментарий исследования включает совокупность общенаучных и специальных научных методов. Среди общенаучных методов применяются анализ и синтез, индукция и дедукция. Среди специальных исторических методов особое значение имеют историко-генетический, историко-системный и сравнительно-исторический.

Историко-генетический метод служит основой для выявления ключевых этапов формирования Черноморского вектора политики НАТО, исследования

---

[183] Nye J. S. Neorealism and Neoliberalism // World Politics. 1988. Vol. 40; Grieco J. M. Anarchy and the Limits of Cooperation: A Realist Critique of the Newest Liberal Institutionalism // International Organization. 1988. Vol. 42; Keohane R. O. International Liberalism Reconsidered // The Economic Limits to Modern Politics. 1990.

[184] Waltz K. N. Theory of International Politics. 1979; Waltz K. N. Reflections on Theory of International Politics: A Response to My Critics. // Neorealism and Its Critics. N.Y., 1986.

адаптации Альянса к изменениям в региональной и глобальной безопасности, а также анализа факторов, определяющих стратегию организации на разных исторических этапах. Данный метод позволяет проследить, каким образом политические процессы формировали подход НАТО к данному региону и Черному морю и какие из этих факторов оказали наибольшее влияние на эволюцию политики Альянса.

Историко-системный метод применяется для рассмотрения Черноморского региона как части международной системы, в которой взаимодействуют глобальные и региональные акторы. Этот метод позволяет проанализировать влияние НАТО на баланс сил в регионе, определить динамику отношений Альянса с Россией и государствами-членами, а также оценить последствия расширения НАТО на восток для безопасности в Черноморском регионе. Историко-системный анализ позволяет выявить взаимосвязь между военно-политическими решениями Альянса и изменением структуры региональной безопасности.

Сравнительно-исторический метод применяется для оценки специфики Черноморского вектора политики НАТО после распада СССР, выявления общих и уникальных черт, присущих региональной стратегии Альянса, а также для анализа особенностей взаимодействия НАТО с партнерами и оппонентами в разные периоды. Использование этого метода позволяет определить характерные черты политики НАТО, присущие всему исследуемому периоду, а также выделить изменения, произошедшие на различных этапах.

Также в работе используются *статистические методы,* применяемые для количественной оценки динамики военного присутствия НАТО в регионе, структуры расходов на оборону, частоты учений и других показателей, характеризующих практическое воплощение политики Альянса.

Научная новизна диссертационного исследования обусловлена следующими положениями.

Во-первых, в исследовании проведён всесторонний и комплексный анализ роли Черноморского региона в стратегиях НАТО постбиполярного периода.

Показано, что изменение геополитической конфигурации после окончания холодной войны обусловило постепенное обособление Черноморского направления в политике на восточной границе Североатлантического альянса. Впервые системно осмысляется и формализуется понятие «Черноморского вектора» и описывается его динамика в рамках стратегических документов НАТО.

Во-вторых, выявлены ключевые детерминанты и особенности Черноморского вектора политики НАТО во взаимосвязи военно-политических, институциональных и геостратегических факторов. В работе проведён комплексный анализ структурных элементов этой политики, показаны механизмы и инструменты её реализации, а также их эволюция в зависимости от динамики международной обстановки и внутренних трансформаций самого Альянса.

В-третьих, в исследовании проведена комплексная оценка совокупности военных и политических мер НАТО в бассейне Черного моря, которые задали рамочные условия для последующей трансформации региональной политики Альянса. Выявлено, что именно эти меры – от программ партнёрства до наращивания военно-морского присутствия – определили институциональные и стратегические основы Черноморского вектора политики НАТО.

В-четвёртых, обосновано, что противоречия между НАТО и Россией стали одним из базовых факторов, определяющих архитектуру безопасности в Черноморском регионе. На примере конкретных политических и военных шагов показано, как различие стратегических интересов сторон предопределило формирование модели сдерживания и взаимной настороженности, окончательно закрепившейся после 2014 г.

В-пятых, дана оценка влияния расширения НАТО через призму региональной безопасности и баланса сил в Черноморье. Исследованы последствия вступления Болгарии и Румынии в Альянс, а также углубление партнерства с Грузией и Украиной. Выявлены ключевые вызовы и угрозы, связанные с укреплением военного присутствия НАТО в регионе, а также его последствия для баланса сил.

В-шестых, показано, что деятельность НАТО в Черноморском регионе после 2014 г. начала носить преимущественно проактивный и даже наступательный характер, отражая стремление Альянса не только адаптироваться к изменениям международной среды, но и формировать новые параметры региональной безопасности. Такая проактивность проявлялась как в выстраивании сетей партнёрств и внедрении элементов «мягкой силы», так и постепенном расширении военной инфраструктуры и силовых возможностей.

Положения, выносимые на защиту и сформулированные в результате проведенного исследования:

1. Военно-политическая обстановка в Черноморском регионе после окончания холодной войны формировалась под воздействием параллельного сосуществования разноуровневых систем коллективной безопасности – евроатлантической и евразийской, отличающихся масштабом, потенциалом и степенью институциональной интеграции. Регион характеризуется неравномерным распределением военного потенциала, сохранением и трансформацией ранее существовавших, а также возникновением новых трудноурегулируемых территориальных споров, усиливающих напряжённость и взаимную уязвимость акторов. Решение проблем безопасности в Черноморском регионе выступает ключевым направлением формирования обновлённых схем общеевропейской безопасности, отражающих баланс интересов основных международных игроков.

2. Отношения между НАТО и Российской Федерацией на протяжении постбиполярного периода формировали ключевую ось региональной безопасности в Черноморском пространстве, определяя степень его стабильности и конфронтационности. Эволюция этой оси обусловлена изменением баланса сил, возрастанием геополитической и экономической значимости региона, а также трансформацией форм взаимодействия – от партнерства и диалога к стратегии взаимного сдерживания. Потенциальный переход от конфронтационной модели взаимодействия к кооперационной мог бы способствовать укреплению общеевропейской стабильности.

3. До 2014 г. Черноморское направление не имело самостоятельного статуса в политике НАТО и рассматривалось в контексте более широкой стратегии евроатлантического партнёрства, ориентированной на интеграцию постсоциалистических государств в систему коллективной безопасности. После 2014 г., на фоне украинского кризиса и изменения восприятия России как стратегического вызова, Североатлантический альянс перешёл от двустороннего формата взаимодействия к комплексному региональному подходу, основанному на усилении военного присутствия, развитии многосторонних механизмов сотрудничества и институционализации политики сдерживания. Тем самым Черноморский регион был окончательно оформлен как самостоятельный вектор политики НАТО.

4. Механизмы реализации Черноморского вектора политики НАТО представляли собой сочетание институциональных программ партнёрства, инструментов военно-политического присутствия и стратегических коммуникаций, направленных на укрепление доверия и совместимости с государствами региона. Их эволюция отражала постепенный переход от инструментов «мягкой силы» к жесткому подходу, объединяющему дипломатические, военные и информационные меры. Специфика Черноморского направления заключалась в дифференцированном характере взаимодействия с государствами региона, определявшемся особенностями их внешнеполитического курса и отношением к России.

5. Черноморский регион в постбиполярный период стал ключевым структурным элементом архитектуры евроатлантической безопасности, в котором наиболее остро проявляется пересечение интересов НАТО и России. Эволюция политики Альянса в этом регионе показывает, что устойчивость всей системы европейской безопасности напрямую зависит от способности сторон выработать механизмы взаимодействия и сдерживания, предотвращающие эскалацию и конфронтацию. В этом смысле Черноморье выступает не только зоной стратегической конкуренции, но и индикатором направления трансформации международного порядка в Европе.

Практическая значимость исследования заключается в его возможном применении как в экспертно-аналитической, так и в образовательной и дипломатической сферах. Полученные результаты могут способствовать углубленному изучению политики и стратегии НАТО, а также вопросов национальной безопасности Российской Федерации. Выводы диссертационного исследования могут представлять практический интерес для профильных подразделений Министерства иностранных дел, Совета безопасности Российской Федерации, комитетов Государственной Думы и Совета Федерации, принимающих решения в области внешней политики и международной безопасности.

Кроме того, отдельные положения и выводы диссертационного исследования могут быть полезны государственным органам и дипломатическим структурам России при формировании позиции страны в процессе урегулирования кризисов в Черноморском регионе, а также в работе на «натовском» и Средиземноморском направлениях. Собранный и проанализированный эмпирический материал представляет ценность для академических институтов и аналитических центров, занимающихся исследованием международных отношений и стратегических проблем безопасности.

Результаты работы также могут быть использованы в образовательном процессе в ведущих университетах и исследовательских институтах, специализирующихся на международных отношениях, геополитике и национальной безопасности, способствуя подготовке специалистов в данной области.

Апробация результатов исследования. Основные положения и результаты исследования были представлены на Международной научно-практической конференции «История и современное развитие Причерноморья в контексте формирования патриотизма и укрепления ценностей российской цивилизации», г. Новороссийск, 28–30 октября 2018 г., II Международной научной ассамблеи «Международное сотрудничество в целях устойчивого развития», г. Москва, 4–

7 октября 2022 г.; IV Международной научно-практической конференции «Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации: инновации, проблемы и перспективы», г. Москва, 15 марта 2023 г.; круглом столе «Новые тенденции гуманитарного знания» в рамках Дней аспирантуры РГГУ, г. Москва, 23 мая 2023 г. и др.

По теме диссертации опубликовано 4 работы в журналах, рекомендуемых ВАК: «Эволюция стратегических концепций НАТО в 1990-е гг.: сравнительный анализ», «Роль Черноморского региона в стратегии сдерживания НАТО», «“Блэксифор” как модель кооперации военно-морских сил стран Черноморского региона», «Черноморские газовые месторождения Турции в системе энергоотношений с Российской Федерацией».

Обоснование структуры как обоснование логики построения текста

Диссертационное исследование состоит из введения, трёх глав, состоящих из девяти параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы, а также приложений, включающих авторские аналитические таблицы. Логика построения работы подчинена цели, задачам и положениям, выносимым на защиту.

Первая глава посвящена комплексному анализу военно-политической обстановки в Черноморском регионе и эволюции стратегических целей НАТО после окончания холодной войны. В первом параграфе рассматриваются трансформация структуры региональной безопасности после распада СССР, изменение баланса сил и влияние параллельного существования евроатлантической и евразийской систем коллективной безопасности. Особое внимание уделяется блоковости региона, ядерному фактору, неравномерности военного потенциала и территориальным конфликтам, что позволяет определить базовые параметры устойчивости и уязвимости Черноморья как стратегического пространства. Во втором параграфе исследуется эволюция стратегических концепций Альянса и их влияние на восприятие Черноморского региона. Автор прослеживает логику трансформации официальных доктринальных документов НАТО от 1991 до 2022 г., показывая, как менялись акценты в оценке угроз и

приоритетов, и в какой момент Черноморское направление впервые вошло в зону особого внимания. В третьем параграфе анализируется влияние расширения НАТО на восток на распределение сил в регионе, рассматриваются последствия интеграции Болгарии и Румынии в 2004 г., усиление позиции Турции и постепенное смещение внешнеполитических интересов Альянса в сторону Черноморского бассейна. В совокупности материалы первой главы позволяют рассматривать Черноморье как сложное и многослойное стратегическое пространство, в котором эволюция Черноморского вектора политики НАТО неизбежно зависела от внешних геополитических факторов и внутренней динамики государств региона.

Вторая глава сосредоточена на институциональной эволюции политики НАТО и её проявлении применительно к Черноморскому региону. В первом параграфе рассматриваются программы партнёрства, с помощью которых НАТО адаптировалось к новым международным условиям после окончания холодной войны. Отдельное внимание уделяется тому, как НАТО использовало такие инструменты для укрепления присутствия в Украине и Грузии, не прибегая к формальному расширению. Во втором параграфе подробно рассматривается эволюция военно-морской активности Альянса в акватории Черного моря и факторы, определяющие её возможности и ограничения. В третьем параграфе исследуется практическое использование Альянсом механизмов «мягкой силы» для легитимизации своей деятельности и формирования позитивного образа в международной политике.

Третья глава посвящена взаимодействию НАТО с ключевыми не интегрированными в его структуры государствами Черноморского региона. В первом параграфе рассматриваются особенности сотрудничества Альянса с Грузией, а также влияние геополитического положения страны на формирование внешнеполитических и оборонных приоритетов. Во втором параграфе анализируются ключевые этапы и формы взаимодействия Альянса с Украиной. Особое внимание уделяется механизмам адаптации вооружённых сил государства к стандартам НАТО, участие в операциях и учениях, а также политические

решения, способствовавшие сближению с Альянсом. В третьем параграфе исследуются отношения НАТО и России как системообразующий фактор региональной безопасности: от партнёрства 1990-х гг. до конфронтации после 2014 г. Особое внимание уделяется тому, как напряжённость между Россией и НАТО определяла характер развития Черноморского вектора политики Альянса. Совокупность материалов главы позволяет выявить роль каждого государства в архитектуре региональной безопасности и объяснить, почему Черноморье стало зоной стратегического соперничества между НАТО и Россией.

ГЛАВА 1. ЭВОЛЮЦИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ЦЕЛЕЙ И ЗАДАЧ НАТО В ПОСТБИПОЛЯРНОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ЧЕРНОМОРСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

1.1. Ключевые параметры безопасности Черноморского региона после холодной войны

На протяжении большей части последних двух столетий стратегическая обстановка в Черноморской зоне определялась взаимодействием трех факторов: меняющимся балансом сил между европейскими и евразийскими государствами и империями; политическими амбициями небольших государств и народов, непосредственно затронутых действиями этих держав, и статусом Черноморского региона как транзитного пункта для товаров в глобальной торговле Востока и Запада, Севера и Юга [185]. Во многом эти факторы продолжают определять проблемы и интересы игроков в современном Черноморском регионе.

Сложившаяся после Второй мировой войны Ялтинско-Потсдамская система международных отношений определяла относительную устойчивость черноморских региональных процессов. Сохранение статуса доминирующего игрока в регионе за Советским Союзом и существование системы коллективной безопасности стран социалистического блока не позволяли Североатлантическому альянсу проводить здесь открытую политику и масштабировать присутствие (см. Приложение № 1). Единственной страной в регионе, которая с 1952 г. была активной участницей НАТО, являлась Турецкая Республика[186].

Исторические события 1991 г., такие как роспуск Организации Варшавского договора (*далее – ОВД*), дезинтеграция СССР и, соответственно, окончание

[185] King C. The Wider Black Sea Region in the 21st Century: Strategic, Economic and Energy Perspectives // Washington, D.C.: Center for Transatlantic Relations, 2008. P. 5.

[186] NATO member countries // North Atlantic Treaty Organization. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_52044.htm (дата обращения: 27.04.2024).

холодной войны, радикально изменили расстановку сил в регионе. Чтобы раскрыть суть последующих процессов, действий и противодействий, важно остановиться на ключевых направлениях, параметрах безопасности и акторах, оказывающих влияние на региональную подсистему международных отношений.

Черноморская безопасность после 1991 г. характеризуется прежде всего *увеличенным количеством связей* её элементов или акторов. Если в конце холодной войны региональными игроками, имеющими выход к Черному морю, были всего четыре страны – СССР, Турция, Болгария и Румыния, то в новый этап вошли уже шесть независимых государств – Российская Федерация, Украина, Турция, Грузия, Румыния и Болгария (см. Приложение № 2). К этим странам можно добавить частично признанное государство Абхазия. Как отмечают А. А. Ирхин и О. А. Москаленко, в регионе действуют три группы акторов, а именно: 1) мировые державы (США, Россия и ЕС); 2) региональные страны, стремящиеся получить статус великих (Турция); 3) более слабые акторы (Грузия и Украина), ставшие объектом политики первых двух групп, и разнообразные международные организации[187].

Чтобы более точно отразить участвующих в системе региональной безопасности акторов, выделим следующие группы: 1) государства, имеющие выход к Черному морю (Россия, Украина, Турция, Грузия, Болгария, Румыния); 2) державы, имеющие стратегические интересы в регионе (США, Китай, ЕС); 3) военно-политические блоки (НАТО и Организация Договора о коллективной безопасности); 4) региональные (ОЧЭС, ГУАМ) и международные организации (ОБСЕ, ООН, СНГ); 5) частично признанные государства (Абхазия, Южная Осетия, Приднестровье). Интересы и цели этих групп акторов зачастую противоречат друг другу, что обуславливает напряженность как в отношениях между ними, так и в системе безопасности всего региона.

Подробнее рассмотрим группу стран, имеющих выход к морю, а именно их геостратегические параметры.

---

[187] Ирхин А. А., Москаленко О. А. Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991–2019 гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 501.

Черное море омывает, как уже было сказано выше, шесть стран: на западе – Румынию и Болгарию, на юге – Турцию, на востоке – Россию и Грузию, а на севере – Украину. Длина береговой линии Черного моря составляет около 4 869 км[188]. Здесь будет важно отметить, что данные могут варьироваться, в зависимости от метода измерения, а также из-за существенных геополитических изменений, произошедших в 2014 г. Самая протяженная береговая линия из всех шести стран у Турции – примерно 1 700 км[189], а главным черноморским портом страны считается Стамбул, хотя в Синопе и Самсуне базируются корабли черноморской группы ВМФ Турции. Протяженность берега Черного моря в Болгарии составляет примерно 414 км, а в Румынии – 256 км[190]. В этих двух странах самыми большими портами, где размещаются военном-морские силы считаются болгарский город Варна и румынские Констанц и Мангалия. Грузия имеет выход к морю длиной 322 км[191]. Батуми и Поти являются основными портами страны на Черном море. Ранее ещё одним портом можно было назвать Сухуми, однако после возникшего территориального спора город стал частью Абхазии, которая провозгласила свою независимость в 1992 г. К слову, береговая линия независимой Абхазии составляет около 240 км, что урезает общую длину грузинского выхода к морю с 322 км до 82 км.

До 2014 г. черноморский берег Российской Федерации включал в себя прибрежную полосу Краснодарского края от Адлера до Таманского полуострова, что составляло около 421 км[192]. После воссоединения Крыма с Россией общая длина береговой линии изменилась. В расчет теперь необходимо взять линию от мыса Такиль до Перекопского перешейка длиной примерно 945 км[193]. Соответственно, после 2014 г. общая длина береговой линии Российской

---

[188] Stanchev H., Palazov A., Stancheva M., Apostolov A. Determination of the Black Sea Area and Coastline Length Using GIS Methods and Landsat 7 Satellite Images // Institute of Oceanology – BAS. 2011. P. 29.
[189] Ibid.
[190] Ibid.
[191] Ibid.
[192] Ibid.
[193] Морские берега Крыма. URL: http://coast-crimea.ru/index.php/research/sea-coast-crimea (дата обращения: 29.04.2024).

Федерации в Черном море составила 1 366 км, что сделало страну второй в регионе по этому показателю после Турции. Главными портами стали Новороссийск и Севастополь, в которых размещены основные военные базы ВМФ Российской Федерации.

До 2014 г. береговая линия Украины насчитывала примерно 1756 км[194]. После – около 811 км береговой линии от устья реки Дунай до Перекопского перешейка с крупнейшим портом Одесса.

Так, можно отметить, что по описанным выше факторам ситуация на протяжении рассматриваемого периода оставалась без изменения в Болгарии, Румынии и Турции, чего нельзя сказать о бывших советских республиках. В Грузии, Украине и России происходили процессы, приводящие к изменению длины береговой линии и широты доступа к морю, а также к возможности сохранения за собой ключевых портов и стратегически важных позиций.

После 1991 г. отношения между НАТО и Россией можно рассматривать как центральный параметр региональной стабильности: именно их динамика – от попыток партнёрства к политике взаимного сдерживания – во многом определяла характер и направления трансформации системы безопасности в Черном море. Геополитическое положение России после 1991 г. даже американские эксперты признали неблагоприятным[195]. Во-первых, значительно уменьшилась площадь страны, изменились её границы, а, во-вторых, сократилось общее влияние на процессы в смежных регионах. После краха ОВД бывшие партнеры Центральной и Восточной Европы склонялись в сторону трансатлантических структур, а отношения с Российской Федерацией утратили былое значение. К тому же, независимость Украины и государств Кавказа, как отмечал З. Бжезинский, лишила Российскую Федерацию доминирующего положения в Черном море[196]. Если ранее Черноморье было путем выхода военно-морской мощи СССР в Средиземноморье, то после 1991 г. Россия была ограничена небольшой береговой

[194] Stanchev H., Palazov A., Stancheva M., Apostolov A. Determination of the Black Sea Area and Coastline Length Using GIS Methods and Landsat 7 Satellite Images. P. 29.
[195] Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и ее геополитические императивы. С. 114.
[196] Там же. С. 115.

полосой и спорными вопросами о правах на базирование в Крыму своего Черноморского флота. Параллельно с этим росла роль НАТО, которая хоть и переживала «кризис идентичности», но продолжала искать новые цели и задачи. По мнению того же З. Бжезинского, Турция «стабилизирует регион Черного моря, контролирует доступ из него в Средиземное море, уравновешивает Россию на Кавказе ..., служит южным якорем НАТО»[197].

Б. Джексон подчеркивал необходимость придания «России значимой роли в этой части мира», что, в свою очередь, превратило бы Черноморский регион в «точку опоры» для установления «зрелых отношений» между Россия и НАТО–ЕС[198].

Архитектура безопасности Черноморского региона после 1991 г. формировалась *последовательно*. Оставленные ОВД и СССР пустые пространства влияния постепенно занимала НАТО, забирая возможность у других участников хоть как-то повлиять на процесс и добиться своих стратегических целей. Расширение Альянса на восток, новые программы партнерства и формы взаимодействия с независимыми участниками международного процесса, использование инструментов «мягкой силы» и военное присутствие в регионе – стали теми шагами, на которые Российская Федерация не могла не реагировать противодействием.

В качестве ключевых параметров безопасности подробнее рассмотрим проблему блоковости, ядерный фактор, военный потенциал и территориальные споры в регионе.

Блоковость. Военно-политическое противостояние посредством блоков было определяющей чертой системы региональной безопасности в период холодной войны. Однако, 1 июля 1991 г. была распущена ОВД, как одна из осей биполярной системы, – в регионе осталась НАТО. В 2002 г. на саммит Альянса в Праге были приглашены представители стран Центральной и Восточной Европы,

---

[197] Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и ее геополитические императивы. С. 114.

[198] Jackson B. The Archaeology of Modern Europe in Strategic Issues Review // NATO Studies Center. Bucharest. 2004. P. 17.

в том числе Болгарии и Румынии, которые стали членами организации уже 29 марта 2004 г. [199]. Так завершилось оформление всех членов блока НАТО в Черноморье.

Попытки создать блок-противовес предпринимались несколько раз, однако не все из них были успешны. Главным инициатором и двигателем интеграционного процесса была Российская Федерация. Наиболее жизнеспособной военно-политической структурой можно назвать Организацию Договора о коллективной безопасности (*далее – ОДКБ*), созданную 7 октября 2002 г. [200]. Прямой выход к Черному морю из всех стран-участниц ОДКБ имеет только Российская Федерация[201].

В данном контексте Черноморский регион представляет собой сложное и многослойное геополитическое пространство, в котором пересекаются интересы двух разнонаправленных систем коллективной безопасности – НАТО и ОДКБ. Обе структуры декларируют схожие цели, связанные с поддержанием региональной стабильности, обеспечением коллективной обороны и противодействием транснациональным угрозам, однако их стратегические ориентиры и политическая природа существенно различаются. НАТО, обладая развитой институциональной структурой, глобальными механизмами военного взаимодействия и значительным ресурсным потенциалом, выступает ведущим актором евроатлантической системы безопасности. В то время как ОДКБ, концентрирующая свои усилия преимущественно в евразийском пространстве, обладает ограниченными возможностями для проекции силы и не может в полной мере соперничать с Альянсом по масштабам влияния и уровню военной интеграции. Взаимодействие и конкуренция этих организаций в Черноморском регионе формируют сложную конфигурацию безопасности, в которой баланс сил

---

[199] NATO member countries // North Atlantic Treaty Organization. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_52044.htm (дата обращения: 27.04.2024).

[200] Договор о коллективной безопасности // ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (дата обращения: 27.04.2024).

[201] Ибрагимов А. Г. ОДКБ как инструмент региональной безопасности // Постсоветские исследования. 2019. № 4. С. 1158–1159.

поддерживается не столько за счёт прямого противостояния, сколько через механизмы сдерживания и демонстрации политико-военного присутствия.

Ядерный фактор. На момент дезинтеграции Советского Союза ядерное оружие (*далее – ЯО*) осталось в ряде постсоветских стран – России, Казахстане, Беларуси и Украине[202]. Российская Федерация как правопреемница сохранила основной ядерный потенциал и вошла в ядерный клуб, однако вопрос советского ядерного вооружения стал серьезным вызовом для региональной системы безопасности, что привело к продолжительным международным переговорам. В рамках данного исследования рассмотрим процесс денуклеаризации Украины как одной из стран Черноморского региона.

К 1991 г. на территории Украины насчитывалось около двух тысяч ядерных боеприпасов стратегических комплексов, что делало этот арсенал одним из самых больших во всем мире[203]. Однако важно учесть, что этот арсенал не был украинским: он составлял лишь часть советского ракетно-ядерного вооружения. Правительство Украины не имело возможности воспользоваться этим вооружением, так как функции контроля за стратегическими ядерными силами оставалась в России[204].

Президент Украины Л. М. Кравчук позже отмечал, что гипотетическая эксплуатация и переработка боеголовок была бы тяжким финансовым бременем и требовала уже к 1997 г. средств, которых у страны не было[205]. Кроме того, что у страны не было кодов для запуска и доступного финансирования, со временем стало не хватать специалистов, так как многие уехали в Россию.

В Декларации о государственном суверенитете от 16 июля 1990 г. Украина провозгласила свое намерение в будущем стать постоянно нейтральным государством, не участвующим в военных блоках и соблюдающим три неядерных

---

[202] Ядерное разоружение Украины – как это было / Новости ООН. 2014. URL: https://news.un.org/ru/audio/2014/01/1021331 (дата обращения: 28.04.2024).
[203] Никуличев Ю. В. «Прощай, оружие»: может ли Украина создать свой ядерный арсенал? // АПЕ. 2020. № 3. С. 151.
[204] Там же. С. 147.
[205] Кравчук объяснил, почему Украине не нужно ядерное оружие // Украина.ру. 2017. URL: https://ukraina.ru/news/20170227/1018343104.html (дата обращения: 17.02.2023).

принципа – не принимать, не производить и не приобретать ЯО[206]. В следующем году Верховная рада приняла специальное постановление о безъядерном статусе Украины[207].

Не без посредничества США 5 декабря 1994 г. Украина подписала Будапештский меморандум или Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия[208]. Подписанный Л. Д. Кучмой, Б. Н. Ельциным, Б. Клинтоном и Дж. Мейджором документ предусматривал, что Украина присоединяется к Договору о нераспространении ядерного оружия как государство, не обладающее им. В установленные сроки страна обязывалась удалить весь ядерный арсенал, оставшийся на территории Украины после распада СССР[209]. С 1 июня 1996 г. из всех стран региона только у России есть ЯО.

Вопрос о ядерной политике России остается двойственным[210]. В «Основных положениях военной доктрины Российской Федерации» от 1993 г. были описаны два сценария использования ЯО: 1) вооруженное нападение ядерной страны на Россию или ее союзников; 2) поддержка агрессора государством, обладающим ЯО[211]. Военная доктрина Российской Федерации 2000 г. допускала возможность отражения агрессии с применением как ядерных, так и обычных вооружений[212]. В Военной доктрине 2010 г. указано: «Российская Федерация оставляет за собой

---

[206] Декларація про державний суверенітет України / Верховна Рада Української РСР. Київ, 1990. URL: https://zakon.rada.gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=55-12 (дата обращения: 17.02.2023).

[207] Никуличев Ю. В. «Прощай, оружие»: может ли Украина создать свой ядерный арсенал? // АПЕ. 2020. № 3. С. 148.

[208] Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия // Электронный архив МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/upload/medialibrary/fe3/%D0%B1.%D0%BC%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%83%D0%BC.pdf (дата обращения: 28.04.2024).

[209] Михайленко Е. Б., Вербицкая Т. В. Проблема сохранения Будапештского Меморандума как действенной гарантии ядерной безопасности // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 4. С. 28.

[210] Фененко А. В. Фактор тактического ядерного оружия в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 2. С. 39.

[211] Ефимов Н. Н. Политико-военные аспекты национальной безопасности России. М.: УРСС, 2006.

[212] Об утверждении Военной доктрины Российской Федерации: Указ Президента РФ от 21 апреля 2000 г. № 706 // Собр. законодательства РФ. 2000. № 17. Ст. 1852.

право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозу поставлено само существование государства»[213].

Важным фактором является то обстоятельство, что Турция остается страной, предоставляющей свою территорию для размещения ЯО других ядерных держав-членов НАТО. Иными словами, у Турции нет своего ЯО, однако с военных баз НАТО в стране оно может быть запущено[214].

Военный потенциал. На протяжении рассматриваемого периода расходы на вооружение и соотношение вооруженных сил региональных государств достаточно динамично менялись. Особенно ярко тенденция к милитаризации проявилась после 2014 г. Воссоединение Крыма с Россией определенно привело к нарушению баланса, однако для разного уровня участников эффект был неодинаковый. Для раскрытия этого вопроса, остановимся на военном потенциале стран, связанным с расходами на оборону в процентах от ВВП (см. Приложение № 3) и соотношением вооруженных сил.

Расходы Болгарии и Румынии на вооружение имели общий тренд к снижению. У Болгарии значения колеблются от 3,13% до 1,22% от ВВП страны. Если не учитывать единичный всплеск в 2019 г., то расходы с 1991 по 2008 гг. колебались в районе 2,5%, а с 2009 по 2021 гг. значения оставались около 1,5% от ВВП страны[215]. У Румынии пиковые значения в 4,77% от ВВП были в 1991 г., но затем тренд идет к снижению до 1,8% в 2021 г.[216]. Такие изменения связаны в том числе с тем, что после вступления в НАТО этим странам не было необходимости поддерживать военные расходы в прежних долях, заручившись гарантиями безопасности и военной поддержки Альянса в случае нападения.

---

[213] Ефимов Н. Н. Политико-военные аспекты национальной безопасности России.
[214] В НАТО случайно раскрыли места размещения ядерных бомб США в Европе // РБК. 2024. URL: https://www.rbc.ru/politics/17/07/2019/5d2eacb69a794752ed763349 (дата обращения: 05.05.2024).
[215] Military Expenditure Database // SIPRI. URL: https://www.sipri.org/databases/milex (дата обращения: 30.04.2024).
[216] Ibid.

У Грузии ситуация атипичная. Первый период с 1996 по 2001 гг. обозначен сильным снижением расходов на вооружение: с 2,21% до 0,7%, далее относительно стабильный период с 2002 по 2004 гг. со средними значениями в 1,15%. Но уже с 2005 г. виден рост военных расходов, пиковые значения которых пришлись на 2007 и 2008 гг. в 9,16% и 8,52% соответственно. В абсолютных значениях тренд подтверждается затратами более 1 млрд долл. США в эти два года. Связано это, безусловно, с осетино-грузинским конфликтом, после окончания которого затраты так же плавно уменьшаются до 1,61% в 2021 г.[217].

В Украине военные расходы до 2014 г. держались приблизительно на уровне 2,7%. Пиковыми значения видны в 1997 и 2000 гг., когда доля расходов от ВВП составила 3,99% и 3,51% соответственно. Начиная с 2014 и до 2021 г. виден тренд на увеличение расходов: от 2,97% в 2014 г. до 4,4% в 2020 г. Безусловно, это связано с конфликтом на востоке страны[218].

Что касается Турции, то в 1990-е гг. расходы на вооружения доходили до 3,18–4,14% от ВВП страны. Однако уже в 2000-х гг. расходы снижались и в 2015 г. показали минимальный процент от ВВП страны в 1,81%[219].

Из всех прибрежных стран Российская Федерация удерживала расходы на вооружение примерно на одном уровне в 3,5–4%. Были годы, когда затраты на вооружение сильно снижались, однако на общий тренд это не влияло. Если всплеска расходов в 2007–2008 гг. не было, то с 2013 по 2016 гг. они значительно выросли. Пиковым годом по этому значению был 2016 г. – 5,43%[220].

В абсолютных значениях расходы Болгарии не превышали 2,5 млрд долл. США, Румынии – 5,5 млрд долл. США, Грузии – 1,1 млрд долл. США, Украины – 7,5 млрд долл. США, Турции – 16,2 млрд долл. США, а России – 93 млрд долл. США[221].

---

[217] Military Expenditure Database // SIPRI.
[218] В НАТО случайно раскрыли места размещения ядерных бомб США в Европе // РБК. URL: https://www.rbc.ru/politics/17/07/2019/5d2eacb69a794752ed763349 (дата обращения: 05.05.2024).
[219] Military Expenditure Database // SIPRI.
[220] Ibid.
[221] Ibid.

Как отмечает И. Деланоэ, после 2008 г., несмотря на осетино-грузинский конфликт, экономический кризис положил конец росту милитаризации региона, и бюджетные средства, выделенные на военные нужды именно в Черноморском регионе с 2008 по 2009 гг., резко (на 10%) сократились [222]. Геополитические изменения 2014 г. заставили членов НАТО пересмотреть свои расходы. Так, например, в 2014 г. США потребовало от союзников повысить свои расходы на оборону. С этим заявлением выступил министр обороны США Ч. Хэйгел [223], потребовав инвестировать не менее 2% ВВП в сферу обороны. Ч. Хэйгел также призвал НАТО «вступить в борьбу с потенциально ужасными последствиями нынешних тенденций сокращения инвестиций в оборону – последствиями, которые в долгосрочной перспективе представляют такую же угрозу для Альянса, как и любой потенциальный противник»[224]. У всех стран региона, кроме Украины, России и Румынии, расходы продолжили идти на спад в последующий год.

Обязательную планку по расходам на оборону члены НАТО установили в сентябре 2014 г. на саммите в Уэльсе [225]. Она составила 2% от ВВП стран-участниц. Тогда требованию отвечали только три страны – США, Греция и Великобритания. Начиная с 2014 г., НАТО ежегодно собирает у союзников информацию об оборонных расходах и открыто публикует их на официальном сайте (см. Приложение № 4) [226].

В регионе можно выделить три группы стран по военному потенциалу. В первую группу входят Россия и Турция, державы, которые решают не только региональные вопросы безопасности, но используют Черное море в том числе для защиты своих интересов в других регионах. К этому, Турция и Россия реализуют военную программу модернизации. Во вторую группу можно отнести Румынию,

---

[222] Соотношение вооруженных сил в Черноморском регионе // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/blackseamilitary (дата обращения: 30.04.2024).

[223] U.S. presses allies to raise defense spending after Ukraine. URL: https://www.reuters.com/article/2014/06/03/us-ukraine-crisis-nato-idUSKBN0EE2C320140603/ (дата обращения: 30.04.2024).

[224] Ibid.

[225] Насколько страны НАТО увеличили расходы на оборону // РБК. 2025. URL: https://www.rbc.ru/politics/13/02/2025/67a256929a79477d6f42cadb (дата обращения: 23.03.2025).

[226] Оборонные расходы стран НАТО (2014-2023 гг.) // НАТО. 2024. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_223304.htm (дата обращения: 23.03.2025).

Болгарию и Украину, имеющие серьезные возможности противостоять потенциальным угрозам, а к третьей – Грузию, которая была вынуждена увеличить свои вооруженные силы в целях противостояния потенциальным локальным конфликтам.

Согласно рейтингу Global Firepower, по состоянию на 2014–2015 гг. Россия играет роль гегемона в вопросах военной мощи[227]. Хотя важно учитывать, что в расчетах учитывались все российские вооруженные силы, включая силы, дислоцирующиеся в Восточном, Центральном и Западном военных округах[228]. Следом за Россией идут Турция и Украина.

Территориальные споры. С 1991 по 2021 г. в регионе произошло несколько территориальных конфликтов, которые, однако, имели разную динамику, остроту и продолжительность. К наиболее значимым конфликтам относятся грузино-абхазский (1992–1993 гг.), грузино-южноосетинский (1991–1992 гг., а также война августа 2008 г.), приднестровский (1990–1992 гг.), а также конфликт на востоке Украины, начавшийся в 2014 г. В то же время в Черноморском регионе существовали и затяжные противоречия, которые не всегда переходили в фазу вооружённого столкновения, как, например, румыно-украинский территориальный спор.

Конфронтация между суверенными странами появилась после дезинтеграции СССР, однако некоторые конфликты тлели достаточно продолжительный период времени и до этого. Например, грузино-абхазский и грузино-южноосетинский.

Грузия оба этих конфликта рассматривает как внутренние дела страны. Сразу после дезинтеграции Советского Союза Абхазия начала путь выхода из состава страны. Руководство Грузии было готово обсуждать статус автономии, но в составе одной страны. С 1992 г. начались военные действия, которые привели к освобождению территорий Абхазии от грузинских войск в 1993 г. Гарантом своей

---

[227] Соотношение вооруженных сил в Черноморском регионе // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/blackseamilitary (дата обращения: 30.04.2024).
[228] Там же.

независимости абхазцы считают Российскую Федерацию[229], которая подписала сначала Договоре о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между Российской Федерацией и Республикой Абхазия 17 сентября 2008 г., а затем в 2014 г. Договор о союзничестве и стратегическом партнерстве, предусматривающий совместную оборону[230]. Статья 3 Договора предусматривает скоординированную внешнюю политику стран и создание общего пространства обороны и безопасности[231].

Параллельно с событиями в Абхазии произошло обострение ситуации в Южной Осетии. После провозглашения независимости, Грузия официально упразднила автономию региона. Этот факт привел к провозглашению независимости Югоосетинской Республики и военному конфликту с 1991 по 1992 гг.

24 июня 1992 г. благодаря подписанному соглашению о принципах мирного урегулирования конфликта в Южной Осетии между Грузией и Россией[232] и вводу в Югоосетинскую Республику миротворческих сил СНГ в лице российских военных и грузинской полиции здесь установилось относительное спокойствие, поддерживаемое, как и в Абхазии, российскими миротворцами и военными наблюдателями ООН[233].

В 2014 г. обострились российско-украинские противоречия, также появившиеся после дезинтеграции СССР. В Украине сменилась власть, которая имела ярко выраженную евроатлантическую ориентацию, нацеленную на отдаление от России и вступление в НАТО. Пророссийские настроения и

---

[229] Кадырбаев А. Ш. Потенциальные «горячие точки» в Черноморском регионе и Российская Федерация // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 14.

[230] Договор между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзничестве и стратегическом партнерстве. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/4783 (дата обращения: 01.05.2024).

[231] Там же.

[232] Соглашение о принципах урегулирования грузинско-осетинского конфликта. URL: https://docs.cntd.ru/document/1902246 (дата обращения: 16.08.2025).

[233] Кадырбаев А. Ш. Потенциальные «горячие точки» в Черноморском регионе и Российская Федерация. С. 15.

ориентация жителей Крыма способствовали воссоединению территории полуострова с Российской Федерацией.

Среди прочих острым стал вопрос о статусе принадлежащего Украине острова Змеиный, а вместе с этим и принадлежность залежей углеводородов рядом с островом. Эти залежи, теоретически, могли существенно улучшить энергетическую ситуацию как на Украине, так и в Румынии[234].

В это же время Румыния интегрировалась в НАТО. Через пять лет после заключения договора о сотрудничестве, в 2003 г., Украина заключает с Румынией второй, не менее важный, договор «О режиме украинско-румынской границы»[235]. По сути, документ никак не решал основную проблему – определения границ в черноморском регионе [236] , однако, обеспечил Румынии вступление в Североатлантический альянс 23 марта 2004 г.

13 сентября 2004 г. Румыния потребовала пересмотра морской границы с Украиной, официально подняв вопрос о статусе Змеиного. Главный предмет спора, который решался на протяжении нескольких лет, – считать ли Змеиный островом или скалой. 3 февраля 2009 г. Международный суд признал остров Змеиный островом, а не скалой, но тут же указал, что тот, в свою очередь, не должен фигурировать в определении границ между сторонами спора[237]. Украина вынуждена была отдать под управление Румынии около 79,34% спорного шельфа (около 9.700 км^2), а сам остров остался подконтрольным Киеву[238]. Однако, убытки Украина понесла, так как в разделенном Черноморском шельфе находится

---

[234] Проблемы острова Змеиный должны решаться на госуровне, заявляет Ющенко. URL: https://rian.com.ua/ukraine_news/20071106/77803872.html (дата обращения: 12.08.2023).

[235] Договор между Украиной и Румынией о режиме украинского-румынской государственной границы, сотрудничестве и взаимной помощи по пограничным вопросам (г. Черновцы, 17 июня 2003 г.). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=33571943#pos=0;0 (дата обращения: 16.08.2025).

[236] Букарский В. Предательство Украины в обмен на НАТО. URL: http://www.komitet.net.ua/article/18617/ (дата обращения: 15.08.2023).

[237] Maritime delimitation in the Black Sea (Romania v. Ukraine), judgment of 3 February 2009. URL: https://web.archive.org/web/20171031115513/http://www.icj-cij.org/files/case-related/132/132-20090203-JUD-01-00-EN.pdf (дата обращения: 17.08.2025).

[238] Ibid.

большое месторождение газа (около 70 млрд кубометров) и нефти (около 12 млн т.)[239].

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что после окончания холодной войны ситуация в регионе перестала быть стабильной. 25 мая 2011 г. в Одессе состоялся круглый стол «Черноморский регион: геополитическая дилемма или высокоприоритетное пространство?», организатором которого выступил Фонд «Открой Украину»[240]. Во время круглого стола эксперты отметили, что Черноморский регион, как и в начале 1990-х гг., характеризуется высоким риском для инвестиций, наличием меж- и внутригосударственных вооруженных конфликтов, неэффективными региональными организациями и режимами, наркоторговлей, нелегальной миграцией, отсутствием личной безопасности для граждан и безопасности для государств, неэффективным энергопотреблением, экологическими угрозами и низким уровнем вовлеченности в глобализационные процессы. Такая ситуация характерна для всего хронологического периода данного исследования.

С одной стороны, высокие риски и общие кризисные процессы в Черноморском регионе ускорили интеграцию Украины и Грузии в структуры Североатлантического альянса, усилив напряженность в отношениях между НАТО и Российской Федерацией. С другой стороны, появление новых конфликтов продемонстрировали стремление России не только сохранить сложившийся статус-кво, но и восстановить геостратегические позиции, утраченные после распада СССР. Сопоставимый военный потенциал сторон в Черном море вынуждает их учитывать стратегические интересы друг друга, что, в свою очередь, диктует необходимость поиска компромиссных решений[241].

---

[239] Суляк С. Г. Молдавия и русский мир: возможно ли возвращение? // Русин. 2012. № 3 (29). С. 5–33.

[240] Черноморский регион: геополитическая дилемма или высокоприоритетное пространство? // BlackSeaNews. 2011. URL: https://www.blackseanews.net/read/18263 (дата обращения: 16.01.2025).

[241] Смогла П. Н., Шаншиева С. В. Европейская безопасность в контексте отношений России и НАТО в Черноморском регионе в постбиполярный период. С. 58.

Увеличение количества акторов, разнообразие национальных интересов и ориентиров государств, соучастие внешних евроатлантических институтов в вопросах региональной безопасности, ядерный фактор, наличие нескольких территориальных споров и трансформация природы рисков на протяжении рассматриваемого периода серьезно повлияли на региональную подсистему международных отношений. Последовательно учитывая все эти факторы и потенциально рассматривая новые источники вызовов и угроз, Североатлантический альянс приступил к формулированию своих первых концептуальных основ, затрагивающих в том числе черноморское направление.

1.2. Концептуальные основы стратегий НАТО и региональный вектор

За 75 лет своего существования Североатлантический альянс прошел через ряд внутренних и внешних кризисов[242]. Одним из переломных моментом для организации стало окончание холодной войны. Новая геополитическая реальность обязала Альянс по-другому посмотреть на свою цель, приоритетные задачи, формы и методы деятельности и общую стратегическую концепцию. 8 ноября 1991 г. впервые публикуется открытый документ «Новая стратегическая концепция Альянса»[243]. Публичность новой стратегии стала отличительной чертой и качественным поворотом в формировании будущих доктринальных установок и принципов организации. До 1991 г. документы преимущественно были засекречены, а излагаемые в них принципы повторяли установки национальной военной стратегии Соединенных Штатов Америки[244]. В 1991 г.

[242] The North Atlantic Treaty. 1949. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17120.htm (дата обращения: 07.01.2024).
[243] The Alliance's New Strategic Concept. 1991. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23847.htm (дата обращения: 07.01.2024).
[244] Буденный А. А. Эволюция стратегической концепции НАТО и фактор России // EESJ. 2021. № 1-7 (65). С. 4–9.

Альянс заявил о новом открытом стратегическом формате «оборона плюс диалог, плюс сотрудничество»[245].

Особенности Стратегии-91. «Новая стратегическая концепция Альянса» была призвана «отразить новую эпоху в Европе» в связи с теми политическими изменениями, которые прошли с 1989 г., начиная с вывода советский войск из Чехословакии и Венгрии, заканчивая внутренними реформами в странах бывшего социалистического блока[246]. Стратегия 1991 г. стала реакцией членов организации на происходящие события, где нашли свое выражение потенциальные риски и система противодействия. Главные акценты делались на интеграцию объединенной Германии в системы европейской безопасности, на военную прозрачность в Европе, однако региональный аспект затрагивался только поверхностно. Прежде всего о военных рисках и угрозах для членов Альянса говорилось в контексте политических трансформаций, который начинались в странах Центральной и Восточной Европы и СССР. Кроме того, в стратегии уделяется внимание угрозам со стороны Южного Средиземноморья и Ближнего Востока. Черноморский регион в этот период ещё не интересовал Альянс в полной мере[247].

Стратегия-91 состоит из 5 частей и включает в себя 59 пунктов, которые охватывают вопросы стратегического контекста, целей, функций безопасности Альянса и рекомендаций по защите. Если глобальные цели НАТО от Стратегии-91 к Стратегии-99 существенно не изменились, то задачи Организация ставила перед собой разные. Главный фокус Стратегии-91 был направлен на обеспечение основ безопасности в Европе, естественное развитие демократических институтов, а также сохранение стратегического баланса внутри региона[248]. Соединенные Штаты Америки и Канада, которые являются основателями НАТО и её первыми членами, из контекста задач Альянса в Стратегии-91 выпадают. Акцент во всей Стратегии делается только на Европу и региональную

[245] The Alliance's New Strategic Concept, 1991.
[246] Ibid.
[247] Ibid.
[248] Ibid.

безопасность Старого Света. К слову, сам термин «евроатлантический» (англ. *Euro-Atlantic*) в первой стратегии отсутствует. Вместо этого речь идёт либо о Европе, либо о «трансатлантических связях» (англ. *the transatlantic link*)[249]. Контекст, куда можно включить США и Канаду, впервые появляется только в Стратегии 1999 г. и сразу становится базовым, так как употребляется 39 раз[250]. Такая направленность на решение проблем безопасности европейских партнеров может объяснятся, в том числе, поисками «новой миссии» организации, которая пыталась обосновать своё существование и сохранение, в отличие от ОВД.

Важной особенностью Стратегии-91 стало то, что прямая угроза нападения на европейские фронты НАТО фактически была устранена. Составители концепции и руководство Альянса это понимали ещё до распада Советского Союза. Вместе с исчезновением «угрозы», которая больше не являлась фокусом для стратегии НАТО, акцент делается на «рисках» для участниц организации и региональной безопасности[251]. Ключевая разница в том, что риски возникают не в результате агрессии против стран-участниц НАТО, а в моменты нестабильности в соседних странах, которые только встали на путь демократических преобразований. К числу таких рисков документ 1991 г. относит, например, нестабильность ситуации в Восточной Европе, конфликты вне Европы, распространение ядерного оружия[252].

Наконец, причиной публичности Стратегии-91 можно назвать в том числе переориентацию на сотрудничество и диалог с новыми странами[253], которые до этого момента были в поле интересов Советского Союза, а также с новыми интеграционными структурами, например, СБСЕ, ЕС и ЗЕС. Помимо базовых и неизменных принципов НАТО, среди которых «коллективная оборона» и стратегия «гибкого реагирования», документ 1991 г. закрепляет установление

---

[249] The Alliance's New Strategic Concept, 1991.

[250] The Alliance's Strategic Concept, 1999. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27433.htm (дата обращения: 07.01.2024).

[251] Буденный А. А. Эволюция стратегической концепции НАТО и фактор России. С. 4–9.

[252] Антюхова Е. А. Формирование Стратегии НАТО в постбиполярный период. С. 17–24.

[253] Яскович Д. А. Эволюция стратегических концепций НАТО в постсоветский период: формирование стратегии продвижения на Восток. С. 210–214.

связей с бывшими странами-участницами ОВД и, соответственно, выход НАТО на новые политические пространства[254].

Изменения стратегической среды безусловно повлияли на роль вооруженных сил Альянса и ту миссию, которую НАТО закрепляет в Стратегии-91. Исходя из тех посылок, что глобальная угроза уступила место многообразию рисков, новая миссия вооруженных сил определяется как защита от этих рисков, дополнение к политическим действиям для более эффективного «управления кризисами»[255].

Особенности Стратегии-99. Первой стратегической концепцией НАТО после краха биполярной системы международных отношений стала концепция 1999 г. Как уже было отмечено выше, пересмотр стратегии был вызван дальнейшими изменениями, происходящими в Европе и мире. В обновленной Стратегии-99 декларировалась маловероятность агрессии против Североатлантического союза, однако уже не исключалось возникновение такой угрозы в будущем[256].

Стратегия-99 также состоит из 5 частей и включает в себя 65 пунктов, которые охватывают вопросы целей и задач Альянса, стратегических перспектив, подходов к безопасности в XXI веке и принципов стратегии НАТО (см. Приложение № 5). Цель Организации осталась неизменной, главный акцент делался на гарантиях свободы и безопасности участниц Альянса политическими и военными средствами. Здесь можно отметить преемственность подхода к определениям цели. Что касается задач, то в обновленной Стратегии-99 они были разделены на пять направлений – Безопасность, Консультации, Сдерживание и оборона, Кризисное управление и Партнерство. Помимо утверждения базовых положений Вашингтонского договора и преемственности некоторых задач Стратегии-91, задачи новой концепции определили необходимость обеспечить основы для безопасности стабильной «евроатлантической среды», а также

---

[254] The Alliance's New Strategic Concept, 1991.
[255] Яскович Д. А. Эволюция стратегических концепций НАТО в постсоветский период: формирование стратегии продвижения на Восток. С. 210–214.
[256] The Alliance's Strategic Concept, 1999.

активно участвовать в кризисном регулировании и содействовать диалогу с другими странами региона[257]. Можно сказать, что с появлением новой стратегии произошло закрепление роли Альянса как активного медиатора в политических кризисах и военных обострениях как внутри региона, так и на «периферии».

В это же время впервые полноценно прописываются положения о роли России и Украины в новом порядке. Так, было отмечено, что Российская Федерация играет уникальную роль в обеспечении безопасности евроатлантического региона. В рамках Основополагающего акта о взаимоотношениях, сотрудничестве и безопасности между НАТО и Россией обе стороны приняли на себя обязательство развивать свои отношения на основе общих интересов, взаимности и прозрачности с целью достижения прочного и всеобъемлющего мира в евроатлантическом регионе, основанного на принципах демократии и безопасности через сотрудничество[258]. Что касается Украины, то было отмечено, что она занимает особое положение в контексте евроатлантической безопасности и является значимым партнером в укреплении стабильности и продвижении общих демократических ценностей[259]. Важную роль в этом сыграла Хартия НАТО–Украина, включающая политические консультации по вопросам, представляющим общий интерес, и разнообразные инициативы практического сотрудничества[260].

Природа рисков в основе остается той же, что и в Стратегии-91. Они разнонаправленные и труднопрогнозируемые, однако угрожают безопасности стран-участниц не напрямую, а косвенно.

После роспуска ОВД и окончания холодной войны прямая угроза для стран-участниц НАТО фактически исчезла. Новая стратегия НАТО 1991 г. была ориентирована в первую очередь на поиск новых форм сотрудничества и

---

[257] The Alliance's Strategic Concept, 1999.

[258] Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора. 1997. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (дата обращения: 08.01.2024).

[259] The Alliance's Strategic Concept, 1999.

[260] Хартия об особом партнерстве между Организацией Североатлантического договора и Украиной. 1997. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25457.htm (дата обращения: 08.01.2024).

установления партнерских отношений с восточноевропейскими странами, которые вышли из-под сферы влияния СССР. Переориентация на открытость стратегии, более мирные и конструктивные подходы стали отличительными особенностями первых лет после развала Советского Союза, однако уже скоро стало понятно, что устранение одних угроз привело к появлению новых. Так политические кризисы на постсоветском пространстве, война в Югославии, кризисы на Ближнем Востоке стали причиной активизации «миротворческих» усилий со стороны Альянса, что дает повод утверждать о смене методов поддержания стабильности и региональной безопасности, трансформации миссии вооруженных сил НАТО, размытии географических рамок деятельности организации и неопределенности рисков. Более широкий спектр военных операций вне территорий участников Альянса и общая борьба с терроризмом можно считать отличительными особенностями Стратегии-99.

Стратегии 1990-х гг. сделали НАТО одним из ведущих институтов на глобальном уровне с продекларированными принципами, ценностями и идеями демократического развития. Руководству НАТО удалось в начале десятилетия обосновать свою ключевую роль для европейских партнеров и сохранить структуру, несмотря на потерю прямого конкурента. Вместо угроз, которые видела Организация в Советском Союзе, нашлись риски «новой эпохи». В то же время эволюция «евроатлантической» риторики говорит о существенном сращивании с интеграционными структурами, которые развивались в Европе параллельно. С середины 1990-х гг. НАТО необходимо учитывать не только мнение стран-участниц, но и регулировать отношения с интеграциями европейского региона, а в некоторых сферах даже конкурировать с ними.

Особенности Стратегии-10. 19 ноября 2010 г. в Лиссабоне была одобрена новая стратегическая концепция, которая получила название «Активное участие, современная оборона»[261]. В очередной раз подчеркивалось, что в меняющемся мире НАТО необходимо разработать следующие шаги своего развития, чтобы

[261] Active Engagement, Modern Defence, 2010. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68580.htm (дата обращения: 07.01.2024).

эффективно работать над устранением новых угроз, обеспечивать общую оборону и безопасность.

Уже в предисловии Стратегии прописываются обязанности Альянса, среди которых предотвращение кризисов, управление конфликтами и стабилизация постконфликтных ситуаций, что закрепляет использование не только инструментов сотрудничества с международными партнерами (ООН и ЕС), но и военные силы Альянса и даже ЯО государств-участников[262].

Неизменной основой деятельности НАТО остается её миссия. Прежде всего, речь идет о сохранении Альянса и его партнеров в качестве сообщества свободы, мира, безопасности и общих ценностей. В самой Стратегии Альянс называется «важнейшим источником стабильности в непредсказуемом мире»[263].

Переходя к факторам безопасности Альянса, задекларированных в новой Стратегии, важно отметить меняющийся спектр вызовов и угроз. Так, среди ключевых задач сферы безопасности Альянса выделены три аспекта: 1) коллективная оборона; 2) кризисное регулирование; 3) безопасность на основе сотрудничества[264]. Частично аспекты повторяют содержание Стратегии-99 и подчеркивают уникальную важность статьи 5 Вашингтонского договора, однако «кризисное регулирование» приобретает новые параметры.

В Стратегии-99 только начиналось обоснование активного участия Альянса в управлении кризисами, тогда как в новой Стратегии-10 аспект кризисного регулирования получил больший вес и возможности. Так, в тексте Стратегии указано, что Североатлантический альянс уже имеет необходимые инструменты для преодоления кризисов любого характера, а главное, что НАТО будет эти инструменты активно использовать. В группу таких кризисов попадают все, которые могут «потенциально затронуть безопасность Союза»[265].

К 2010 г. произошла трансформация спектра угроз для НАТО и её стран-участниц. Как отмечалось ранее, угроза прямого нападения обычными

---

[262] Active Engagement, Modern Defence, 2010.
[263] Ibid.
[264] Ibid.
[265] Ibid.

вооруженными силами на территорию Альянса продолжала оставаться маленькой. Косвенные угрозы можно свести к распространению ядерного оружия и баллистических ракет, терроризму, кибератакам, перебоям энергоснабжения, разработке новых видов оружия, в том числе космического, и экологическим проблемам[266].

В пункте 16 Стратегии подчеркивалось, что НАТО «не рассматривает никакую страну в качестве своего противника»[267]. Помимо этого, ключевым элементом Стратегии осталось сдерживание на основе сочетания ядерного и обычного военного потенциала.

После 2014 г. перед Альянсом встала проблема пересмотра стратегических подходов к обеспечению безопасности на европейском континенте в целом и в регионах, прилегающих к зонам повышенной конфликтности.

На саммите НАТО в Уэльсе в 2014 г. члены Альянса заявили, что действия Российской Федерации в Черноморском регионе требуют многоплановых мер реагирования. Были обозначены направления работы в области международного права, оперативно-тактического взаимодействия, а также разработки новых концептуальных подходов для укрепления евроатлантической безопасности[268]. Эти изменения стали основой для формирования новых стратегических принципов деятельности Альянса, направленных на «сдерживание» России.

В условиях противостояния новым вызовам, включая перенос зоны ключевых угроз на европейский континент, НАТО акцентировало свою роль как ведущего регионального актора. Эти обстоятельства возродили внимание США к вопросам европейской безопасности, что усилило их значимость в структуре Альянса.

Политика расширения НАТО на восток, стремление блока включить в зону своего влияния Украину, отказ учитывать интересы безопасности России привели к разрыву сотрудничества между НАТО и РФ как в военной, так и в гражданской

---

[266] Зепос Я.-А. Оглянитесь назад, чтобы увидеть будущее. О Стратеги ческой концепции НАТО // Международная жизнь. 2012. № 1. С .21–35.

[267] Active Engagement, Modern Defence, 2010.

[268] Wales Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2014. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_112964.htm (дата обращения: 11.12.2022).

сферах. Кроме того, стратегия Альянса стимулировала усиление военного присутствия на восточной границе НАТО, включая регионы, прилегающие к России. В концепции внешней политики Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. действия НАТО описаны как угрожающие региональной и глобальной стабильности[269]. Россия обозначила свою позицию, основываясь на уровне готовности Альянса к равноправному диалогу. В документе выражено отрицательное отношение к расширению НАТО и продвижению её военной инфраструктуры к российским рубежам. Наращивание активности Альянса в пограничных с Россией государствах оценивается как нарушение принципа неделимой безопасности и причина углубления разделительных линий в Европе.

На саммите НАТО, проходившем в Ньюпорте в сентябре 2014 г., был достигнут консенсус о защищенности восточных границ НАТО, включающего Черноморский регион[270].

На Варшавском саммите НАТО летом 2016 г. был сделан акцент на переход к открытому сдерживанию Российской Федерации, которая была обозначена как источник нестабильности и главный вызов для Альянса. В коммюнике саммита НАТО заявила о своей поддержке «региональных усилий прибрежных государств Черного моря, направленных на обеспечение безопасности и стабильности», и обязалась принять «надлежащие меры для развития целенаправленного передового присутствия в юго-восточной части территории Североатлантического союза», включая многонациональную бригаду с целью проведения учений в регионе[271]. Ключевым итогом саммита стало решение об усилении восточных границ НАТО. В рамках этих мер были размещены четыре многонациональных батальона в Польше и странах Балтии под командованием Великобритании, Канады, Германии и США в рамках программы расширенного

---

[269] Указ Президента РФ от 30 ноября 2016 г. N 640 «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации». URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf (дата обращения: 07.01.2025).

[270] Wales Summit Declaration, 2014.

[271] Anastasov P. The Black Sea region: A critical intersection // NATO Review. URL: https://www.nato.int/docu/review/articles/2018/05/25/the-black-sea-region-a-critical-intersection/index.html (дата обращения: 28.11.2022).

передового присутствия. Также были открыты новые командные центры и усовершенствованы механизмы планирования и реагирования. Однако меры в отношении Черноморского региона оказались менее масштабными, ограничившись только ротационным присутствием войск НАТО в Румынии и Болгарии[272].

Альянс также разработал стратегический подход к противодействию гибридной войне, который был согласован с Европейским союзом. В этом контексте киберпространство получило статус новой зоны оперативной деятельности.

Для Украины важным результатом саммита стало принятие Комплексного пакета помощи и обновление формата взаимодействия с НАТО. Интенсификация сотрудничества началась в 2016 г. с создания Платформы Украина–НАТО, направленной на укрепление диалога и совместную работу в интересах обеих сторон[273].

Однако, несмотря на общую поддержку Украины, саммит выявил наличие внутренних противоречий среди союзников в вопросе выработки единой позиции в отношении России. Эта проблема обострилась на Брюссельском саммите НАТО 2018 г. Помимо угроз региональной безопасности, внимание привлек кризис трансатлантических связей, вызванный напряжением между США и другими членами Альянса. Основными вопросами повестки дня стали распределение расходов внутри НАТО, ультимативная позиция администрации США и обсуждение перспектив расширения Альянса на Западные Балканы, включая вступление Северной Македонии[274].

Изоляционистская политика администрации Д. Трампа в отношении безопасности Европы вызвала усиление идеи стратегической автономии, особенно среди западноевропейских стран, таких как Франция. Эти разногласия

---

[272] Warsaw Summit Communiqué // North Atlantic Treaty Organization. 2016. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (дата обращения: 11.12.2022).
[273] Ibid.
[274] Ibid.

позволили России стабилизировать отношения с Францией и Германией, частично смягчив эффект санкций.

На Лондонском саммите НАТО 2019 г. противоречия внутри Альянса вновь проявились, что было связано с отсутствием консенсуса между США, Францией и Турцией по вопросам функционирования организации. Саммит утвердил обновленный план защиты Польши и стран Балтии, а также подтвердил оперативную готовность плана быстрого реагирования, включая размещение шести интернациональных бригад на восточных границах Альянса[275].

Особенности Стратегии-22. В декабре 2019 г. на встрече глав правительств стран НАТО в Лондоне ее члены обратились к генеральному секретарю Й. Столтенбергу с просьбой подготовить анализ перспектив Альянса по усилению его политической составляющей, тем самым запустив процесс разработки новой Стратегической концепции. Сформированная в апреле следующего года группа 25 ноября 2020 г. опубликовала документ под названием «НАТО 2030: Объединение для новой эры». Текст по сути начинает обсуждение содержания новой версии стратегической концепции Альянса[276].

Целью инициативы стало переосмысление роли НАТО и поиск способов адаптации к изменениям в мировой и региональной среде. Одним из ключевых документов стала работа С. Льосинга[277], где подчеркивалась необходимость вернуться к концепции коллективной безопасности, сосредоточившись на защите членов НАТО от угроз с востока (Россия, Китай), юга (радикальный исламизм, миграция) и севера (Арктика). Баланс интересов всех членов Альянса – от Исландии до Турции – стал приоритетной задачей[278]. В докладе «НАТО 2030» Россия была названа главной военной угрозой из-за её способности к захвату

[275] London Declaration Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in London // North Atlantic Treaty Organization. 2019. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_171584.htm (дата обращения: 17.08.2025).
[276] Fedunyak S. The Black Sea Region in NATO's Strategy of the First Third of the 21th Century. URL: https://institutedd.org/blog/posts/the-black-sea-region-in-natos-strategy-of-the-first-third-of-the-21th-century (дата обращения: 20.08.2024).
[277] 360°– NATO: Mobilization on all Fronts. URL: https://nato2030.intsecurity.org/wp-content/uploads/2020/11/360%C2%B0-NATO_-Mobilization-on-all-Fronts.pdf (дата обращения: 20.08.2024).
[278] Ibid.

территорий, наличия мощных вооружённых сил и ядерного арсенала. Предлагалось придерживаться двойного подхода к взаимоотношениям с Российской Федерацией: сдерживания и диалога[279].

Три основные задачи НАТО – коллективная оборона, антикризисное управление и кооперативная безопасность – остаются актуальными. Среди ключевых направлений до 2030 г. выделяются:

- использование НАТО как платформы для консультаций и совместных действий;
- усиление потенциала обороны и сдерживания;
- повышение устойчивости стран-членов;
- развитие технологического сотрудничества (например, Defence Innovation Accelerator of the North Atlantic – DIANA – и Фонд инноваций НАТО);
- углубление сотрудничества с партнёрами, включая ЕС и страны Азиатско–Тихоокеанского региона;
- укрепление потенциала стран-партнёров;
- учёт вопросов изменения климата[280].

В среде безопасности Альянсом были обозначены следующие вызовы: политика России, рост влияния Китая, угроза международного терроризма, гибридные угрозы, обеспечение энергетической безопасности и последствия изменения климата[281]. Принятая в июне 2021 г. повестка «НАТО 2030» закрепила механизм консультаций для разработки стратегической концепции, принятие которой было запланировано на саммите 2022 г. в Испании.

На Брюссельском саммите НАТО в июне 2021 г. была подчеркнута необходимость восстановления трансатлантических связей, ослабленных в

---

[279] NATO 2030: United for a New Era // NATO. 2020. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf (дата обращения: 03.12.2023).

[280] Ibid.

[281] Алешина А. А. Доклад «НАТО 2030»: что ждать от альянса в наступившем десятилетии? // ИМЭМО РАН. 2020. URL: https://www.imemo.ru/news/events/text/doklad-nato-2030-chto-zhdaty-ot-alyyansa-v-nastupivshem-desyatiletii (дата обращения: 17.08.2025).

предыдущие годы. Благодаря смене администрации в США усилилось внимание к многостороннему сотрудничеству. Были обозначены текущие вызовы, включая системную конкуренцию с авторитарными государствами, рост стратегических угроз, включая активность Китая[282].

Союзники по блоку подтвердили двойной подход к России, основанный на сдерживании и готовности к диалогу, при условии соблюдения РФ норм международного права. Вместе с тем было заявлено, что действия НАТО, включая наращивание сил на восточных границах, остаются в рамках международных обязательств, а активность России в Черноморском регионе, рассматривается как угроза евроатлантической безопасности.

На данный момент четвертая и последняя стратегия НАТО была принята главами государств и правительств на встрече в Мадриде 29 июня 2022 г. Она заявлялась реакцией стран-участниц на «критический момент для безопасности и международного мира и стабильности»[283]. В первую очередь, речь о ситуации в Украине и проводимой Российской Федерацией специальной военной операции, что якобы заставило НАТО пересмотреть свой подход к вопросам безопасности до 2030 г. Помимо этого, Альянс также много внимания уделял угрозам терроризма и роста авторитаризма.

В новой Стратегии закрепились три основные задачи, которые были выражены ещё в Стратегии-10. Среди них: 1) сдерживание и оборона; 2) предотвращение кризисов и кризисное регулирование; 3) безопасность на основе сотрудничества[284]. В новом документе подчеркивается, что Альянс является «оборонительным союзом», и что других изменений в цели, задачах и миссии организации нет.

Важным дополнением к классической структуре подобного рода документов Альянса стала часть «Стратегическая обстановка». Похожий по

---

[282] Statement by NATO Heads of State and Government // North Atlantic Treaty Organization. 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_193719.htm (дата обращения: 11.12.2022).

[283] Стратегическая концепция НАТО 2022 г. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения: 19.08.2024).

[284] Там же.

содержанию раздел оставался в первой публичной Стратегии 1991 г., однако в последующих документах отсутствовал. Повторное появление этого блока о стратегических реалиях объясняется необходимостью сделать акценты на том, что беспокоит руководство НАТО в данный момент, и дать больше вводных о «критическом моменте», который был заявлен ещё в предисловии.

Впервые в концепции открыто постулировалось, что «в евроатлантическом регионе нет мира» [285] , а Российская Федерация обвинялась в нарушении предсказуемого порядка безопасности и объявлялась прямой угрозой странам НАТО. В документе отмечалось, что подобного прецедента не было с окончания холодной войны. Текст стратегии гласит, что изменения связаны, прежде всего, с ситуацией в Украине, а также с наращиванием военной мощи России в регионах Балтийского, Черного и Средиземного морей и военной интеграцией с Беларусью. НАТО голословно объявляло, что цель Российской Федерации состоит в дестабилизации стран к востоку и югу от Альянса. При этом Альянс заявил, что не представляет никакой угрозы для России, хотя в случае конфронтации и каких-либо враждебных действий будет ответная реакция. Де факто ось «Россия–НАТО», определявшая ландшафт безопасности Черного моря, перестает нормально функционировать.

Что характерно для Стратегии-22, в отличие от предыдущих редакций, угрозу безопасности и ценностям НАТО страны-участницы видят также в политике Китайской Народной Республики[286].

В пункте 45 данной Стратегии отмечается, что Западные Балканы и Черное море имеют стратегическое значение для НАТО[287]. Подобная риторика была не свойственна предыдущим стратегиям, где о значимости этих регионов упоминаний не было. Впервые Черноморский регион представляется как отдельная зона, где Альянс будет поддерживать евроатлантические устремления заинтересованных стран. Включение Черноморского региона в перечень стратегически важных имеет ключевое значение для концептуальных основ

[285] Стратегическая концепция НАТО 2022 г.
[286] Там же.
[287] Там же.

общей стратегии НАТО. Примечательно, что это произошло спустя 30 лет после роспуска ОВД и окончания холодной войны.

Стратегия 2022 г. продемонстрировала радикальные изменения в позициях Альянса. В открытом документе постулировались не только прямые соперники организации в лице России и Китая, чего не было с окончания холодной войны, но и заявлялась стратегически важная роль Черноморского региона для безопасности, мира и стабильности стран-участниц НАТО. Это говорит о том, что Черноморье вошло в сферу интересов Альянса и дальнейшая политика организации будет строиться на основе других посылок и инструментов.

Особенность четвертой Стратегии заключается в том, что она определила начало нового этапа в подходах НАТО к концептуальным основам организации. Начиная с момента создания Альянса в 1949 г., можно выделить три основных периода: 1) этап холодной войны (1949–1991 гг.); 2) постбиполярный этап (1991–2020 гг.) и 3) этап нового геостратегического соперничества (с 2020 г.). В рамках этих периодов новая Стратегия укладывается в третий этап, определяя Россию и Китай как главные угрозы евроатлантической безопасности и стабильности.

Интерес Альянса к Черноморскому региону был открыто и публично заявлен только за несколько лет до окончания второго, постбиполярного, этапа. Это подтверждают, в частности, комментарии Дж. Аппатурая, заместителя помощника генерального секретаря НАТО по политическим вопросам, который в 2019 г. на дискуссии в Chatham House[288] отметил, что Черное море для НАТО не было приоритетной областью вплоть до середины 2010-х гг., так как для стран-членов Альянса регион казался стабильным. Пока союзники самостоятельно заботились о безопасности в Черноморье, НАТО была сосредоточена на других регионах, однако после 2014 г. Черное море прочно вошло в повестку дня Североатлантического альянса[289].

---

[288] Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации.

[289] The Militarization of the Black Sea After the Annexation of Crimea. Chatham House. URL: https://www.chathamhouse.org/events/all/members-event/militarization-black-sea-after-annexation-crimea (дата обращения: 02.03.2025).

Безопасность в Черноморском регионе до 2020-х гг. оставалась менее приоритетной задачей для западных стран по сравнению с Балтийским регионом. Это объясняется рядом факторов, включая отсутствие сплоченности среди стран-членов НАТО, недостаточное стратегическое лидерство со стороны США, а также сдержанность в отношении России. После войны в Грузии (2008 г.) и начала конфликта на востоке Украины (2014 г.) на Западе утвердилось представление о вероятности дальнейшей эскалации в отношениях с Россией, особенно в отношении стран Балтии. НАТО стало публично говорить о разработке планов обороны этих стран и Польши[290].

Хотя страны Балтии и Польша демонстрировали схожее восприятие «российской угрозы», позиции прибрежных государств Черного моря внутри НАТО не были столь однозначны[291]. Румыния стала главным сторонником усиления сдерживания России в регионе. Уже вскоре после воссоединения Крыма с Россией Бухарест увеличил военные расходы до 2% ВВП, инициировал создание многонационального штаба дивизии «Юго-Восток» и активно выступал за расширение военного присутствия НАТО и США на своей территории. Болгария, напротив, отдавала предпочтение экономическим связям и отказалась поддержать инициативу Румынии 2016 г. о создании постоянной черноморской флотилии НАТО. Турция, обладая наибольшим военно-морским потенциалом среди прибрежных союзников, могла бы оказать решающее влияние на ситуацию в регионе, однако традиционно балансировала между стратегическим сотрудничеством с Западом и прагматическими отношениями с Москвой.

Кроме разобщенности черноморских союзников НАТО, дополнительным фактором ослабления политики Альянса в регионе была непоследовательность стратегического курса США. До 2022 г. американское военное присутствие в Румынии составляло от 500 до 1000 военнослужащих, что несопоставимо с

[290] Shlapak D., Johnson M. Reinforcing deterrence on NATO's Eastern flank: wargaming the defense of the Baltics // RAND Corporation. 2016.
[291] Bechev D. Rival power: Russia's influence in Southeast Europe // Yale University Press, New Haven. 2017.

масштабами развертывания американских сил в Балтийском регионе[292]. В то время как Конгресс США активно вырабатывал законодательные инициативы по Восточному Средиземноморью и Южно-Китайскому морю, Черноморский регион оставался как бы в тени американской внешней политики. При этом военно-морская активность США в Черном море была весомой: после Крымской весны в регион было направлено 13 военных кораблей, однако уже к 2016 г. их число сократилось до пяти, прежде чем вновь увеличилось до 13 в 2021 г.[293]. НАТО оказалась неспособна поддерживать стабильность и активно расширяла масштабы конфликта в регионе.

1.3. Влияние расширения НАТО на восток на региональную безопасность

Пункт 10 Североатлантического договора от 4 апреля 1949 г. определяет, что страны-участницы Альянса по всеобщему согласию вправе предлагать присоединиться к Договору любой европейской стране, которая разделяет ценности, принципы организации и готова вносить свой вклад в безопасность Североатлантического региона[294]. Этой статьей закрепляется возможность привлечения в ряды участников организации новых членов, тем самым реализуя «политику открытых дверей».

С момента создания Альянса в 1949 г. случилось несколько раундов расширения: его состав вырос с 12 членов-основателей до сегодняшних 32 членов в ходе 10 раундов расширения в 1952, 1955, 1982, 1999, 2004, 2009, 2017, 2020, 2023 и 2024 гг. Некоторые из раундов затронули Черноморский регион и изменили внутрирегиональную геополитическую и стратегическую ситуацию.

После окончания холодной войны руководство Альянса было озабочено вопросами будущего организации и необходимости интеграции независимых

---

[292] Garding S. Romania: an overview // Congressional Research Service Report. 2022.
[293] Romanyshyn I. Ukraine, NATO and the Black Sea // The Research Division of the NATO Defense College. № 1. 2023. URL: https://www.aia-nrw.org/app/uploads/2023/01/I.Romanyshyn_Paper_01.23.pdf (дата обращения: 08.03.2025).
[294] The North Atlantic Treaty, 1949.

государств Европы, которые вышли из ОВД и СССР, выбрав демократический путь и евроатлантическое направление развития. Оживленные дебаты начала 1990-х гг. закончились к 1995 г., когда было подготовлено общее исследование по вопросу расширения организации[295]. В нем рассматривались достоинства приема новых членов и то, как их следует привлекать. Многие политические аналитики не были уверены в преимуществах, которые принесет расширение. Некоторые были обеспокоены возможным влиянием на сплоченность и солидарность Альянса, а также на отношения с другими государствами, особенно с Россией[296]. Однако после проведенного исследования в середине 1990-х гг. был сделан вывод о том, что НАТО располагает уникальной возможностью для укрепления безопасности всего евроатлантического региона, и в первую очередь расширение Альянса будет способствовать повышению стабильности. Однако, кроме этого инструмента предполагалась поддержка демократических реформ, включая установление гражданского и демократического контроля над военными силами, а также поощрение моделей сотрудничества и консультаций, характерных для отношений между членами Альянса, и содействие добрососедским отношениям[297].

Использование перечисленных инструментов способствовало бы прозрачности в оборонном планировании и военных бюджетах, тем самым укрепив доверие между государствами, и усилило бы общую тенденцию к более тесной интеграции и сотрудничеству в Европе. Согласно исследованию, страны, желающие вступить в НАТО, должны будут продемонстрировать, что они выполнили определенные требования. К ним относятся: 1) функционирующая демократическая политическая система, основанная на рыночной экономике;

---

[295] Enlargement and Article 10. 2024. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49212.htm (дата обращения: 24.08.2024).

[296] Mandelbaum M. Preserving the New Peace: The Case against NATO Expansion // Foreign Affairs. Vol. 74, № 3. 1995. P. 9–13; Kennan G. F. A Fateful Error // The New York Times. 1997. URL: https://www.nytimes.com/1997/02/05/opinion/a-fateful-error.html (дата обращения: 17.08.2025); Mearsheimer J. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault // Foreign Affairs. 2014. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault (дата обращения: 17.08.2025).

[297] Enlargement and Article 10, 2024.

2) справедливое отношение к меньшинствам; 3) приверженность мирному разрешению конфликтов; 4) способность и готовность вносить военный вклад в операции НАТО; 5) и приверженность демократическим гражданско-военным отношениям и институциональным структурам[298].

После распада ОВД и завершения холодной войны начали звучать мнения о потере НАТО своей значимости. Распад СССР сделал обоснованность существования Альянса еще более спорной. Однако США не поддержали идею роспуска НАТО, считая его важным инструментом для обеспечения европейской безопасности и стабильности. Более того, провал усилий европейских стран в урегулировании боснийского кризиса без участия США предоставил последним возможность продемонстрировать необходимость существования Альянса. Так, именно под руководством США и при участии сил НАТО проводилась операция по достижению и поддержанию мира в Боснии в рамках выполнения Дейтонского соглашения[299].

Первоначально Россия отнеслась относительно спокойно к предложенной в 1993 г. программе «Партнерство ради мира» (*далее* – ПРМ). На тот момент российское руководство не рассматривало эту инициативу как инструмент расширения НАТО. Однако позже стало очевидным, что ПРМ сыграло роль в подготовке к интеграции новых членов в Альянс. Россия была вынуждена присоединиться к программе, несмотря на недовольство, вызванное участием в ней других бывших советских республик, что ослабляло влияние Москвы в регионе[300].

Параллельно с запуском ПРМ начали усиливаться антинатовские настроения в России. Документ, регулирующий программу, вызвал обеспокоенность российской стороны, особенно его положения о прозрачности военного планирования и бюджетов. Однако, несмотря на негативную реакцию,

---

[298] Enlargement and Article 10, 2024.
[299] Ibid.
[300] Mehrotra O. N. NATO Eastward Expansion and Russian Security. 1998. URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/sa/sa_98meo02.html (дата обращения: 24.11.2024).

Москва не смогла воспрепятствовать реализации программы, так как участие в ней было суверенным решением государств-участников.

17 декабря 1997 г. Президент Российской Федерации утвердил Концепцию национальной безопасности, в которой подчеркивалось, что расширение НАТО на восток представляет собой угрозу национальной безопасности России и неприемлемо для нее[301]. В документе отмечалось, что такое расширение может привести к новому разделению континента, что крайне опасно в условиях сохранения в Европе мобильных военных группировок и ядерного вооружения, а также недостаточной эффективности существующих механизмов поддержания мира[302]. Россия стремилась развивать многосторонние механизмы обеспечения безопасности через ООН на глобальном уровне, а также через ОБСЕ и СНГ на региональном уровне. При этом НАТО, по мнению России, не являлась организацией, способной принимать объективные решения по вопросам поддержания мира[303].

На фоне нарастающей дискуссии о расширении НАТО российское руководство демонстрировало неоднозначную позицию. Некоторые политики, такие как премьер-министр В. С. Черномырдин, не видели прямой угрозы безопасности, но отмечали негативное отношение населения к этому процессу[304]. Другие, включая министра обороны П. С. Грачёва, предупреждали о возможных контрмерах со стороны России. В то же время министр иностранных дел А. В. Козырев, несмотря на предостережения о поспешности расширения Альянса, подписал соглашения о сотрудничестве с НАТО в 1995 г., заявляя при этом о неизменном противодействии России расширению НАТО на восток[305].

---

[301] Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300). URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/snconold.htm (дата обращения: 24.11.2024).
[302] Там же.
[303] Mehrotra O. N. NATO Eastward Expansion and Russian Security.
[304] Кречетников А. Как расширялась НАТО: геополитика и психология // BBC. 2014. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2014/03/140328_nato_enlargement_jubilee (дата обращения: 17.08.2025).
[305] Дипломатический вестник.1995. № 2. Февраль. С. 11.

Осенью 1996 г. министр иностранных дел РФ Е. М. Примаков неоднократно подчеркивал, что одно из ключевых условий согласия России на расширение НАТО на восток – отказ от размещения ЯО на территории новых членов Альянса[306]. Однако администрация президента США Б. Клинтона отклонила эту инициативу, опасаясь разделения Альянса на «полноценных» и «неполноценных» членов.

Несмотря на протесты России, США приняли решение расширить НАТО, исключив возможность влияния российского вето на этот процесс. Подписание в Париже 27 мая 1997 г. «Основополагающего акта Россия–НАТО» стало важным шагом в данном направлении[307]. В документе НАТО официально зафиксировало отсутствие намерений размещать ЯО на территории новых членов Альянса[308]. Однако этот пункт не исключал возможности появления таких планов в будущем.

В рамках договоренностей стороны также выразили стремление возобновить обсуждение создания «безъядерной зоны» в Центральной и Восточной Европе, возвращаясь к идее «плана Рапацкого» от 1958 г. Россия подтвердила свое право выйти из Договора о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний (*далее* – ДВЗЯИ), если ЯО появится на территории новых членов НАТО[309].

Формально ни Россия, ни США не нарушили положений «Основополагающего акта». Однако администрация президента Дж. Буша-младшего пересмотрела подход к тактическому ядерному оружию (*далее* – ТЯО). В мае 2003 г. 18 бывших американских чиновников опубликовали статью «За обновление трансатлантического партнерства», где подчеркивалась необходимость придания нового импульса НАТО, включая сохранение общей ядерной стратегии. Эти задачи были подтверждены в ряде американских

---

[306] Примаков Е. М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: ИИК «Российская газета», 2009. 239 с.

[307] Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора, 1997.

[308] Там же.

[309] Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний // Действующее международное право в 3 т. Т. 2. М.: МНИМП. 1996. URL: https://docs.cntd.ru/document/1902054 (дата обращения: 17.08.2025).

стратегических документов, включая «Национальную стратегию борьбы с распространением оружия массового поражения» 2002 г.[310] и «Национальную военную стратегию США» 2008 г.[311]. Вашингтон выделил две основные цели: сокращение превосходства России в области ТЯО и сохранение американского ядерного присутствия в Европе.

Этот акт открыл путь к четвертому расширению НАТО, вступлению в Альянс Венгрии, Польши и Чехии, что официально состоялось в апреле 1999 г. Для президента Б. Н. Ельцина подписание данного акта стало сложным решением из-за внутренней оппозиции. Многие в России рассматривали расширение НАТО как угрозу безопасности и напоминание о холодной войне. Однако президент Российской Федерации был вынужден пойти на этот шаг для поддержания отношений с Западом, несмотря на решимость президента США Б. Клинтона продолжить расширение НАТО. В своем выступлении на церемонии подписания Б. Н. Ельцин выразил негативное отношение России к этому процессу, подчеркнув, что планы НАТО вызвали серьезное напряжение в отношениях между Россией и США[312].

Наибольшим расширением по количеству принятых стран стал пятый раунд, оформившийся 29 марта 2004 г. Тогда новыми участницами организации стали семь стран: Эстония, Латвия, Литва, Болгария, Румыния, Словения и Словакия. Две из них – Румыния и Болгария – имеют прямой выход к Черному морю, что делает это расширение крайне важным для будущего политического ландшафта в регионе.

Расширение географии Североатлантического альянса стало важным шагом, позволившим НАТО адаптироваться к реалиям постбиполярного периода и найти практическое применение новым механизмам обеспечения безопасности в Европе. В условиях глобальной борьбы с терроризмом, когда прежние приоритеты в области безопасности отошли на второй план, процесс расширения

---

[310] National Strategy to Combat Weapons of Mass Destruction, 2002.
[311] National Defence Strategy, 2008.
[312] Пархалина Т. Россия – НАТО: от холодной войны эпохи биполярной конфронтации до холодной войны эпохи глобализации // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2021. № 63 (79). С. 3–4.

был заявлен фактором продвижения западных ценностей демократии и стабильности на восток. Эта политика стала важным элементом общей стратегии Альянса.

Североатлантический альянс ставил перед собой цель создания стабильной и единой Европы, а также укрепления безопасности за ее пределами. Расширение оказало значительное влияние на деятельность НАТО, а присоединение новых членов со своими национальными интересами и стратегическим опытом способствовало лучшему пониманию особенностей таких регионов, как Юго-Восточная Европа и Черноморский регион. Однако процесс расширения не учитывал интересы безопасности других центров силы, в том числе России.

Движение НАТО на восток представляет собой ключевой этап эволюции и трансформации Альянса. С 1990-х гг. НАТО постепенно трансформировалась из структуры, ориентированной на противостояние агрессорам, в организацию, занимающуюся урегулированием кризисов, обеспечением коллективной безопасности и поддержанием стабильности. С расширением на Центральную и Восточную Европу НАТО утвердилась как военно-политический блок, обеспечивающий безопасность государств евроатлантического пространства. Расширение в 2004 г. стало очередным шагом в этой трансформации, обозначив изменение фокуса внимания не только на Европе, но и на регионах за её пределами.

На Пражском саммите в ноябре 2002 г. был принят принцип проведения операций за пределами территории стран-участниц, что открыло путь к миссиям НАТО в Афганистане и к сотрудничеству с бывшими советскими республиками в Черноморском, Кавказском и Центральноазиатском регионах[313].

Дальнейшее расширение НАТО сместило акцент с Центральной и Восточной Европы на соседние регионы, включая Черное море, Ближний Восток, Кавказ и Центральную Азию. В дополнение к Плану действий «Партнерства против терроризма», утвержденному на Пражском саммите, Альянс укрепил

[313] Prague Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2002. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_19552.htm (дата обращения: 11.12.2022).

связи с государствами Большого Ближнего Востока и продемонстрировал высокий уровень активности в этом регионе. НАТО взяло на себя руководство Международными силами содействия безопасности в Афганистане, поддерживало многонациональные подразделения в Ираке, проводило операцию «Активные усилия» в Средиземном море, а также продолжало миссии по поддержанию мира в Боснии и Косово[314]. Увеличение активности НАТО привело к стратегическим перестановкам в Евразии, где пересекаются интересы ключевых международных игроков.

С геополитической точки зрения новые члены НАТО расширили пространственную глубину Альянса, приблизив его к регионам, где сохраняются источники нестабильности, в том числе к Ближнему Востоку. Этот регион, по заверению НАТО, порождает угрозы евроатлантической безопасности. На протяжении десятилетий здесь формировались сети терроризма, которые действуют в глобальном подполье, разрушая социальные структуры и способствуя росту этнической и религиозной напряженности[315].

Присоединение новых членов также укрепляет геостратегическое значение НАТО, способствуя защите интересов Альянса в стратегически важных регионах Черноморского бассейна и Центральной Азии. Эти регионы одновременно подвержены усиленному влиянию евроатлантического сообщества и остаются в фокусе внимания России, сохраняющей значительное влияние в регионе.

В отечественной историографии закрепилась точка зрения, что Российская Федерация была обманута Североатлантическим альянсом в начале 1990-х гг. в вопросе своего расширения на восток[316]. Безусловно, для России приближение организации к границам страны и потенциальное включение Украины или Грузии очень болезненный итог окончания холодной войны. В своей речи на

---

[314] Беблер А. НАТО и транснациональный терроризм // Мировая экономика и международные отношения. М., 2006. № 10. С. 48–52.
[315] Там же. С. 53–57.
[316] Горохов А., Васильев К. Договоренности о нерасширении НАТО на восток подтверждаются архивными источниками // Русская политология. 2022. № 1 (22). С. 30–40; Завада А. А. Расширение Североатлантического альянса (НАТО) на Восток и политика Российской Федерации (90-е гг. XX в.) // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 9. С. 12–16.

Мюнхенской конференции по безопасности в 2007 г. В. В. Путин обвинил западные державы в нарушении торжественного обещания, значительно расширив НАТО, задав вопрос: «Что случилось с заверениями, которые дали наши западные партнеры после роспуска Варшавского договора?»[317]

Предметом дискуссии служат заверения, которые госсекретарь США Дж. Бейкер дал бывшему советскому лидеру М. С. Горбачеву во время встречи 9 февраля 1990 г. В ходе обсуждения статуса воссоединенной Германии стороны согласились, что НАТО не будет распространяться за пределы территории Восточной Германии, обещание, повторенное генеральным секретарем НАТО в речи 17 мая того же года в Брюсселе[318].

Как заявляют западные СМИ, сделка касалась только воссоединенной Германии, а дальнейшее расширение на восток в то время было немыслимо. «Советский Союз все еще существовал, и страны Восточной Европы все еще были частью советских структур – например, Организации Варшавского договора, – который официально не был распущен до июля 1991 г.», – сказала А. Зима, доктор политических наук в Центре Фукидида (Пантеон-Ассас) в Париже[319]. «Мы не можем говорить о предательстве, потому что вот-вот должна была произойти цепь событий, которая изменила бы конфигурацию безопасности в Европе»[320]. Иными словами, в то время, когда Запад предлагал «гарантии», о которых говорил В. В. Путин в Мюнхене, никто не мог предсказать распад СССР и последовавшие за этим исторические события, а потому западные партнеры не считают себя ответственными за выполнение взятых на себя обязательств.

«Кроме того, эти обещания были даны устно и никогда не были зафиксированы в договоре», – утверждает О. Кемпф, научный сотрудник Фонда

---

[317] Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Официальный сайт Президента России. 2007. URL: http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (дата обращения: 04.07.2025).

[318] Горохов А., Васильев К. Договоренности о нерасширении НАТО на восток подтверждаются архивными источниками. С. 31–32.

[319] Did NATO ‘betray’ Russia by expanding to the East? URL: https://www.france24.com/en/russia/20220130-did-nato-betray-russia-by-expanding-to-the-east (дата обращения: 24.08.2024).

[320] Ibid.

стратегических исследований. «Поворотный момент расширения НАТО наступил гораздо позже, в 1995 г., по просьбе стран Восточной Европы»[321].

Однако эта позиция западных экспертов и чиновников искажает реальную картину: очевидно стремление оправдать отход Запада и НАТО от своих заверений и обязательств, оглашенных в 1990 г.

Параллельно с проблемой расширения НАТО обсуждался вопрос сокращения ТЯО. Как пишет А. В. Фененко, в мае 1995 г. на Московском саммите президенты России и США договорились, что этот процесс будет происходить постепенно, с учетом российских интересов и при одновременном усилении политической составляющей блока[322]. Однако после публикации исследования о расширении организации 20 сентября 1995 г. стало понятно, что НАТО сохранит ядерную основу своей политики, а также право Альянса определять состав военной инфраструктуры на своей территории без соглашений с другими странами. Появились опасения, что США могут развернуть ТЯО на территории новых членов Альянса[323].

Важно отметить, что отношение Альянса к расширению неоднократно выражалось в стратегических концепциях и доктринах. Так в пункте 27 Стратегии 2010 г. отмечалось, что расширение НАТО внесло существенный вклад в безопасность стран-членов организации[324], а стабильность и мир в Европе обязаны интеграции новых участников, разделяющих общие ценности. Также в стратегиях дополнительно подчеркивается политика «открытых дверей»: членом НАТО могут стать все европейские демократии, которые могут взять на себя ответственность и обязательства.

После холодной войны Черноморский регион пережил десятилетний вакуум безопасности из-за отсутствия четко обозначенных политик крупных держав. До

---

[321] Did NATO ‘betray’ Russia by expanding to the East?

[322] Фененко А. В. Фактор тактического ядерного оружия в мировой политике // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 2. С. 47–48.

[323] Там же.

[324] Active Engagement, Modern Defence. 2010. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68580.htm (дата обращения: 07.01.2024).

1999 г. он являлся частью буферной зоны между НАТО и нестабильным постсоветским востоком. Однако расширение НАТО в Центральной Европе в 1999 г. сократило эту зону до так называемой «серой зоны безопасности» в Юго-Восточной Европе и на Черном море. Россия утратила влияние на Балканах и в меньшей степени в Украине и Кавказе. Эта «серая зона» включала территориальные разрывы между центральным и южным крылом НАТО, а также зоны нестабильности – Украину, Кавказ и регионы с этническими конфликтами.

Вступление Болгарии и Румынии в НАТО существенно изменило стратегический баланс в Черноморском регионе, сократив разрывы в евроатлантической инфраструктуре и интегрировав Турцию в общую систему европейской безопасности. После присоединения Болгарии и Румынии к Североатлантическому альянсу в 2004 г. длина береговой линии евроатлантического пространства увеличилась на 14%[325], что привело к выходу Черного моря из периферии Европы и утверждение новой геополитической действительности. Это позволило НАТО укрепить стратегический контроль над Черным морем, улучшить условия для реализации инфраструктурных проектов, связанных с транспортировкой каспийской нефти и газа, и сформировать устойчивую зону влияния от Балтики до Черного моря. По этим причинам, а также из-за того, что бассейн Черного моря играет ключевую роль в обеспечении национальной безопасности России, регион стал одним из самых конфликтных в европейском пространстве: обострялись проблемы в Республике Молдове, западной и северной Грузии, юго-восточной Украине. Кроме того, расширение НАТО на восток ограничило возможности России оказывать влияние в Черноморском регионе и Кавказе, затруднив реализацию ее долгосрочных политических, военных и коммерческих интересов.

Дискуссия о расширении НАТО в Черноморском регионе сосредоточена главным образом вокруг двух стран – Украины и Грузии. Однако эти две страны представляют собой совершенно разные вызовы для Альянса. Украина, будучи

[325] Lescu M. Componenta mediatică a confruntărilor geopolitice: zona bazinului Mării Negre // Moldoscopie, 2020. № 4 (91). P. 127–143.

стратегическим буфером между Россией и Центральной Европой, стремится к интеграции в НАТО, хотя ее перспективы остаются неопределенными. После «Оранжевой революции» 2004 г. сотрудничество Украины с евроатлантическими структурами усилилось[326]. Грузия, после затяжных конфликтов на Кавказе, стала ориентироваться на НАТО и США, стремясь защитить свои территории и в целом государственность. К слову, Грузия особенно активно заявила о своем намерении присоединиться к НАТО после «Революции роз» 2003 г.[327]

В начале 2010-х гг. НАТО пыталось способствовать доминированию Турции на Черном море и стимулировало ее желание получить статус регионального лидера. Присутствие трех государств-членов НАТО в Черноморском регионе не транслировалось в чрезмерную активность всего блока в регионе. По большей части Альянсу приходилось полагаться исключительно на Турцию, делегируя ответственность в сфере безопасности, поскольку никакой угрозы на тот момент не предвиделось.

С точки зрения политического реализма, роль НАТО в Черноморском регионе должна рассматриваться в основном в рамках конфронтации двух влиятельных акторов и концепции баланса сил, поскольку, как правило, ситуация упрощается до отношений внутри оси «Россия–НАТО».

Распад Советского Союза создал сложную конфигурацию в Черноморском регионе. Однако, поиск стратегии сотрудничества вместо конфронтации оказался долгим и невыразительным. Более того, с таким подходом к формату баланса сил было бы сложно четко определить стороны соперничества. Причиной этому является то, что Турция, с одной стороны, виделась представителем НАТО в Черноморском регионе, а с другой, после окончания холодной войны имела собственные отношения с Россией и, де-факто, была третьим игроком в регионе.

Черноморский регион подчеркнул прерогативу национальных интересов и соперничества за власть даже в рамках одной организации. На фоне турецкого

---

[326] Хронологія відносин Україна-НАТО. URL: https://ukraine-nato.mfa.gov.ua/ua/ukrainenato/relations (дата обращения: 09.01.2023).

[327] Оганесян Г. Грузия и НАТО // 21-й век. 2010. № 4 (16) С. 109–121. URL: http://www.noravank.am/upload/pdf/_8.Gor%20Hovhannesyan.pdf (дата обращения: 15.04.2023).

блокирования присутствия НАТО в Черном море, Румыния пытается балансировать за счет большего присутствия США и становления стратегического партнерства, такого как, например, с Польшей [328] . Это соперничество за лидерство в Черноморском регионе между Турцией и Румынией стало очевидным вместе с новыми инициативами, выдвинутыми обеими странами, которые, по их мнению, должны были гарантировать большую региональную безопасность.

Таким образом, рассмотрение военно-политической обстановки в Черноморском регионе позволило выявить ключевые параметры его системы безопасности – наличие военно-политических союзов, ядерный фактор, распределение военного потенциала и сохраняющиеся территориальные споры – в контексте трансформации глобального порядка. Важнейшими детерминантами региональной безопасности выступают изменение баланса сил между ведущими акторами, постепенная трансформация роли Черноморья как геополитического и экономического пространства, а также развитие новых форм взаимодействия и соперничества.

После распада СССР и прекращения деятельности ОВД в регионе сформировался определённый вакуум силы, который постепенно начал заполняться структурами НАТО. Одновременно ослабление военно-политического влияния России вследствие обретения независимости Украиной, Грузией и другими государствами Кавказа осложнило для Москвы возможность поддержания прежнего уровня контроля над стратегическими морскими коммуникациями. С одной стороны, регион приобрёл особую значимость для НАТО как с точки зрения геостратегического положения, так и необходимости обеспечения стабильности на внешних рубежах Альянса. С другой стороны, появление новых вызовов – локальные конфликты на постсоветском пространстве, российское военно-морское присутствие и конкуренция за

[328] Krupa J. NATO. Understanding Strategic Adaptations: Security Strategies and Policies after 2014 // Bratislava-Kyiv, 2018. P. 56–72.

контроль над энергетическими и транспортными коридорами – сформировали многослойную и динамичную систему региональной безопасности.

Эволюция концептуальных подходов НАТО к Черноморскому региону отражает постепенное изменение стратегии Альянса – от периферийного восприятия региона к признанию его самостоятельного стратегического направления. В 1990-е годы деятельность НАТО строилась преимущественно на укреплении партнёрских инициатив и расширении зоны стабильности; регион рассматривался лишь в контексте общей политики евроатлантической интеграции. В начале 2000-х годов, особенно после присоединения Румынии и Болгарии в 2004 г., акцент сместился в сторону институционального закрепления присутствия НАТО и активного развития механизмов сотрудничества в рамках программ ПРМ и индивидуальных планов действий с государствами-партнёрами. После 2014 г., в условиях обострения кризиса в отношениях с Россией, Черноморское направление окончательно вошло в повестку стратегических приоритетов НАТО, что выразилось в наращивании военного присутствия, активизации учений и институциональной поддержке Украины и Грузии.

Интеграция Болгарии и Румынии в 2004 г. изменила конфигурацию сил и обозначила новый этап в формировании черноморской политики Альянса. Это вызвало ответную реакцию со стороны России, которая восприняла приближение инфраструктуры НАТО к своим границам как стратегический вызов. Активизация взаимодействия с Киевом и Тбилиси усилила напряжённость и породила новые риски, связанные с милитаризацией региона и ослаблением механизмов доверия. Комплексный анализ показал, что расширение НАТО не только увеличило степень вовлечённости Альянса в черноморские дела, но и способствовало усложнению архитектуры безопасности, усилив элементы стратегического соперничества и взаимного сдерживания.

В результате Черноморский регион превратился в одно из ключевых пространств взаимодействия и противоречий между НАТО и Россией, чьи отношения выступают определяющим фактором устойчивости и уровня напряжённости в регионе. Политика Альянса демонстрирует поступательную

эволюцию – от стратегии партнёрства и ограниченного участия к системной и проактивной модели обеспечения безопасности, отражающей стремление НАТО адаптировать своё присутствие к новым геополитическим реалиям.

ГЛАВА 2. МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ЧЕРНОМОРСКОГО ВЕКТОРА ПОЛИТИКИ НАТО

2.1. Программы партнерства и сотрудничества

Совет Североатлантического сотрудничества [329] и **Совет Евроатлантического партнерства** [330]. С 1991 г. фактически начался процесс адаптации Североатлантического альянса к новым условиям. Существовать в прежних парадигмах организация не могла ни на внутреннем, ни на внешнем уровне [331]. В предыдущей главе были освещены ключевые аспекты трансформации на доктринальном уровне, однако механизмы реализации стратегии также менялись. Оказавшись на пороге нового мира, Альянс взял курс на открытость и активное развитие кооперативного взаимодействия со странами, которые ранее входили в ОВД. В пункте 28 «Новой стратегической концепции НАТО» от 1991 г. отмечалось, что возможностей для дву- и многостороннего диалога НАТО со странами Центральной и Восточной Европы, а также Советским Союзом стало значительно больше[332]. Уже к моменту публикации Стратегии-91 Альянс установил регулярные дипломатические отношения и военные контакты со странами Европы. Кроме того, была зафиксирована приверженность Альянса содействию диалога, интенсивному обмену мнениями и информацией по вопросам безопасности. «Стремление Альянса к диалогу обеспечит основу для большего сотрудничества во всей Европе и способности разрешать разногласия и конфликты мирными средствами», – говорится в тексте Стратегии[333].

Фокус Альянса на диалог с бывшими социалистическими странами определил создание 20 декабря 1991 г. Совета Североатлантического

---

329 Англ. *North Atlantic Cooperation Council; NACC*.
330 Англ. *Euro-Atlantic Partnership Council; EAPC*.
331 Пархалина Т. Г. Что такое Совет евро-атлантического партнерства? // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 1997. № 2. С. 6.
332 The Alliance's New Strategic Concept, 1991.
333 Ibid.

сотрудничества (*далее* – ССАС), который по своей сути стал консультативным органом, форумом для диалога и сотрудничества с бывшими противниками НАТО. После распада Советского Союза к ССАС стали присоединяться новые независимые государства. Как указано на официальном сайте НАТО, ССАС стал первым шагом к дружбе, который впервые стал обсуждаться на саммите в Лондоне в июле 1990 г.[334]. Именно тогда лидеры стран-участниц Альянса предложили установить новые отношения сотрудничества со всеми странами Центральной и Восточной Европы после окончания холодной войны.

20 декабря 1991 г. состоялось первое заседание ССАС. На нем советский посол объявил о дезинтеграции СССР и о его правах представительства только Российской Федерации. 21 декабря 1991 г. была подписана Алма-Атинская декларация, закрепившая распад Советского Союза и создание Содружества Независимых Государств. Все бывшие советские республики получили приглашение к участию в работе ССАС сразу при его создании. Соответственно, из региональных игроков Турция, как член НАТО, автоматически участвовала в деятельности Совета с момента его основания; Болгария, Румыния и Россия становятся соучредителями ССАС, а Украина и Грузия присоединяются к работе Совета в 1992 г.

Ключевыми вопросами первых лет существования ССАС стали проблемы безопасности, связанных с последствиями холодной войны. Среди таких проблем обсуждался, например, вывод российских войск из стран Балтии, а также региональные конфликты, вспыхивавшие в странах бывшего СССР и Югославии[335].

Важнейшим инструментом, который использовал ССАС в своей работе, стал формат многосторонних политических консультаций. Совет стал первым шагов в реализации стратегии открытости Альянса, став фундаментом для будущих инициатив и преобразований, среди которых, например, программа ПРМ.

---

[334] North Atlantic Cooperation Council (1991–1997). URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_69344.htm (дата обращения: 14.01.2024).
[335] Ibid.

29–30 мая 1997 г. на встрече министров иностранных дел и представителей стран-членов НАТО в Синтре (Португалия) ССАС был заменен на Совет Евроатлантического партнерства (*далее* – СЕАП)[336]. Это изменение отражало стремление членов Альянса создать обновленный форум, который был бы лучше приспособлен для развития все более сложных отношений с партнерами.

СЕАП – многосторонний форум, объединяющий 50 стран, с целью обеспечения диалога и консультаций по вопросам политики и безопасности среди 32 стран-членов НАТО и 18 стран-партнеров[337]. Консультации Совета осуществляются в рамках Рабочей программы Евроатлантического партнерства, включающей около 1400 мероприятий в 30 областях сотрудничества от операций по урегулированию кризисов и поддержанию мира до борьбы с терроризмом[338].

В рамках документов, утвержденных на встрече в Синтре, было закреплено, что СЕАП должен основываться на базовых принципах организации-предшественника, ССАС, включая укрепление сотрудничества, прозрачность и доверие в вопросах, связанных с безопасностью[339]. В Португалии был принят Основной документ СЕАП, который разрабатывался при тесном взаимодействии НАТО с государствами-партнерами[340].

Основной документ определяет, что деятельность СЕАП будет дополнять аналогичные инициативы, реализуемые ОБСЕ, а также институтами ЕС, ЗЕС и Совета Европы. В документе предусмотрена возможность для стран-партнеров устанавливать прямые контакты с НАТО как индивидуально, так и в составе небольших групп[341].

СЕАП предлагает платформу для политических консультаций и практического взаимодействия между всеми странами-членами Альянса и

---

[336] Пархалина Т. Г. Что такое Совет евро-атлантического партнерства? С. 6.
[337] NATO’s partnerships. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_84336.htm (дата обращения: 14.12.2024).
[338] Euro-Atlantic Partnership Council. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49276.htm (дата обращения: 14.12.2024).
[339] Ibid.
[340] Пархалина Т. Г. Что такое Совет евро-атлантического партнерства? С. 6.
[341] Основной документ Совета Евроатлантического партнерства // Дипломатический вестник. 1997. № 7. URL: https://docs.cntd.ru/document/901884888 (дата обращения: 21.08.2025).

партнерами на основе равноправия. Партнеры самостоятельно определяют масштаб и направление своего сотрудничества с Альянсом[342]. При этом действия, проводимые в рамках СЕАП, не затрагивают двусторонних обязательств или взаимодействий стран-партнеров с НАТО.

Организационная деятельность СЕАП осуществляется при поддержке Политико-военного координационного комитета и Политкомитета НАТО. Решение о поддержке новых инициатив должно приниматься на основе накопленного политического опыта СЕАП, включая обсуждение в Руководящем комитете, объединяющем функции расширенного Политического комитета и Политико-военного комитета[343]. Указанные структуры обязывались проводить встречи с партнерами как минимум раз в месяц, с возможностью более частых консультаций при необходимости.

Ключевым элементом работы СЕАП является создание нового формата консультаций между странами-партнерами и Военным комитетом НАТО, который становится важным звеном в развитии взаимодействия. Расширение политического диалога и сотрудничества, предоставляемое СЕАП, позволяет партнерам самостоятельно устанавливать политические контакты с НАТО и участвовать в принятии решений по совместным мероприятиям.

Заседания СЕАП проводятся дважды в год на уровне министерств иностранных дел и обороны, ежемесячно в Брюсселе на уровне послов, а при необходимости – на уровне глав государств и правительств.

Осенью 1997 г. планировалась разработка нового Рабочего плана. Основные направления включают регулирование конфликтов, контроль над вооружениями, вопросы обороны и нераспространения оружия массового уничтожения, противодействие международному терроризму и планирование в сфере гражданской обороны. Дополнительно планируется обсуждение ядерной

[342] Пархалина Т. Г. Что такое Совет евро-атлантического партнерства? С. 6.
[343] Основной документ Совета Евроатлантического партнерства.

безопасности, взаимодействия гражданских и военных служб, сотрудничества в области вооружений и миротворческих операций[344].

В экономическом аспекте внимание уделяется вопросам конверсии оборонной промышленности и взаимоотношения оборонных бюджетов с экономикой. Для этого создаются базы данных и запускаются экспериментальные проекты, направленные на поддержку партнеров. В частности, по инициативе России в мае 1998 г. был создан Евроатлантический координационный центр реагирования на катастрофы (*далее* – ЕКЦРК)[345]. В случае крупномасштабных бедствий странам-участницам СЕАП должна оказываться помощь, в которой ЕКЦРК играет координирующую роль при постоянных консультациях с Управлением ООН по координации гуманитарных вопросов.

Одной из первых задач ЕКЦРК стала координация гуманитарной помощи стран СЕАП косовским беженцам в Албании во время войны в Косово в конце 1990-х гг.[346] За годы работы центр принимал участие в реагировании НАТО на широкий спектр инцидентов, включая эпидемию Эболы и пандемию COVID-19, ряд международных кризисов и конфликтов, в частности те, что происходили в Черноморском регионе, а также крупные стихийные бедствия, среди которых ураганы, лесные пожары, наводнения, землетрясения и т. д.[347]

В научной и экологической областях работа проводится через Комитет НАТО по вызовам современного общества, реализующий совместные программы по экологической безопасности, технологиям разоружения, высоким технологиям и компьютерным сетям[348]. В рамках информационной политики проводятся

---

[344] Пархалина Т. Г. Что такое Совет евро-атлантического партнерства? С. 7.

[345] Совет Евроатлантического партнерства (справочная информация) // МИД РФ. 2007. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1685496/ (дата обращения: 21.08.2025).

[346] Euro-Atlantic Disaster Response Coordination Centre // NATO. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_52057.htm (дата обращения: 21.08.2025).

[347] Euro-Atlantic Disaster Response Coordination Centre.

[348] Качалова Т. Г. Экологическая проблематика в деятельности НАТО: роль Комитета по вызовам современного общества // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 1998. № 6. С. 13.

семинары, конференции, публикации, а также предоставляются стипендии для укрепления демократических институтов[349].

В условиях политического вакуума бывшие постсоветские страны достаточно быстро подключились к работе ССАС, а затем продолжили раунды консультаций в СЕАП. К 1992 г. все страны региона принимали участие в деятельности форума. Ряд постсоветских стран поддержали создание Североатлантическим альянсом этого уникального форума, видя в нем важный механизм регулярных консультаций между НАТО и бывшими членами ОВД, а также новыми независимыми государствами, образовавшимися после распада Советского Союза, по широкому кругу политических вопросов и вопросов общеевропейской и региональной безопасности.

В 1998 г. СЕАП начал реализацию двухлетнего плана действий, направленного на консультации и сотрудничество по широкому спектру политических и связанных с безопасностью вопросов, включая региональные проблемы, контроль над вооружениями, международный терроризм, миротворчество, экономические аспекты обороны, гражданское чрезвычайное планирование, а также научные и экологические вопросы. В октябре 1998 г. в Грузии состоялся первый семинар по региональному сотрудничеству под эгидой СЕАП, за которым последовали аналогичные мероприятия в Литве и Словакии, а в 1999 г. – в Болгарии и Узбекистане[350].

В 2006 г. на Рижском саммите государства-члены НАТО подтвердили свою приверженность СЕАП, включая развитие отношений между НАТО и партнёрами, поддержку Политико-военной структуры для операций под руководством НАТО и борьбу с глобальным терроризмом. В сентябре этого же года СЕАП согласовал Меморандум о взаимопонимании, направленный на ускорение и повышение эффективности оказания помощи в случае стихийных

---

[349] Euro-Atlantic Disaster Response Coordination Centre.

[350] Путеводитель по материалам саммита в Вашингтоне // НАТО. 1999. URL: https://www.nato.int/docu/other/ru/2000/wash-sum-ru.pdf (дата обращения: 21.08.2025).

бедствий или гуманитарных кризисов, включая химические, биологические, радиологические или ядерные инциденты[351].

В июне 2009 г. в Астане, Казахстан, состоялся Форум безопасности СЕАП, на котором обсуждались вопросы, касающиеся ситуации в Афганистане и энергетики[352].

По состоянию на 2006 г., в состав СЕАП входили 49 государств, включая Албанию, Армению, Австрию, Азербайджан, Беларусь, Бельгию, Боснию и Герцеговину, Болгарию, Канаду, Хорватию, Чешскую Республику, Данию, Эстонию, Финляндию, Францию, Грузию, Германию, Грецию, Венгрию, Исландию, Ирландию, Италию, Казахстан, Кыргызскую Республику, Латвию, Литву, Люксембург, Молдову, Черногорию, Нидерланды, Норвегию, Польшу, Португалию, Румынию, Россию, Сербию, Словакию, Словению, Испанию, Швецию, Швейцарию, Таджикистан, Турцию, Туркменистан, Украину, Соединённое Королевство, Соединённые Штаты и Узбекистан.

СЕАП проводит регулярные встречи на уровне послов, министров иностранных дел и обороны, а также, при необходимости, на уровне глав государств и правительств, обеспечивая платформу для диалога и сотрудничества по вопросам безопасности в евроатлантическом регионе.

Программа **«Партнерство ради мира»**[353]. Потребность в построении новой архитектуры международной безопасности на евроатлантическом пространстве обусловила пересмотр Североатлантическим альянсом основных подходов к проблеме обеспечения мира и стабильности. С этой целью 20–21 октября 1993 г. в городе Травемюнде (ФРГ) состоялась встреча министров обороны государств-членов НАТО, на которой впервые было обсуждена концепция сотрудничества Альянса со странами Центральной и Восточной Европы.

История программы началась после принятия инициативы бывшего Президента США Б. Клинтона на саммите высокого уровня НАТО в Брюсселе в

---

[351] Riga Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2006. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_37920.htm (дата обращения: 11.12.2022).

[352] В Астане открывается форум безопасности СЕАП // НАТО. 2009. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_55792.htm (дата обращения: 21.08.2025).

[353] Англ. *Partnership for Peace, PfP*.

январе 1994 г.[354]. Учитывая достижения военно-политического диалога на уровне ССАС в сложных геополитических условиях, руководство НАТО поддержало инициативу Б. Клинтона по введение программы ПРМ, которая должна играть большую роль в вопросах обеспечения мира и стабильности в соответствии с новым военно-политическим курсом Альянса.

О результатах саммита стало известно 11 января 1994 г. После извинения за то, что делегации представителей стран-членов ССАС не были допущены в штаб-квартиру и пресс-центр НАТО во время проведения сессии, а также за то, что материалы сессии не были распространены вовремя, помощник Генерального Секретаря НАТО по политическим вопросам Г. фон Мольтке провел брифинг, во время которого были розданы заявления членов государств и правительств стран НАТО и официальный текст рамочного документа программы ПРМ. Руководители делегаций стран НАТО заявили: «Мы приняли решение немедленно приступить к выполнению практической программы, которая приведет к изменению отношений между НАТО и государствами-участниками. Эта новая программа выходит за рамки диалога и сотрудничества и преследует цель установления подлинного партнерства – Партнерства ради мира»[355].

Концепция партнерства нашла поддержку среди стран-участниц ССАС. Введение программы было логическим продолжением диалога на уровне Совета. Об этом шла речь накануне, во время заседания ССАС на уровне послов 16 сентября 1993 г., где было принято решение внести в повестку дня заседания НАТО на январь 1994 г. обсуждение вопросов дальнейшего сотрудничества со странами-партнерами[356].

Во время заседания ССАС на уровне послов стран Центральной и Восточной Европы 20 января 1994 г. участники поддержали программу и сообщили о готовности их правительств примкнуть к сотрудничеству с НАТО в её рамках. Приглашение к участию получили все страны-участницы ССАС и

---

[354] Программа «Партнерство ради мира». Саммит НАТО-94, Брюссель. 10 января 1994 г. // Управление информации и прессы НАТО. 8 С.
[355] НАТО. Справочник // Бюро информации и печати НАТО. Брюссель. 1996. С. 49.
[356] Штоль В. В. НАТО: динамика эволюции.

ОБСЕ на основе индивидуальных проектов по таким вопросам, как обеспечение транспарентности военного планирования и военных расходов, введение гражданского контроля над вооруженными силами, осуществление совместного планирования, обучения и боевой подготовки воинских формирований для использования в целях миротворчества, спасательных и гуманитарных операций[357].

Одна из особенностей программы ПРМ в том, что странам-партнерам предоставили возможность развивать практическое двустороннее сотрудничество с членами Альянса, выбирая при этом свои собственные приоритеты для сотрудничества. Однако, многие из первоначальных сфер деятельности ССАС, такие как сотрудничество по вопросам, связанным с обороной, в военной и миротворческой областях, были включены в деятельность программы ПРМ[358].

Важным фактором, влиявшим на процесс присоединения стран Европы к участию в программе, стали финансовые рычаги влияния. В июле 1994 г. президент США Б. Клинтон предложил Конгрессу выделить из бюджета США в 1996 финансовом году, который начинался в октябре 1995 г., 100 млн долл. США на поддержку стран-участниц программы ПРМ. Эта акция получила название «Варшавская инициатива». Обязательным условием получение помощи со стороны США было оказание страной-партнером конкретных проектов, нуждавшихся в финансовой поддержке.

В течение 1994 г. рамочный документ ПРМ подписали представители 21 страны[359]. Затем число выросло до 34 государств. В 1994 г. к программе присоединились Румыния (26 января), Украина (8 февраля), Болгария (14 февраля), Молдавия (16 марта), Грузия (23 марта), Россия (22 июня)[360]. Основой участия Российской Федерации в программе стал Федеральный закон «О ратификации Соглашения между государствами – участниками

---

[357] Штоль В. В. НАТО: динамика эволюции.

[358] Partnership for Peace programme // NATO. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_50349.htm (дата обращения: 21.08.2025).

[359] Signatures of Partnership for Peace Framework Document // NATO. URL: http://www.nato.int/pfp/sig-cntr.htm (дата обращения: 17.12.2024).

[360] Штоль В. В. НАТО: динамика эволюции.

Североатлантического договора и другими государствами, участвующими в программе “Партнерство ради мира”, о статусе их Сил от 19 июня 1995 г. и Дополнительного протокола к нему» (от 7 июня 2007 г., № 99-ФЗ).

Присоединение к программе ПРМ предусматривает следующую процедуру: 1) получение приглашения о присоединении к программе; 2) подписание Рамочного документа «Партнерства ради мира», который предусматривает приверженность демократическим ценностям, разделяемым НАТО; соблюдение принципов международного права; выполнения обязательств, вытекающих из Устава ООН и других основополагающих документов; воздерживаться от угрозы применения или применения силы против других государств; 3) предоставление презентационного документа в штаб-квартиру НАТО; 4) принятие индивидуальной программы партнерства.

Контроль за демократизацией восточноевропейских государств и стран СНГ и укрепление влияния стран Альянса заложили фундамент программы. Также она сыграла важную роль в вопросах расширения Альянса, в том числе с государствами Черноморья.

Программа НАТО ПРМ как основной консультативно-практический механизм развития и углубления сотрудничества с государствами-партнерами играет фундаментальную роль в усилении их политической, экономической, военной и операционной совместимости со странами-членами, создавая таким образом необходимые предпосылки для потенциально возможного расширения организации[361].

Вспомогательной при проведении анализа места программы в процессе расширения НАТО является классификация исследовательницы Т. В. Брежневой, основанная на сравнении волн расширения Альянса в постбиполярный период. В своем труде Т. В. Брежнева выделяет три группы стран: первая – государства, ставшие членами в 1999 г. (Польша, Чехия, Венгрия), активно работали в рамках ПРМ и накапливали опыт, который способствовал началу плана действий по

[361] Partnership for Peace. Framework Document // NATO. URL: http://www.nato.int/docu/comm/49-95/c940110b.com (дата обращения: 21.08.2025).

членству; вторая – государства второй волны расширения, которые имели официальный статус кандидатов в члены НАТО (Болгария, Румыния, Словакия, Словения, Латвия, Литва, Эстония); в третью – вошли Албания, Хорватия и Македония, которые до 2008 г. оставались странами-партнерами[362].

Влияние ПРМ на процесс интеграции новых членов в евроатлантическую структуру безопасности было определено еще в проведенном в 1995 г. «исследовании по вопросам расширения НАТО» (англ. *Study on Enlargement*)[363]. Этот документ определил ряд приоритетных мероприятий в рамках программы, направленных на подготовку стран к будущему членству: помощь в развитии демократического контроля над вооруженными силами и прозрачностью оборонного планирования, усиление военных связей для обеспечения надлежащей поддержки реформирования секторов обороны государств-партнеров в соответствии с основными вызовами безопасности среды, развитие сотрудничества с целью повышения способности и готовности потенциальных членов принимать совместное участие в миротворческих и гуманитарных операциях, усиление военных отношений между государствами-партнерами и т. д.[364].

Присоединение Словакии, Словении, Болгарии, Румынии, Литвы, Латвии и Эстонии к Североатлантическому альянсу в 2004 г. создало ситуацию, при которой количество государств-членов превысило количество стран-участниц программы, что засвидетельствовало эффективность «Партнерства ради мира» при реализации организационного расширения. Однако подтверждение открытости Альянса в коммюнике Стамбульского саммита дало импульс развитию взаимоотношений НАТО и тех государств региона, чьи

---

[362] Брежнєва Т. В. Реформування програми НАТО «Партнерство заради миру» як результат трансформації Альянсу: виклики та можливості для України / Стратегічні пріоритети. 2008. № 3. С. 185–191.

[363] Study on NATO Enlargement. Chapter 3 – How NACC and PfP Can Contribute Concretely to the Enlargement Process // North Atlantic Treaty Organization. URL: http://www.nato.int/docu/basictxt/enl-9504.htm (дата обращения: 21.08.2025).

[364] Ibid.

внешнеполитические интересы сориентированы на евроатлантическую интеграцию[365].

Декларативное решение Бухарестского саммита НАТО 2008 г. относительно будущего приобретения членства в организации Украиной и Грузией, без конкретизации сроков и без привлечения к «Плану действий по членству в НАТО» (*далее* – ПДЧ) с присвоением de-jure статуса кандидата на вступление, может в перспективе стать основой для трансформации механизма расширения Альянса[366]. В НАТО полагали, что такой подход возможен и даже несет ряд преимуществ. Во-первых, это дает Грузии и Украине время для внутреннего реформирования перед вступлением в Альянс. С политической гарантией от Альянса пронатовские силы внутри стран смогут укрепиться. Во-вторых, у НАТО появляется время для выработки внутреннего консенсуса относительно членства Грузии и Украины. В 2008 г. этот консенсус отсутствовал. Некоторые члены Североатлантического союза, в частности Франция и Германия, высказывали сомнения в отношении этого членства. В-третьих, появится возможность наладить отношения с Россией и разрядить обстановку, так как Москва рассматривает Черноморский регион как часть собственной сферы влияния.

По мнению С. Ларраби, этот саммит представляет собой критический поворотный момент в подходе НАТО к Черноморскому региону[367], когда лидеры Североатлантического союза отложили предоставление двум странам ПДЧ, предотвратив открытую конфронтацию с Москвой, но согласились принять их в неопределенное время в будущем. Вопрос теперь уже не в том, станут ли Грузия и Украина членами НАТО, а в том, когда это произойдет[368].

Несмотря на разные примеры вступления бывших государств-партнеров в Североатлантический альянс, общим характерным признаком для каждой из них в

---

[365] Istanbul Summit Communiqué // North Atlantic Treaty Organization. 2004. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_21023.htm (дата обращения: 11.12.2022).
[366] Bucharest Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2008. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_8443.htm (дата обращения: 11.12.2022).
[367] Larrabee F. S. NATO and Black Sea Security // Center for Transatlantic Relations. Washington, D.C. 2008. P. 277–293.
[368] Ibid.

контексте реализации собственных евроатлантических интеграционных стратегий является участие в миротворческих операциях под председательством НАТО в рамках программы ПРМ. Это практическое сотрудничество играет важную роль для партнеров организации в вопросах реформирования Вооруженных сил, усиления военно-технической и оперативно-тактической совместимости со странами-членами Альянса и подтверждения образа «надежного и предсказуемого партнера», что способствует углублению взаимоотношений с Организацией Североатлантического договора[369].

Стоит заметить, что расширение НАТО – двусторонний процесс, который заключается в соответствии интересов Альянса стремлениям и потенциалам других государств. ПРМ играет фундаментальную роль в развитии способности государств-партнеров, которые ставят целью интеграцию в НАТО, вносить вклад в эффективное обеспечение безопасности и стабильности евроатлантического пространства. Собственно коллективно-индивидуальные подходы в рамках программы способствуют углублению взаимоотношений со странами-партнерами, выделению среди них с помощью плана действий по членству государств-кандидатов и их возможному превращению в полноправных членов Североатлантического альянса. Постоянное подтверждение открытости НАТО для вступления новых членов, готовых и способных присоединиться к системе коллективной безопасности, еще больше актуализирует ПРМ в контексте реализации стратегических задач организации.

СЕАП и программа ПРМ занимают центральное место в видении НАТО целостной, свободной и мирной Европы. В стратегической концепции НАТО 2010 г. подтверждалось, что Альянс будет продолжать развивать партнерство с Украиной и Грузией в рамках комиссий НАТО–Украина и НАТО–Грузия на основе решения НАТО на саммите в Бухаресте 2008 г. и с учетом евроатлантической ориентации или стремлений каждой из стран.

---

[369] Навроцький А. Вплив реалізації програми «Партнерство заради миру» на процес розширення НАТО // Вече. 2011. № 4. URL: https://veche.kiev.ua/journal/2428/ (дата обращения: 17.12.2024).

2.2. Военное присутствие НАТО в Черноморском регионе

Есть два фактора, которые ограничивают деятельность НАТО в Черном море: конвенция Монтрё и требования прибрежных государств[370].

Конвенция Монтрё – это соглашение 1936 г., признающее суверенитет Турции над Босфором. Она запрещает военным кораблям из стран, не входящих в Черное море, находиться в море более 21 дня и устанавливает различные ограничения по тоннажу и количеству [371] . Изменившаяся реальность после окончания холодной войны, угроза терроризма и расширение НАТО поставили вопрос о пересмотре конвенции, являющейся основой благоприятной системы безопасности для России и Турции, поскольку она обеспечивает их приоритетный статус в Черноморском регионе и ограничивает участие других игроков. Действия НАТО зависят от различных пожеланий её членов и партнеров в Чёрном море. Турция и Россия решительно против пересмотра сложившегося порядка. Но, например, Румыния выступает за расширение присутствия Альянса в регионе, обосновывая это тем, что российская Севастопольская военно-морская база, являющаяся базой российского Черноморского флота, находится очень близко к Констанце, крупнейшему порту страны. Украина также поддерживает деятельность НАТО в регионе, но, с другой стороны, Болгария выступала ранее против расширения развертывания сил НАТО, ссылаясь на опасения по поводу сдерживания туристов и ухудшения отношений с Россией.

Важно отметить, что военное присутствие не было характерной особенностью Черноморского вектора политики НАТО на первых порах. Ставка делалась на мирные программы партнерства и редкие военно-морские совместные учения, которые бы подчеркивали настрой на решение региональных проблем и закрепляли за Альянсом статус гаранта безопасности.

---

[370] NATO in the Black Sea. 2019. URL: https://natoassociation.ca/nato-in-the-black-sea/ (дата обращения: 05.01.2025).

[371] Goncharenko R. NATO steps up naval presence on the Black Sea // Deutsche Welle. URL: https://www.dw.com/en/nato-steps-up-naval-presence-on-the-black-sea/a-47732883 (дата обращения: 22.11.2022).

25 августа 1997 г. корабли пяти государств, включая США, прибыли на территорию Крымского полуострова для участия в военно-морских учениях, основанных на меморандуме 1993 г. о военном сотрудничестве между Украиной и США[372]. Учения «Sea Breeze–97» (рус. *Морской бриз*), вызвавшие негативную реакцию со стороны Москвы, стали первыми в рамках программы ПРМ, проведёнными на территории бывшей советской военной базы, что символизировало новый этап во взаимодействии стран НАТО с постсоветским пространством.

В манёврах приняли участие корабли из Болгарии, Грузии, Румынии, Турции и США, которые прибыли на военно-морскую базу Донузлав, расположенную на западном побережье Крыма. Россия, черноморский флот которой базируется в Севастополе, отказалась от участия в учениях, несмотря на приглашение со стороны Министерства обороны Украины. Вместо этого МИД РФ дал учениям «однозначно негативную оценку»[373]. Первоначальный сценарий учений предполагал моделирование боевой операции, но впоследствии был трансформирован в гуманитарную миссию. Тем не менее, данный формат не смог нивелировать опасения и протесты России, которая восприняла учения как потенциально враждебные.

Против «Sea Breeze–97» выступили как представители российских официальных структур, так и пророссийские силы в Крыму. Кроме того, негативное отношение выразили украинские граждане, критически настроенные к политике президента Л. Д. Кучмы по сближению с НАТО. В июле 1997 г. украинский парламент отклонил предложение левых фракций, включавших коммунистов, социалистов и аграриев, о запрете проведения учений НАТО на территории страны. Несмотря на это, учения продолжали планироваться, включив в программу участие 20 кораблей и 300 морских пехотинцев из восьми стран,

---

[372] Военно-морские учения Sea Breeze. Досье // ТАСС. URL: https://tass.ru/info/3464668 (дата обращения: 21.08.2025).
[373] Там же.

включая США, Украину, Болгарию, Турцию, Грецию, Италию, Румынию и Грузию[374].

Сторонники запрета утверждали, что учения противоречат Конституции Украины, но глава МИД Г. И. Удовенко и министр обороны А. И. Кузьмук заверили, что они соответствуют законодательству. Удовенко также подчеркнул, что сотрудничество с НАТО не является признаком стремления Украины вступить в Альянс. Тем не менее, напряжённая ситуация вынудила украинские власти внести коррективы в планы: наземная часть учений была перенесена за пределы Крыма, а высадка морской пехоты заменена на более нейтральную «административную выгрузку».

НАТО акцентировало, что «Sea Breeze–97» имеет исключительно мирный характер, однако для жителей Крыма, большинство из которых составляли этнические русские, эти манёвры стали символом усиления западного влияния. Примерно две тысячи протестующих вышли на демонстрацию, осуждая учения как проявление антироссийской политики Киева[375]. Исторический контекст, включающий многочисленные войны за контроль над Крымом между Россией, Турцией и западными странами, только усиливал напряжение. Участие турецкого флота вызывало особенное недовольство среди местных жителей, воспринимавших это как провокацию.

Учения «Sea Breeze–97», организованные в рамках программы ПРМ, были представлены организаторами как подготовка военно-морских сил к гуманитарным операциям в условиях стихийных бедствий. Ключевыми этапами манёвров стали мероприятия по координации и взаимодействию флотов, имитация помощи жертвам землетрясения на юге Украины и последующие операции в Одессе. Моряки из США, Украины, Турции, Болгарии и Румынии также приняли участие в совместных культурных и спортивных мероприятиях. Финальная часть учений завершилась посещением болгарского порта Варна.

---

[374] Sea Breeze 1997–1999. URL: https://www.globalsecurity.org/military/ops/sea-breeze-97-99.htm (дата обращения: 17.01.2025).
[375] Ibid.

Несмотря на усилия Украины и НАТО представить учения как миротворческие, они вызвали широкий резонанс, подчеркнув сложности регионального взаимодействия и напряжённость в отношениях с Россией. Этот случай стал показателем того, как военно-морские инициативы в Черном море могут становиться катализатором политических противоречий.

Многонациональные военно-морские учения «Sea Breez–98» прошли под Одессой, а не в Крыму, где они проводились годом ранее. Согласно сценарию, в одной из прибрежных республик произошло разрушительное землетрясение, после чего власти обратились за помощью в ООН. Для выполнения гуманитарной миссии в учениях были задействованы корабли, вертолёты, самолёты, подводные лодки и объединённый миротворческий батальон морской пехоты[376].

23 сентября 1998 г. в одесской бухте Практическая завершилась подготовка к учениям. Для участия прибыли корабли из стран-членов НАТО и их партнёров: Украины, США, Греции, Великобритании, Италии, Турции, Франции, Болгарии, Грузии, Румынии и России. Бухта была очищена от старых судов, а также подготовлены причалы и штабные здания. Очистка проводилась на средства Министерства обороны США, которое выделило около 400 тысяч долл. США[377].

Учения проходили с 25 октября по 4 ноября 1998 г. Основной темой манёвров стало проведение миротворческих операций, оказание гуманитарной помощи и проведение поисково-спасательных мероприятий. Морская часть учений осуществлялась в северной акватории Чёрного моря, а наземные операции проходили на полигоне Широкий Лан около Николаева. В ходе учений сформировали международную группу, отвечавшую за обеспечение зоны безопасности, доставку гуманитарной помощи и эвакуацию пострадавших. Одной из задач стало предотвращение незаконных поставок оружия в условную республику, названную «Прибрежной», а также обеспечение защиты миротворческих сил в случае необходимости применения оружия[378].

---

[376] Sea Breeze 1997–1999.
[377] Ibid.
[378] Ibid.

28 октября 1998 г. морские пехотинцы и моряки из 22-го экспедиционного отряда морской пехоты США совместно с украинскими и союзными подразделениями разбили базовый лагерь и приступили к кросс-тренингам. Черноморский флот России был представлен двумя кораблями, которые вошли в состав 30 судов, участвовавших в манёврах. Командующий учениями полковник Прикуль из украинской морской пехоты торжественно приветствовал участников на полигоне Широкий Лан, после чего началась отработка задач, связанных с ликвидацией последствий стихийных бедствий, обеспечением порядка и проведением разминирования[379].

В учениях «Sea Breeze–99», которые начались 9 декабря 1999 г., участвовали офицеры из Болгарии, Грузии, Греции, Италии, Румынии, Турции, Великобритании, Украины и Соединенных Штатов, которые использовали компьютеры для отработки реагирования на стихийное бедствие и оказания помощи пострадавшей от катастрофы стране. Участники командовали воображаемым флотом из 33 кораблей, шести самолетов, 10 подразделений морской пехоты и дополнительной рабочей силы, принадлежащей Министерству по чрезвычайным ситуациям Украины. «Мы встречаемся как друзья, мы видим открытость со стороны наших партнеров и предлагаем такую же открытость в ответ», – сказал командующий ВМС Украины вице-адмирал М. Б. Ежель[380].

Около 1500 офицеров из 12 стран 6 июля 2001 г. начали спонсируемые НАТО учения «Sea Breeze–2001» в черноморском порту Одесса. Учения продолжались до 16 июля и включали три этапа компьютеризированной морской и прибрежной подготовки с участием семи украинских судов, корабля береговой охраны США и турецкого десантного корабля, а также военных самолетов и вертолетов [381] . Военно-политический вакуум, образовавшийся в результате уклонения российского флота от активного участия в военно-морских учениях в Черноморском бассейне, был заполнен западными флотами. Россия принимала

---

[379] Sea Breeze 1997–1999.
[380] Ibid.
[381] Sea Breeze 2000–2009. URL: https://www.globalsecurity.org/military/ops/sea-breeze-00-09.htm (дата обращения: 17.01.2025).

участие в Sea Breeze только один раз, в 1998 г. Россия протестовала против присутствия военных кораблей США и НАТО в Черном море, ссылаясь на Конвенцию Монтрё 1936 г.

«Sea Breeze–2007» проводились в Одесской и Николаевской областях на фоне протестов местных левых политических групп[382]. В 2008 г. во время учений Sea Breeze протестующие разбили лагерь вдоль побережья Черного моря и, как сообщается, пытались помешать иностранным военным кораблям, участвующим в учениях, покинуть порт Одессы. Шестнадцать стран-участниц 11-х учений включали Украину, а также Армению, Азербайджан, Канаду, Данию, Францию, Грузию, Германию, Грецию, Латвию, Македонию, Норвегию, Румынию, Турцию, Соединенное Королевство и Соединенные Штаты.

Военные учения с участием иностранных войск требуют разрешения парламента, но украинский парламент отказался даже рассматривать этот вопрос в 2009 г. Военное командование США сообщило Украине, что украинско-американские военно-морские учения в этом году не состоятся. «Sea Breeze–2009» должны были состояться в июле. Учения Sea Breeze всё чаще становились предметом жестоких антинатовских протестов[383].

В июле 2010 г. в Одессе прошли учения с участием водолазных подразделений из Дании, Украины и США. В маневрах приняли участие 20 кораблей, 13 самолетов и более 1600 военнослужащих из 12 стран, включая Азербайджан, Австрию, Бельгию, Данию, Грузию, Германию, Грецию, Молдову, Швецию, Турцию, Украину и США.

В июне 2011 г. военнослужащие из США, Украины, Грузии, Македонии и Молдовы собрались для проведения учений, включавших амфибийные операции, морские операции по пресечению, противодействие самодельным взрывным устройствам и конвойные операции[384].

---

[382] Sea Breeze 1997–1999.
[383] Ibid.
[384] Sea Breeze 2010–2019. URL: https://www.globalsecurity.org/military/ops/sea-breeze-10-19.htm (дата обращения: 17.01.2025).

В 2013 г. в учениях приняли участие военно-морские, воздушные и наземные силы из 14 стран, включая Азербайджан, Болгарию, Канаду, Грузию, Германию, Италию, Румынию, Турцию, Украину и США, а также наблюдатели из Франции, Ливии, Катара и Объединенных Арабских Эмиратов. Основное внимание уделялось морским операциям по пресечению и использованию морских баз для проведения различных операций на берегу[385].

С 2014 г. в связи с политическим кризисом в Украине и обострением российско-американских отношений Соединенные Штаты и их союзники по НАТО стремились усилить свое военное присутствие в Черноморской зоне[386]. Например, значительно увеличилось количество заходов военных кораблей стран Альянса, подавляющее большинство из которых принадлежат американскому военно-морскому флоту. В то же время увеличилось количество учений с участием черноморских государств-членов НАТО, Украины и Грузии, в ходе которых прорабатывается формирование оперативных соединений и группировок военно-морских сил многонационального состава и различного назначения, а также их развертывание в районах назначения.

В сентябре 2014 г. учения включали 12 кораблей из США, Канады, Испании, Турции, Румынии, Украины и Грузии. Основное внимание уделялось операциям по перехвату, взаимодействию, поисково-спасательным операциям, навигации и военной защите. В ответ на эти учения Россия провела внезапные учения с участием 20 кораблей и 20 самолетов, включая истребители Су-24[387].

В 2015 ВМС США и Украины, включая эсминец USS Donald Cook и фрегат «Гетьман Сагайдачный», участвовали в учениях, направленных на улучшение морской безопасности и стабильности в Черном море[388].

В июле 2016 г. в учениях приняли участие около 2300 военнослужащих и 25 судов из 13 стран. Церемония открытия состоялась в Одессе с участием министра обороны Украины С. Т. Полторака и посла США в Украине Дж. Пайетта[389].

---

[385] Sea Breeze 2010–2019.
[386] Guchua A. NATO regional approaches to missile defense – in the context of Black Sea security // Ante Portas – Security Studies. 2020. № 2(15). P. 15.
[387] Sea Breeze 2010–2019.
[388] Ibid.

С июля 2017 г. учения включали амфибийные высадки, в которых участвовали морские пехотинцы США и Украины. Основное внимание уделялось повышению совместимости и укреплению морской безопасности в регионе[390].

В июле 2018 г. 18-е по счету учения включали участие командного корабля USS Mount Whitney, эсминца USS Porter, патрульного самолета P-8A Poseidon, морских пехотинцев и водолазных команд ВМС США. Учения были направлены на улучшение взаимодействия между участвующими странами и укрепление региональной безопасности[391].

В июле 2019 г. учения собрали более 3000 участников, которые тренировались в различных областях, включая морские операции по пресечению, противовоздушную оборону, противолодочную войну, ликвидацию повреждений, поисково-спасательные операции и амфибийные операции. В учениях приняли участие страны, такие как Болгария, Канада, Дания, Эстония, Франция, Грузия, Греция, Италия, Латвия, Литва, Молдова, Норвегия, Польша, Румыния, Швеция, Турция и Великобритания. Со стороны США участвовали эсминец USS Carney, экспедиционное быстроходное транспортное судно USNS Yuma, патрульный самолет P-8A Poseidon, морские пехотинцы и водолазные команды[392].

В 2020 г. состоялась юбилейная, 20-я итерация военно-морских учений Sea Breeze, объединившая восемь стран-участниц, разделяющих стремление 6-го флота США к укреплению безопасности и стабильности в Чёрном море. В манёврах участвовали 27 кораблей и 19 самолётов, которые совместно отрабатывали навыки взаимодействия и улучшали оперативную совместимость. Учения были проведены, невзирая на бушующую пандемию COVID-19.

Основное внимание было уделено морским и воздушным операциям, включая противовоздушную оборону, борьбу с подводными лодками, устранение повреждений и поисково-спасательные миссии. Одной из особенностей стало внедрение «свободной игры», которая предоставила участникам больше свободы

---

[389] Sea Breeze 2010–2019.
[390] Ibid.
[391] Ibid.
[392] Ibid.

для достижения учебных целей за рамками стандартного сценария. Учения проводились исключительно в море.

Учения «Sea Breeze–2021», проходившие с 28 июня по 10 июля, стали крупнейшими за всю историю их проведения. В них приняли участие 32 страны с шести континентов, включая Албанию, Австралию, Болгарию, Канаду, Данию, Египет, Францию, Израиль, Италию, Японию, Литву, Норвегию, Румынию, Турцию, Украину, Великобританию и США. В общей сложности было задействовано около 5000 военнослужащих, 32 корабля, 40 самолётов и 18 специальных и водолазных групп[393].

Основными направлениями учений стали десантные операции, противолодочная и противовоздушная оборона, поисково-спасательные работы и интеграция специальных операций. Манёвры были направлены на повышение уровня совместимости Украины с НАТО и укрепление многонационального сотрудничества в регионе[394]. По существу учения 2021 г. стали демонстрацией возможных в будущем реальных силовых операций в акватории Черного моря.

В учениях участвовали как военные корабли НАТО, так и украинские суда, большинство из которых являлись вспомогательными. Одним из ключевых элементов стал американский ракетный эсминец USS Ross. Согласно пресс-релизу НАТО, «это хороший пример того, как союзники и партнеры предоставляют уникальные возможности для обучения, направленные на повышение готовности, улучшение сотрудничества и оперативной совместимости в регионе Черного моря»[395].

Учения сопровождались напряжённостью, вызванной инцидентом с британским эсминцем HMS Defender 23 июня 2021 г. Корабль пересёк границу территориальных вод России в районе мыса Фиолент. Российская береговая охрана произвела предупредительные выстрелы, а самолёт Су-24М сбросил

---

[393] Exercise Sea Breeze Underway in the Black Sea // Sea Power Magazine. URL: https://seapowermagazine.org/exercise-sea-breeze-underway-in-the-black-sea/ (дата обращения: 17.01.2025).
[394] Ibid.
[395] Ibid.

бомбы по курсу движения эсминца. Британская сторона заявила, что эти действия демонстрировали непризнание воссоединения Крыма с Россией.

Инцидент вызвал обмен жёсткими заявлениями между Москвой и Лондоном. Президент России В. В. Путин назвал происходящее провокацией и заявил, что она была организована Великобританией при поддержке США. Российская сторона подчеркнула, что будет жёстко реагировать на подобные действия, чтобы предотвратить эскалацию.

Не оставалась в стороне и Грузия. На территории военной базы Вазиани с 15 по 31 июля 2008 г. проводились совместные учения с участием Грузии, США, Украины, Армении и Азербайджана. Как пишут открытые источники, в учениях принимало участие около 1650 военнослужащих, из которых около 1000 – из США, 600 – Грузии и от остальных стран по 10 военнослужащих. Это были последние крупномасштабные учения ВС Грузии перед началом конфликта в 2008 г.[396].

С 1994 г. стартовали также учения Rapid Trident (рус. *Быстрый трезубец*). Мероприятия проводятся между украинскими, американскими и другими военными силами стран-партнеров. Обычно местом проведения является Яворовский военный полигон во Львовской области (Украина). Цель учений – подготовка к совместным действиям в составе многонациональных сил во время коалиционных операций[397].

В 2013 г., например, в учениях «Rapid Trident–2013» приняли участие более 1300 военнослужащих из 16 стран. В мероприятии было задействовано более 800 единиц вооружения и почти 170 единиц военной техники и боевых машин. Для отработки аэромобильной операции и элементов эвакуации раненых с поля боя использовались четыре вертолета Ми-8, военно-транспортный самолет Ан-26 Вооруженных сил Украины и немецкий транспортный самолет С-160. В ходе

---

[396] Грузия открыла военные учения «Немедленный ответ-2008» // Известия. 2008. URL: https://web.archive.org/web/20160306081941/http://izvestia.ru/news/430035 (дата обращения: 17.01.2025).

[397] У Львівській області почалися щорічні українсько-американські військові навчання // ОПК. 2019. URL: https://opk.com.ua/у-львівській-області-почалися-щорічн/ (дата обращения: 17.01.2025).

учений было совершено более 500 прыжков с парашютом с вертолетов Ми-8, украинских самолетов Ан-26 и немецких С-160.

В учениях «Rapid Trident–2015», которые проходили с 20 по 31 июля 2015 г., приняли участие 1800 военнослужащих из 18 стран. Украину на учениях представляли около 800 военнослужащих, а именно десантники, разведчики, группа специального назначения, бойцы Национальной гвардии и курсанты военных академий, в частности Львовской академии сухопутных войск. Среди иностранных участников учений представители Бельгии, Болгарии, Великобритании, Грузии, Эстонии, Испании, Канады, Латвии, Литвы, Молдовы, Германии, Норвегии, Польши, Румынии, США, Турции и Швеции.

Похожие учения проводились в 2014, 2016, 2018, 2019 и 2021 гг., однако с каждым годом масштаб увеличивался. Так, например, в 2019 г. были проведены двухнедельные учения, в которых приняли участие более 3800 военнослужащих из 14 стран мира, в частности, из Украины, США, Канады, Польши, Великобритании, Молдовы и Грузии[398].

После 2014 г. НАТО сделало Черное море приоритетом, чтобы обеспечить безопасность своих союзников и партнеров и послать контрсигнал Российской Федерации.

На Варшавском саммите НАТО, состоявшемся в 2016 г., Черноморский регион был определен как ключевой для евроатлантической безопасности. Альянс выразил намерение увеличить здесь свое присутствие. В рамках встречи министров НАТО, проведенной 15–16 февраля 2017 г., были утверждены меры по координации военно-морских действий, которые предусматривали взаимодействие постоянных сил НАТО с государствами-членами Альянса, направленное на укрепление сотрудничества в Черноморском регионе на суше, на море и в воздухе[399].

---

[398] У Львівській області почалися щорічні українсько-американські військові навчання // ОПК. 2019. URL: https://opk.com.ua/у-львівській-області-почалися-щорічн/ (дата обращения: 17.01.2025).

[399] Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the meeting of the North Atlantic Council at the level of Defence Ministers // NATO. 2017. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_141340.htm (дата обращения: 05.01.2025).

В апреле 2019 г. на встрече министров иностранных дел НАТО в Вашингтоне был согласован пакет инициатив, направленных на повышение осведомленности Альянса о ситуации в Черноморском регионе, а также на усиление поддержки Грузии и Украины. Постоянный представитель Соединенных Штатов в Североатлантическом совете К. Б. Хатчисон сообщил, что Вашингтон разработал пакет мер, направленных на улучшение мониторинга ситуации и развертывание сил НАТО в Черном море. По словам дипломата, эти меры, в частности, гарантируют «безопасный транзит» судов через Керченский пролив в порты украинского Приазовья.

После избрания Президентом США Д. Байден заявил, что альянсы Америки являются её наибольшим активом, следовательно, администрация будет предоставлять существенные преимущества восточным границам НАТО, прежде всего странам Черноморского региона[400].

На саммите в Брюсселе, состоявшемся в июне 2021 г., НАТО обвинило Россию в агрессивных действиях в отношении Украины и увеличении военного присутствия в различных регионах, включая Северную Африку и Ближний Восток. Альянс подчеркнул необходимость обеспечения надежного сдерживания и обороны в Черноморском регионе[401].

Практические меры НАТО в противовес России включают адаптированное передовое присутствие, охватывающее сухопутные подразделения (многонациональная бригада в Румынии), морские силы (корабли союзников, развёртываемые в Черном море) и авиационные компоненты (самолеты, базирующиеся на авиабазах Румынии и других странах) [402] . НАТО также укрепляет информационное взаимодействие с черноморскими странами-

[400] Biden lays out foreign policy vision // Deutsche Welle. 2020. URL: https://www.dw.com/en/joe-biden-lays-out-foreign-policy-vision-america-is-back/a-55715379 (дата обращения: 05.01.2025).
[401] Brussels Summit Communiqué // North Atlantic Treaty Organization. 2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_185000.htm (дата обращения: 11.12.2022).
[402] Safe skies: 60 years of NATO Air Policing // NATO. 2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185683.htm (дата обращения: 05.01.2025).

партнерами, поддерживает их в развитии оборонительных возможностей, реформировании военной сферы и подготовке кадров[403].

НАТО продолжает демонстрировать свою решимость и возможности посредством патрулирования, заходов в порты и учений в этом районе. В 2018 г. корабли НАТО провели 120 дней в Черном море по сравнению с 80 днями в 2017 г.

Совместные учения, такие как Sea Shield (рус. *Морской щит*) и Steadfast Defender (рус. *Стойкий защитник*), проводятся якобы для отработки коллективной обороны согласно статье 5 Вашингтонского договора[404], в то время как манёвры Sea Breeze и Agile Spirit (рус. *Проворный дух*) направлены на повышение совместимости стран-партнеров НАТО, таких как Украина и Грузия.

В июле 2017 г. в рамках Европейского командования США состоялись многонациональные военные учения Saber Guardian (рус. *Быстрое реагирование*), проводимые под руководством армии США в Европе[405]. Данный цикл маневров, стартовавший в 2013 г., осуществляется ежегодно на территории Болгарии, Румынии и Украины в рамках Программы совместных учений (англ. *Joint Exercise Program, JEP*). Эти учения стали крупнейшим мероприятием в серии данных учений, что свидетельствует о растущем внимании к данному формату взаимодействия.

В учениях 2017 г. приняли участие порядка 25 тысяч военнослужащих, представляющих 22 государства-члена НАТО и партнеров Альянса. Подобный масштаб свидетельствует о высокой степени военного сотрудничества, направленного на укрепление оборонных возможностей и демонстрацию потенциала коллективного сдерживания. Одной из ключевых задач «Saber Guardian–2017» стало отработка способности оперативного развертывания вооруженных сил в любой точке Европы в максимально сжатые сроки.

---

[403] NATO Foreign Ministers agree to enhance security in the Black Sea region // NATO. 2019. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_165253.htm (дата обращения: 05.01.2025).

[404] Steadfast Defender // North Atlantic Treaty Organization. 2021. URL: https://shape.nato.int/steadfast-defender (дата обращения: 05.01.2025).

[405] Exercise Saber Guardian 2017 to Take Place in July. URL: http://www.army.mil/article/188997 (дата обращения: 05.01.2025).

Учения «Saber Guardian–2017» были направлены на повышение уровня взаимодействия между подразделениями стран-участниц, обеспечение координации действий в рамках различных миссий и усиление совместимости сил НАТО и партнерских государств. Важнейшей особенностью данных маневров являлось моделирование сценариев кризисного реагирования и отработка тактики ведения боевых действий в условиях возможных угроз на восточных границах Альянса. Включение в программу учений элементов стратегического и тактического планирования, а также сценариев быстрого развертывания войск свидетельствует о приоритетности задачи повышения готовности вооруженных сил НАТО и их партнеров к возможным вызовам в регионе[406].

Тем не менее, несмотря на солидарность стран Балтии в вопросах укрепления северных границ НАТО, страны Черноморского региона демонстрируют неоднозначную позицию. Эта разобщенность препятствуют формированию единой стратегии НАТО в отношении Черного моря[407].

Особенно ярко это проявилось в начале 2000-х гг., когда решался вопрос привлечения других членов НАТО к турецким инициативам в регионе. Особое место занимает «Блэксифор» (англ. *BLACKSEAFOR*) и операция «Черноморская гармония» (англ. *Black Sea Harmony Operation*).

Черноморская военно-морская группа оперативного взаимодействия «Блэксифор» была создана 2 апреля 2001 г. Подписание итоговых соглашений состоялось в Стамбуле представителями всех стран черноморского региона, имеющих выход к морю. Соответственно, участниками модели стали Болгария, Румыния, Грузия, Российская Федерация, Турция и Украина[408].

Инициатором создания группы с 1998 г. выступала Турецкая Республика. Впервые предложение о военно-морском взаимодействии было озвучено на втором совещании начальников военно-морских сил Черного моря, которое

---

[406] Adzinbaia Z. NATO in the Black Sea: What to Expect Next? Research Paper Research Division – NATO Defense College, Rome № 141. 2017.

[407] NATO in the Black Sea. 2019. URL: https://natoassociation.ca/nato-in-the-black-sea/ (дата обращения: 05.01.2025).

[408] BLACKSEAFOR // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkey. URL: https://www.mfa.gov.tr/blackseafor.en.mfa (дата обращения: 04.08.2024).

состоялось в Варне, Болгария[409]. Целью оперативной группы стало укрепление мира и стабильности в регионе путем расширения регионального сотрудничества и добрососедских отношений. В числе основных задач «Блэксифор» обозначались проведение совместных учений поисково-спасательного характера и гуманитарных операций, мероприятий по разминированию, защите окружающей среды и визиты доброй воли[410]. Первая совместная операция оперативной группы проводилась с 27 сентября по 16 октября 2001 г.

Соглашение о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия было ратифицировано Государственной Думой Федерального Собрания России 30 октября 2002 г. [411] . В Соглашении было отмечено, что деятельность группы не направлена против какого-либо третьего государства и не представляет собой военный союз. Структура группы представляет собой исключительно военно-морские компоненты, состоящие из 4–6 кораблей стран-участниц Соглашения по одному от каждой стороны, включая один корабль командования и управления. Рабочим языком группы стал английский[412]. Командующий группой занимает должность в течение одного года и выбирается от каждой страны-участницы в алфавитном порядке.

В ходе ратификации Соглашения отмечалось, что данная кооперация отвечает долгосрочным интересам России и создает новые возможности для контроля за иностранной военно-морской деятельностью в Черном море и укрепления стабильности [413] . Прежде всего значение данной модели

---

[409] BLACKSEAFOR // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkey.

[410] Губанов А. С. Політика безпеки Туреччини в Чорному морі: військово-морський аспект регіональної співпраці та конкуренції // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. 2014. Т. 27 (66). № 1–2. С. 308–319.

[411] О ратификации Государственной Думой Федерального Собрания России Соглашения о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия. Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/bleksifor/1651753/ (дата обращения: 04.08.2024).

[412] Соглашение о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия. Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/901838481 (дата обращения: 04.08.2024).

[413] О ходе ратификации Соглашения о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия (ЧВМГ). Министерство иностранных дел Российской Федерации.

сотрудничества было в том, что все шесть прибрежных государств одного региона нашли консенсус в вопросах создания многонационального отряда под единым командованием. Официальный представитель МИД России А. В. Яковенко назвал это «принципиально новой моделью многонационального военно-морского взаимодействия»[414].

Операция «Черноморская гармония» связана с НАТО и дополняет её операцию Active Endeavour (рус. *Активные усилия*), направляя силы на сдерживание терроризма и асимметричных угроз в Черном море[415]. Эта операция носит многонациональный характер с участием Российской Федерации и Украины [416] . Страны присоединились к инициативе 27 декабря 2006 г. и 25 апреля 2007 г. соответственно. В марте 2008 г. к этой операции присоединилась также Румыния.

Вплоть до 2008 г. кооперация дорабатывалась и усложнялась, однако уже после войны в Грузии стало понятно, что дальнейшие инициативы Турции и России тормозились Болгарией, Румынией и Грузией, которые ожидали усиления ВМС НАТО[417].

Турецкие предостережения относительно американских долгосрочных целей в Черноморском регионе стали понятными, когда появились недоразумения в первые месяцы 2006 г. из-за предложения расширить деятельность операции НАТО «Активные усилия» на Черном море. Турция и Россия отвергли эту идею, хотя и по разным причинам: Москва не хотела видеть расширения влияния США в Черноморском регионе, в то время как Турция официально выразила обеспокоенность по поводу сохранения правового режима черноморских

30.10.2002. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/bleksifor/1734695/ (дата обращения: 04.08.2024).

[414] Ответ официального представителя МИД России А. В. Яковенко на вопрос российских СМИ в связи с ратификацией Государственной Думой Федерального Собрания России Соглашения о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия. Министерство иностранных дел Российской Федерации. 01.11.2002. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/bleksifor/1651769/ (дата обращения: 04.08.2024).

[415] Крымов О. Операция ВМС Турции «Черноморская гармония» // Зарубежное военное обозрение. 2007, № 1. С. 49–53.

[416] Гаделия Д. Г., Ермолаев И. А., Стуруа М. Д. Антитеррористическая деятельность в Причерноморском регионе // Постсоветские исследования. 2021. № 4(6). С. 501–509.

[417] Там же.

проливов[418]. Такая позиция шла в разрез с желанием Румынии и Болгарии, двух новых членов НАТО, относительно большего натовского и американского привлечения к региональным делам.

С теоретической точки зрения этот пример демонстрирует, что национальные интересы государств преобладали над коллективными интересами и многосторонними подходами к общему благу. И Анкара, и Москва видели регион через призму реальной политики (англ. *Realpolitik*), где получение большей власти является основной целью политического действия. В такой ситуации взгляды НАТО, которые с середины 1990-х гг. проходили трансформацию от военного к политико-военному союзу, подчеркивали вопросы демократии и общих ценностей, а также коллективной обороны, что лишь частично совпадало с турецким взглядом на регион, в котором НАТО виделось полезной составляющей многостороннего механизма только когда коллективная оборона была более эффективной, чем национальная. Турецкие официальные лица, как правило, настаивают, что Черноморская безопасность должна быть обеспечена странами, имеющими выход к Черному морю. Вместо того, чтобы увеличивать присутствие НАТО, Анкара де-факто заблокировала инициативу США по расширению операции НАТО «Активные усилия» на Черноморский регион в 2006 г. и предложила расширение «Блэксифор» и операцию «Черноморская гармония», которые фактически копировали «Активные усилия», действовавшие в Средиземноморье. Россия и Турция нашли идеальный компромисс, предотвращая участие других в региональных делах. Румынское несогласие было фактически проигнорировано.

В августе 2008 г., после начала войны в Грузии Анкара не разрешила госпитальным кораблям ВМС США войти в Черное море. Исходя из этого, двусторонние отношения Турции с Соединенными Штатами переживали сильное напряжение. Анкара и Вашингтон видели друг в друге угрозу своим

[418] Гаделия Д. Г., Ермолаев И. А., Стуруа М. Д. Антитеррористическая деятельность в Причерноморском регионе.

региональным интересам, будь то на Ближнем Востоке, в восточном Средиземноморье или в Черноморском регионе.

По данным НАТО, Турция обладает самым мощным флотом на Черном море из стран-участниц. Официальная Анкара придает большое значение модернизации и наращиванию боеспособности своих военно-морских сил. В частности, в 2020 г. Турция планировала создание мощного подводного флота, который сможет контролировать всю акваторию Черного моря. Для достижения этой цели Турция выделила 2,19 миллиарда евро на финансирование программы строительства шести подводных лодок типа 214[419].

В последние годы Румыния активно выступала за дальнейшую интеграцию черноморских государств в противовес России. Стремление Румынии к координации привело к нескольким предложениям о проведении совместных военных операций, включая создание постоянного Черноморского флота, состоящего из военно-морских сил Румынии, Болгарии и Турции[420]. Военный потенциал Румынии остается слабым, поскольку страна располагает относительно скромным оборонным бюджетом и занята миссиями за пределами региона, такими как Международные силы содействия безопасности в Афганистане. Оборонный бюджет Болгарии значительно отстает от румынского, а ее вооруженные силы в отдаленном будущем столкнутся с необходимостью модернизации[421]. Учитывая низкий военно-морской потенциал Румынии и Болгарии, они нуждаются в поддержке НАТО и укреплении своей обороноспособности.

В условиях отсутствия чёткого оперативного плана НАТО делает акцент на демонстрации единства и предотвращении военной эскалации. Генеральный секретарь НАТО подчеркнул важность стратегического терпения, отмечая, что

[419] Guchua A. NATO regional approaches to missile defense – in the context of Black Sea security // Ante Portas – Security Studies. 2020. № 2(15). P. 17.
[420] Ibid.
[421] Rogan A. Black Sea Security Brief. URL: http://www.asahq.org/ata-policy-focus/blacksea-security-brief/ (дата обращения: 24.11.2022).

подобный подход уже доказал свою эффективность во времена холодной войны[422].

США, со своей стороны, разработали ряд инициатив, включая усиление военно-морского присутствия и обеспечение безопасного транзита судов через Керченский пролив. Эти меры направлены на поддержку Украины и Грузии как ключевых партнёров НАТО в регионе. В 2014 г. два американских эсминца были готовы войти в Черное море в случае ухудшения ситуации безопасности. Некоторое время они маневрировали в районе военно-морской базы Суда-бей, о. Крит, в состоянии высокой готовности к быстрому маневру через турецкие проливы.

В последние годы Альянс активизировал совместные действия на южном направлении, включая развёртывание многонациональных военно-морских группировок. Важным событием стало участие авианосца HMS Queen Elizabeth, возглавившего союзническую группу кораблей в акваториях Средиземного и Черного морей.

В июле 2020 г. министр обороны Украины А. В. Таран и генеральный секретарь НАТО Й. Столтенберг во время телефонного разговора обсудили усиление присутствия НАТО в Черноморском регионе[423]. «Стороны согласились усилить присутствие сил и средств на суше, море и в воздушном пространстве Черноморского региона путем увеличения патрулирования в воздухе и присутствия кораблей Военно-морских сил стран-членов Альянса», – говорится в сообщении на сайте Минобороны Украины[424].

Отмечается, что важным аспектом разговора А. В. Тарана и Й. Столтенберга стал обмен мнениями относительно ситуации безопасности на востоке Украины и в акватории Черного моря. Собеседники утверждали, что ситуация безопасности в

---

[422] Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the meeting of the North Atlantic Council at the level of Defence Ministers // NATO. 2017. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_141340.htm (дата обращения: 05.01.2025).

[423] Кондратенко Н. НАТО усилит патрулирование в Черноморском регионе // Deutsche Welle. 2020. URL: https://www.dw.com/uk/нато-посилить-патрулювання-в-чорноморському-регіоні/a-54115896 (дата обращения: 07.01.2025).

[424] Кондратенко Н. НАТО усилит патрулирование в Черноморском регионе.

Черном море и дальше ухудшается в связи с тем, что РФ наращивает свое военное присутствие и меняет баланс сил.

В 2021 г. особенно усилился патруль кораблей и самолетов стран НАТО в регионе. Только за январь в воды Черного моря вошли три американских корабля – эсминцы «Портер» и «Дональд Кук», а также танкер-заправщик «Ларами». Официальный представитель НАТО О. Лунгеску на этот счёт заявляла, что Черное море имеет стратегическое значение для НАТО, и в ответ на наращивание Россией военной мощи Альянс увеличил свое оборонительное присутствие в регионе[425].

Параллельно с этим ВВС Испании развернули в Румынии шесть истребителей для осуществления миссии НАТО по патрулированию воздушного пространства. Во время двухмесячного развертывания испанские самолеты дислоцируются на авиабазе «Михаил Когэлничану» на черноморском побережье Румынии[426].

Черноморский регион играет ключевую роль в системе противоракетной обороны НАТО. Одним из наиболее значимых объектов является комплекс Aegis Ashore (рус. *Эгида на суше*), расположенный в румынском Девеселу. Введенный в эксплуатацию в мае 2016 г., он оснащен 24 ракетами SM-3 Block IB и предназначен для противодействия баллистическим угрозам, исходящим из-за пределов евроатлантического пространства [427] . Несмотря на официальные заверения в том, что система не направлена против России, Москва рассматривает данный объект как фактор, угрожающий ее стратегическим интересам. Осознавая долгосрочный характер американского военного присутствия в регионе, российские власти не раз подчеркивали, что комплекс Aegis Ashore является законной целью, что усиливает региональную военную напряженность[428].

---

[425] Корабли и самолеты стран НАТО патрулируют Черное море // НАТО. 2021. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_180887.htm (дата обращения: 16.01.2025).
[426] Там же.
[427] Биткова Т. Военные базы в Румынии: перспективы расширения и развития // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2020. № 58 (74). С. 13.
[428] NATO and Russia in the Black Sea: A New Confrontation? URL: https://www.csis.org/analysis/nato-and-russia-black-sea-new-confrontation (дата обращения: 25.11.2022).

Укрепление российского военного потенциала в Крыму и усиление возможностей Черноморского флота в условиях активизации НАТО стали ответом блоку. Российское руководство вынуждено реагировать на активность и военные инициативы стран НАТО. Ярким примером стала реакция Москвы на ввод в строй комплекса Aegis Ashore в Румынии 12 мая 2016 г. Российские информационные ресурсы совершенно справедливо представили этот шаг как угрозу национальной безопасности, что послужило поводом для обсуждений возможного выхода России из Договора о ликвидации ракет средней и малой дальности. Впоследствии и Россия, и США вышли из ДРСМД, что привело к еще большей дестабилизации системы глобальной безопасности[429].

Одним из элементов стратегического сдерживания, активно продвигаемых Россией, является концепция A2/AD (англ. *Anti-Access/Area Denial*), предполагающая создание зоны, ограничивающей доступ противника к ключевым регионам[430]. Цель этой концепции – не допустить проникновение противника на театр военных действий (англ. *Anti-Access*) с помощью оружия дальнего действия и лишить его свободы действий на этом театре военных действий (англ. *Area Denial*) с помощью средств меньшей дальности. Для выполнения задач A2/AD используется весь спектр ракет, включая ракеты класса «земля–воздух», противокорабельные баллистические ракеты, крылатые ракеты, мины или беспилотные летательные аппараты[431].

После 2014 г. Россия установила в Крыму серию систем, включая С-300ПМ, С-400 «Триумф» и ракетные комплексы «Панцирь», а также «Искандер». Россия значительно усовершенствовала К-300П «Бастион-П» для усиления береговой обороны. Учитывая стратегическое расположение Крыма, в случае столкновения с силами НАТО или других видов эскалации, весьма вероятно, что полуостров станет основным театром военных действий и местом сосредоточения сил для

---

[429] Celac S., Cropsey S., Dungaciu D. Why the Black Sea Matters // New Strategy Center – Hudson Institute Center for American Seapower. 2017. P. 10.

[430] Adzinbaia Z. NATO in the Black Sea: What to Expect Next? Research Paper Research Division – NATO Defense College, Rome № 141. 2017.

[431] Smura T. Russian Anti-Access Area Denial (A2AD) capabilities – implications for NATO // Pulaski Policy Papers Komentarz Międzynarodowy Pułaskiego. Warsaw. 2016.

контроля над Черным морем и проливом Босфор[432]. В российской военной риторике данная стратегия направлена на нейтрализацию угроз со стороны НАТО. Однако независимые аналитики указывают на уязвимости российских систем ПВО, что делает их далеко не абсолютным барьером против возможных действий Альянса[433].

Важную роль в обеспечении противовоздушной и противоракетной обороны играет комплексное развертывание сил НАТО в регионе. Румыния, помимо размещения системы Aegis Ashore, модернизирует свой авиационный парк, пополняя его истребителями F-16, а также приобретает ЗРК Patriot, поставки которых планировались с 2021 г.[434] В то же время приобретение Турцией российских систем С-400 вызвало обеспокоенность среди союзников по НАТО, так как данные системы несовместимы со стандартами НАТО. Это привело к исключению Турции из программы создания истребителей F-35, однако Анкара продолжает участвовать в противоракетной системе Альянса, размещая ключевые элементы радиолокационного слежения, такие как TPY-2.

В феврале 2019 г. Москва объявила о перебазировании в Крым стратегических бомбардировщиков Ту-22М3, способных нести ЯО. Официально этот шаг объяснялся необходимостью противодействия развертыванию Aegis Ashore в Польше и Румынии[435]. В свою очередь, система Aegis Ashore, будучи частью Европейского поэтапного адаптивного подхода администрации Б. Обамы, направлена на словах на перехват ограниченного числа ракет, исходящих из Ближнего Востока. Однако реально она призвана противодействовать российским ракетным комплексам.

---

[432] Bugajski J., Doran P. B. Black Sea rising: Russia's strategy in Southeast Europe // Center for European Policy Analysis, Black Sea Strategic Report. Washington, DC. № 1. URL: http://cepa.org/sites/default/files/Black%20Sea%20Rising.pdf (дата обращения: 21.08.2025).

[433] Flanagan S. J., Chindea I. A. Russia, NATO, and Black Sea Security Strategy. URL: https://apps.dtic.mil/sti/pdfs/AD1096677.pdf (дата обращения: 27.11.2022).

[434] Минобороны Румынии сообщило о поступлении второго комплекса ЗРК Patriot на вооружение ВВС // ТАСС. 2023. URL: https://tass.ru/armiya-i-opk/16989089 (дата обращения: 21.08.2025).

[435] В Совфеде назвали причину размещения Ту-22М3 в Крыму // ТАСС. 2019. URL: https://tass.ru/politika/6230800 (дата обращения: 21.08.2025).

Дополнительным фактором дестабилизации стал выход США из Договора по открытому небу. Официальной причиной отказа Вашингтона от данного соглашения назывались «нарушения» со стороны России. Договор позволял странам-участницам осуществлять разведывательные полеты над территориями друг друга, обеспечивая прозрачность военной деятельности[436]. Выход США из соглашения стал третьим случаем разрыва крупных договоров в сфере контроля над вооружениями, после выхода из ДРСМД и отказа от Совместного всеобъемлющего плана действий по иранской ядерной программе. Это подчеркивает нарастающий кризис в международной системе контроля над вооружениями.

Черноморский регион остается зоной стратегической нестабильности. Срок действия Договора о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений (СНВ-III), заключенного в 2010 г., истекал в феврале 2021 г.[437] В связи с этим региональная безопасность Черного моря продолжала находиться под угрозой. Новая администрация США должна была определиться с подходами к контролю за вооружениями, тогда как НАТО оставалось перед задачей обеспечения безопасности своих союзников посредством усиления противоракетных и оборонительных систем.

Что касается военных баз Альянса, то после 2004 г. на территории региона НАТО поддерживает военное присутствие через базы в Болгарии, Румынии и Турции. В первых двух странах расположены базы, используемые для размещения сил и средств НАТО, включая элементы противоракетной обороны. В Турции, как давнем члене НАТО, находятся важные военные объекты, такие как авиабаза Инджирлик.

В Болгарии и Румынии расположены Многонациональные боевые группы НАТО, кроме того, в Румынии функционирует авиабаза «Михаил Когэлничану». Расположенная вблизи города Констанца, эта авиабаза служит ключевым

[436] Дюркалец Я. Европейская безопасность без ДРСМД // Весник НАТО. 2019. URL: https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2019/09/30/evropejskaya-bezopasnost-bez-drsmd/index.html (дата обращения: 21.08.2025).
[437] Кадомцев А. Конец договора СНВ – глобальные последствия // Международная жизнь. 2020. URL: https://interaffairs.ru/news/show/26920 (дата обращения: 21.08.2025).

объектом для сил НАТО в регионе. В 2022 г. началось её расширение, с целью превращения в крупнейшую базу НАТО в Европе, способную принять до 10 тысяч военных и членов их семей.

Важно отметить, что Многонациональная боевая группа НАТО «Юго-Восток» в Бухаресте была открыта в 2015 г. [438] . «Многонациональный дивизионный штаб “Юго-Восток” является важным элементом военной инфраструктуры НАТО. Сегодняшнее открытие демонстрирует, что реализация Плана действий по готовности идет по плану и в срок», – сказал генерал-майор Й. Блотц, директор отдела операций и планирования Международного военного штаба в штаб-квартире НАТО[439]. План действий по обеспечению готовности, который был одобрен на саммите в Уэльсе в 2014 г., предоставляет комплексный пакет мер по реагированию на изменившуюся обстановку безопасности на границах НАТО и за их пределами.

Что касается Турции, то тут расположены три ключевые базы Альянса: 1) авиабаза Инджирлик. Расположена в провинции Адана и используется ВВС США и другими союзниками по НАТО для различных операций в регионе; 2) военно-морская база Аксо. База ВМС Турции, расположенная на юго-западе страны, используется для размещения кораблей НАТО в рамках совместных учений и операций; 3) радарная станция в Куречике на юго-востоке Турции.

С военной точки зрения эксперты отмечают, что совокупный военно-морской потенциал таких черноморских государств, как Румыния, Болгария, Украина и Грузия, не может сравниться с возможностями российского военно-морского флота в регионе[440]. Турция, располагая второй по численности армией среди стран региона, обладает более значительным морским присутствием, однако его мощность считается недостаточной для полноценного противовеса российскому влиянию в Черном море[441].

---

[438] Multinational corps south-east. Sibiu, Romania. URL: https://mncse.ro/ (дата обращения: 20.01.2025).
[439] NATO activates new Multinational Division Southeast headquarters in Bucharest // NATO. 2025. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_125356.htm (дата обращения: 20.01.2025).
[440] Bugajski J., Doran P. B. Black Sea rising: Russia's strategy in Southeast Europe.
[441] Ibid.

Что касается Румынии и Болгарии, ключевые ограничения связаны с их относительно слабым уровнем морской обороноспособности. В частности, военно-морские силы Румынии включают в себя несколько устаревших фрегатов, поддерживаемых ограниченным числом корветов. В целом, медленный процесс модернизации военной инфраструктуры, а также недостаточная эффективность зенитных, противоракетных и противокорабельных систем стран НАТО способствуют сохранению баланса сил в регионе в контексте взаимоотношений с Россией.

2.3. Инструменты «мягкой силы» и публичная дипломатия НАТО

Концепция непрямого, «мягкого» воздействия основывается на позитивном принятии образа субъекта, которое оказывает это воздействие. По мнению американского исследователя Ф. Сейба, в мировой политике стало хорошим тоном обозначать политику «мягкой силы»[442]. К этому тренду адаптируются не только государства, но и международные организации, в частности, такой «жесткосиловой» блок как НАТО[443]. Современные международные отношения, тесно связанные с процессами глобализации и возникновением новых вызовов, требуют активного обсуждения принципов организации мировой политики. Одной из ключевых задач становится развитие механизмов публичной дипломатии, направленных на снижение вероятности силового разрешения конфликтов.

Выстраивание «мягкого» образа Альянса через средства публичной дипломатии важно для организации по двум ключевым причинам. Во-первых, это позволяет легитимизировать международную деятельность НАТО, а, во-вторых, обосновать в глазах международной общественности ключевой смысл

[442] Seib Ph. Public Diplomacy and Hard Power: The Challenges Facing NATO // The Fletcher Forum of World Affairs. 2014. № 38 (1). P. 95–100.
[443] Бахриев Б. Х., Рустамова Л. Р. «Мягкая сила» военной организации: публичная дипломатия НАТО в Центральной Азии // Вестн. Том. гос. ун-та. 2020. № 458. С. 90.

существования организации в постбиполярный период. Исходя из этого, Альянс активно использует средства публичной дипломатии, которые направлены на повышение осведомленности и формирование понимания и поддержки политики, операций и деятельности НАТО в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе[444].

Публичная дипломатия НАТО, по сравнению с другими международными организациями и военно-политическими блоками, отличается высокой степенью институализации, стратегической последовательностью, адаптивностью и цифровизацией коммуникационного контекста. Однако историческое развитие НАТО можно условно разделить на несколько этапов, каждый из которых имел свои особенности публичной дипломатии. Достаточно устоявшейся является следующая периодизация: 1) период холодной войны; 2) период непосредственно после окончания холодной войны (или «период партнерства и сотрудничества» по терминологии НАТО); 3) период глобализации (или «период новых условий безопасности после 11 сентября 2001 г.» по терминологии НАТО)[445].

В период холодной войны главными целями были укрепление внутриблокового единства и формирование образа врага в лице СССР и ОВД. Окончание холодной войны поставило публичную дипломатию НАТО перед необходимостью решения спектра ранее не встречавшихся задач. В 1991 и 1999 гг. были приняты стратегические концепции НАТО, в основе которых лежали политические и военно-стратегические установки «гибкого реагирования», дополненные с учетом изменения военно-политической обстановки после окончания холодной войны. Выполнение их проходило на фоне резкого ослабления экономического и военного потенциала России и укрепления позиций США как единственной сверхдержавы. Новыми задачами стали формирование позитивного имиджа Альянса, а также продвижение программ сотрудничества, в частности ПРМ.

---

[444] Schindler C. Proactively preserving the inward quiet: Public Diplomacy and NATO // Defence Strategic Communications. 2015. Vol 1, № 1. P. 133–146.

[445] Най Д. С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике // Новосибирск. 2006.

Перед публичной дипломатией Альянса в тот период ставились задачи создания положительного образа НАТО, разъяснения правительствам и общественным деятелям в странах регионов сути и задач каждой из инициатив с целью изменения идентичности элит в пользу евроатлантизма. Параллельно усилия направлялись на гармонизацию взглядов относительно ключевых вопросов, таких как трансформация НАТО, развитие миротворчества и урегулирование кризисов. Всячески подчеркивались невоенные аспекты деятельности Альянса[446].

Важным направлением было содействие координации дипломатических усилий между НАТО, ЕС и ОБСЕ, пропаганда «нового лица НАТО» по поддержанию мира и гуманитарного вмешательства [447] . Именно поэтому центральным пунктом стратегической концепции 1999 г. стало декларирование Альянсом «права» проводить военные операции за пределами территории государств НАТО [448] . «Право» на проведение таких операций вытекало из закрепленного в концепции нового видения Организации как хранителя международной безопасности в глобальном масштабе. НАТО фактически пересмотрела в одностороннем порядке международно-правовую систему европейской и международной безопасности, основанной на Уставе ООН и решениях ОБСЕ, и заменила её альтернативной натоцентрической системой международной безопасности[449].

После 11 сентября 2001 г. в рамках стратегии «новых условий безопасности» НАТО активно привлекала к сотрудничеству новые регионы, включая Черноморье, Кавказ и Центральную Азию. Значительное внимание уделялось укреплению связей с международными организациями, такими как ООН, ОБСЕ и ЕС. В этот период публичная дипломатия сыграла важную роль в

---

[446] Бартош А. А. Эволюция публичной дипломатии НАТО // Дипломатическая служба. 2013. № 3. С. 6–11.
[447] Там же.
[448] The Alliance's Strategic Concept, 1999.
[449] Почепцов Г. Г. Стратегічні комунікації: стратегічні комунікації в політиці, бізнесі та державному управлінні // Киев: Альтерпрес. 2008.

поддержке миротворческих миссий. Например, одной из таких была названа даже миссия в Афганистане.

К началу 2000-х в Брюсселе были созданы структуры по управлению публичной дипломатией НАТО, функции которых существенно расширялись со временем. Так, в 2004 г. появляется Управление публичной дипломатии НАТО (англ. *Public Diplomacy Division*), опирающееся на несколько институций: Центр информации и документации НАТО в Киеве, Информационное бюро в Москве, Отдел грантов и спонсорства, Контактные посольства в странах-партнерах, Мультимедийный портал и Пресс-служба Альянса [450] . Однако, публично-дипломатическая работа осуществляется не только в рамках этих институтов, а с привлечением более широкого набора механизмов.

Так, в 2004 г. был создан также Комитет публичной дипломатии (англ. *Committee on Public Diplomacy*), став преемником Комитета по информации и культурным связям. Комитет действует как консультативный орган Североатлантического совета и отвечает за планирование, реализацию и оценку стратегии публичной дипломатии НАТО. Комитет изучает состояние информированности населения государств-участников и других стран о политике Альянса и координирует усилия, направленные на создание позитивного общественного мнения. Его заседания проводятся на уровне представителей национальных делегаций с приглашением экспертов из соответствующих ведомств стран блока. Председателем комитета является помощник Генерального секретаря – начальник Управления публичной дипломатии международного секретариата НАТО[451].

В состав этой важной руководящей структуры входят: аппарат управления (Секретариат, группа советников, финансовое отделение); пресс-центр (отделы по работе с прессой и анализу сообщений СМИ); служба информации (отделы редакционный и информационных технологий); направление регионального сотрудничества (три отдела – организации мероприятий, программ

[450] Структура НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/structure.htm (дата обращения: 15.01.2025).
[451] Там же.

сотрудничества, сопровождения делегаций). Руководителю направления региональному сотрудничеству также были подчинены информационное бюро в Москве, Центр информации и документации в Киеве, информационные центры в странах НАТО и партнерских государствах.

В октябре 2021 г. Россия приостановила работу своей дипломатической миссии при НАТО. Также была приостановлена деятельность Военной миссии связи и Информационного бюро НАТО в Москве[452].

Интерес к вопросу черноморского направления публичной дипломатии НАТО появился относительно недавно. Как объект исследовательского анализа Черноморье чаще всего рассматривается совокупно с соседними регионами, например, Средиземноморьем, Балтикой или Каспием. В этом контексте важными стали результаты международной конференции «Публичная дипломатия великих и региональных держав в Средиземноморско-Черноморском регионе», организованной аналитическим центром «Большое Средиземноморье» в партнерстве с Отделом Черноморско-Средиземноморских исследований Института Европы РАН и Центром средиземноморских исследований НИУ ВШЭ[453] и, в частности, работы Е. С. Коренева[454].

Как уже отмечалось ранее, после крушения Советского Союза и ОВД в Черноморском регионе образовалась ситуация политического вакуума. Североатлантический альянс в начале 1990-х гг. стал проводить политику активной интеграции новых стран в евроатлантические институты. Задача публичной дипломатии в этот период заключалась в скорейшем формировании положительного образа НАТО в глазах населения и элит постсоциалистических

---

[452] Информационное бюро НАТО в Москве // НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/79469.htm (дата обращения: 15.01.2025).

[453] Публичная дипломатия великих и региональных держав в Средиземноморско-Черноморском регионе // Институт Европы РАН. 2022. URL: https://www.instituteofeurope.ru/nauchnaya-zhizn/novosti/item/22102022 (дата обращения: 15.01.2025).

[454] Коренев Е. С. Публичная дипломатия НАТО в Средиземноморско-Черноморском регионе // Современная Европа. 2024. № 1. С. 53–63; Коренев Е. С. Общественная дипломатия НАТО на постсоветском пространстве // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2013. № 1. С. 37–42.

стран [455], чтобы обеспечить поддержку своих действий и сохранить имидж «уникальной демократической организации» [456]. К выполнению этой задачи подключались Контактные посольства НАТО[457].

Первоначально работа Контактных посольств начиналась в тех странах, которые входили в один из форматов партнерства. Информационно-пропагандистская работа проводилась не только на уровне лиц, принимающих решение, но и с лидерами общественного мнения, а также с молодежью. Как пишет Е. С. Коренев, наиболее активную работу в Средиземноморско-Черноморском регионе вели Британия, Германия, Турция и Франция [458], а основным инструментом становились стипендии, гранты на проведение конференций и семинаров, а также возможность принять участие в научных программах Альянса. Организовывались Контактные посольства для того, чтобы действовать как канал для распространения информации об Альянсе. Важно отметить, что Контактные посольства не являются дипломатической миссией НАТО в принимающей стране.

Особое место в структуре занимают фонды и некоммерческие структуры государств-членов НАТО, среди которых Атлантический совет [459], фонд «Открытое общество»[460], Германский фонд Маршалла Соединенных Штатов в США [461] и его структурное подразделение в Румынии – Черноморский фонд

---

[455] Bezhitashvili T., Scott J. G. NATO-Russia Clash over the Pro-Western Post-Soviet Republics // Journal in Humanities. 2022. Vol. 11. № 1. URL: https://jh.ibsu.edu.ge/jms/index.php/SJH/article/view/478 (дата обращения: 09.07.2023).

[456] Антюхова Е. А. Основные направления публичной дипломатии НАТО в эпоху глобализации // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3 (72). С. 21–27.

[457] Contact Point Embassies in Partner Countries // North Atlantic Treaty Organization. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49190.htm (дата обращения: 09.07.2023).

[458] Коренев Е. С. Публичная дипломатия НАТО в Средиземноморско-Черноморском регионе. С. 53–63.

[459] Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации.

[460] Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации.

[461] Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации.

регионального сотрудничества [462], Фонд им. Конрада Аденауэра в ФРГ [463], Королевский институт международных отношений в Британии [464] [465].

В имеющихся работах российских экспертов публично-дипломатические проекты НАТО в регионе почти всегда критикуются как антироссийские, а деятельность фондов признана нежелательной на территории Российской Федерации.

Иная ситуация складывалась в Украине и Грузии, где структурные институты НАТО были представлены наиболее широко [466]. Например, ещё в 1997 г. был создан Центр информации и документации НАТО в Киеве при Киевском национальном университете им. Тараса Шевченко. С конца 1990-х гг. Центр организовал более 200 ознакомительных визитов в штаб-квартиру Альянса в Брюсселе для более чем 2000 студентов, журналистов, ученых, политиков, также было реализовано более 600 информационных проектов [467]. Не остался Центр в стороне и во время Евромайдана в 2013–2014-х гг., активно освещая события в стране в «правильном» для выполнения целей публичной дипломатии НАТО ключе. В числе иных структур можно отметить офис связи НАТО-Украина, институт евроатлантического сотрудничества, Межпарламентский совет Украина-НАТО, институт трансформации общества с собственным сетевым холдингом, вмещающим 53 информационных ресурса, общественная лига «Украина-НАТО» и др. [468] Ключевым направлением является также работа с молодежью через формат летней школы, в рамках которой реализуется программа подготовки специалистов в области евроатлантической интеграции. В Грузии в

---

[462] Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации.
[463] Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации.
[464] Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации.
[465] Коренев Е. С. Публичная дипломатия НАТО в Средиземноморско-Черноморском регионе. С. 53–63.
[466] Hlatky S. NATO's Public Diplomacy in the Grey Zone of Conflict // USC Center on Public Diplomacy. 2016. URL: https://uscpublicdiplomacy.org/blog/nato's-public-diplomacygrey-zone-conflict (дата обращения: 09.07.2023).
[467] Коренев Е. С. Публичная дипломатия НАТО в Средиземноморско-Черноморском регионе. С. 53–63.
[468] Боровська А. В. Стратегічні комунікації: досвід НАТО // Стратегічні пріоритети, 2015. № 1 (34). С. 148.

свою очередь для информирования и создания позитивного имиджа ежегодно проводятся «Дни НАТО»[469].

Одним из направлений работы стала реализация научных и образовательных программ, направленных на укрепление связей со странами-партнерами. В России и странах СНГ в число приоритетных тем были также включены исследования межнациональных, межэтнических и межконфессиональных отношений. В рамках грантовых программ НАТО в России регулярно проводился зондаж общественного мнения с целью координации мероприятий по созданию положительного имиджа Альянса. Конечная цель – изменение идентичности элит в пользу евроатлантизма[470].

Наиболее сильными сторонами публичной дипломатии Североатлантического альянса в регионе можно назвать высокую институциональность, партнёрство с политическими элитами и осознанную работу с молодой аудиторией. С 1991 г. организация чётко выстраивала систему сотрудничеств и партнерств, поддержки информационно-пропагандистской работы, которая затем стала основой для двусторонних проектов со всеми региональными игроками, часть из которых уже в начале 2000-х вступила в Альянс, а часть – осталась в тесном диалоге с кураторами и «контактными послами». Только Российская Федерация вышла из орбиты «мягкого влияния» НАТО и продолжила проводить политику в своих национальных интересах.

Кроме того, НАТО продолжает проводить медиакампании, направленные на популяризацию целей Альянса, включая демократические ценности, безопасность и интеграцию, реализовывать инициативы, как программы НАТО «Наука ради мира и безопасности».

Тем не менее, остаются существенные барьеры к тому, чтобы назвать публичную дипломатию в регионе абсолютно успешной. Сильнее всего на этот факт влияет отсутствие единого подхода среди стран-членов: разногласия между

---

[469] NATO Days in Georgia highlight public diplomacy // NATO 2018. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_155003.htm (дата обращения: 09.07.2023); NATO Days in Georgia // Report.ge. 2019. URL: https://report.ge/en/politics/nato-days-ingeorgia/ (дата обращения: 09.07.2023).

[470] Щетинин В. Д. Экономическая дипломатия // М.: Международные отношения, 2001. С. 63.

странами НАТО подрывают консолидацию усилий в Черноморском регионе. Например, с конца 1990-х гг. достаточно остро стоит вопрос турецкого лидерства в регионе, которое часто идет вразрез с официальной позицией Альянса и региональных партнеров, Румынии и Болгарии.

Ещё одной слабостью «мягкой силы» в регионе можно назвать ограниченный уровень доверия среди населения даже партнерских стран. В Болгарии и Румынии, например, часть населения скептически относится к НАТО из-за исторических и экономических факторов, которые тесно переплетаются с интересами Российской Федерации. В свою очередь усиление публичной дипломатии НАТО может восприниматься Россией как провокация, что увеличивает риск эскалации.

Наконец, политическая нестабильность, экономические трудности и коррупция в странах-партнёрах также подрывает эффективность программ НАТО.

Подводя итог второй главы, можно сделать вывод, что сотрудничество со странами региона, в особенности с государствами, не входящими в Альянс, осуществляется через механизмы партнерства. Ключевыми структурами в этом контексте выступали ССАС и СЕАП, которые обеспечивают диалог и обмен опытом. Кроме того, важное место занимает программа ПРМ, которая с 1994 г. служит инструментом вовлечения стран Восточной Европы и постсоветского пространства в евроатлантическую систему безопасности. Программа предполагает проведение совместных учений, согласование военных стандартов и политический диалог, что в перспективе может способствовать интеграции государств-участников в Альянс.

Военное присутствие НАТО в Черноморском регионе является еще одним важным аспектом его стратегии. Оно включает в себя использование военных баз, военные маневры и учения в регионе, которые особенно активизировались после 2014 г., а также расширение сотрудничества с Украиной и Грузией. Несмотря на то, что совокупный военно-морской потенциал таких стран, как Румыния, Болгария, Украина и Грузия, уступает российскому, НАТО стремится укрепить их

обороноспособность, обеспечивая поставки вооружений и проводя военные консультации.

Третье направление Черноморского вектора политики НАТО – применение «мягкой силы» и публичной дипломатии. Альянс стремится сформировать положительный образ среди стран Черноморья, обосновать свою роль как гаранта стабильности и безопасности. Публичная дипломатия и информационная политика направлены на укрепление связей с гражданским обществом, продвижение демократических ценностей и нивелирование негативного восприятия расширения НАТО. В условиях возросшего противостояния с Россией эти механизмы приобретают особую значимость, поскольку позволяют Альянсу легитимизировать свою активность и убедить страны-партнеры в необходимости углубления сотрудничества.

Таким образом, НАТО использует комплексный подход в Черноморском регионе, сочетая дипломатические инструменты, программы партнерства, наращивание военного присутствия и активную информационную политику. Эта стратегия направлена на обеспечение устойчивого влияния Альянса и поддержание контроля над региональной безопасностью в условиях меняющейся геополитической ситуации.

Политика НАТО в Черноморском регионе не формировалась изолированно, без учета глобальных и региональных процессов, происходивших в период с 1991 по 2021 г. Она развивалась в контексте меняющейся геополитической обстановки, что обусловило необходимость периодизации её эволюции. Анализируя эти этапы, можно выделить несколько ключевых периодов, каждый из которых характеризуется специфическими особенностями и стратегическими приоритетами:

1. 1991–1994 гг. Первый период после распада Советского Союза и ОВД, особенностью которого можно назвать формирование новой политической карты и геополитического баланса в регионе. Параллельно с этим НАТО формулирует новые принципы своей политики, утверждая идею преобразования НАТО из орудия холодной войны в инструмент мира и согласия на континенте.

Альянс сохраняется как один из важных элементов новой европейской системы безопасности, а НАТО начинает взаимодействие с новообразовавшимися государствами Черноморского региона и реализацию первых программ партнерства.

2. 1995–2007 гг. Этап расширения Альянса на восток и интеграции Болгарии и Румынии, углубления сотрудничества с государствами-партнерами в Черноморском регионе, в том числе с Украиной, Грузией и Российской Федерацией. Период характеризуется интенсивной работой по установлению тесных отношений со странами, поддержке реформ в области обороны и безопасности, созданию позитивного имиджа организации и обоснованию необходимости миротворческих миссий.

3. 2008–2013 гг. Этап внутренних кризисов и конфликтов в регионе. Ключевым событием стал конфликт в Южной Осетии и последующая война в Грузии; также усилились противоречия в Украине. События этого периода повлияли на пересмотр стратегии НАТО в регионе и привели к изменениям в подходе к безопасности в Черноморье.

4. 2014–2022 гг. Период после воссоединения Крыма с Россией и вспышки конфликта на востоке Украины. НАТО сосредоточило усилия на поддержке украинской и грузинской армий, укреплении военного присутствия в регионе и демонстрации солидарности с союзниками и партнерами. Усиление своего присутствия и военного потенциала в Черноморском регионе становится приоритетной задачей для сил Альянса.

Данная периодизация демонстрирует, что политика Альянса, уровень его интереса к Черноморскому региону и выбираемые механизмы влияния варьировались на протяжении всего исследуемого периода. В зависимости от внешних условий и изменения геополитического баланса НАТО адаптировало свои инструменты. В начальных этапах преобладали механизмы сотрудничества, диалога и использования «мягкой силы», тогда как применение «жесткой силы» стало проявляться лишь с углублением противоречий с Российской Федерацией.

ГЛАВА 3. ОСОБЕННОСТИ ОТНОШЕНИЙ НАТО С КЛЮЧЕВЫМИ СТРАНАМИ ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА

3.1. НАТО и Грузия

С географической точки зрения, Черное море является единственной точкой соприкосновения Грузии с евроатлантическим пространством, интеграция в которое является непоколебимой, заявленной внешней целью Грузии[471]. Кроме того, безопасность Черноморского региона оказывает особенно чувствительное влияние на торговые, транзитные и экономические возможности Грузии. После того, как страна выразила желание присоединиться к проекту «Шелковый путь» и стать своего рода «транзитным хабом»[472], безопасность Черного моря стала еще большим приоритетом для страны.

Сразу после обретения независимости Грузия выбрала западный курс и выразила желание сотрудничать с Евросоюзом и Североатлантическим альянсом, однако крайне сложная экономическая и политическая ситуация в стране, территориальные конфликты и война 2008 г. препятствовали реализации этой стратегии. В результате, процесс интеграции Грузии протекал не так быстро, как, например, в случае со странами Балтии.

Целью внешней политики Грузии, как сказано на официальных ресурсах правительства, является создание безопасной, демократической и стабильной среды [473] . Для достижения вышеупомянутого интеграция в европейские и евроатлантические структуры была определена как главный приоритет внешней политики и политики безопасности Грузии. В официальной Концепции национальной безопасности Грузии, принятой в 2005 г., сказано: «Грузия рассматривает НАТО как организацию коллективной безопасности, которая

[471] Zakaradze E., Muradishvili K. The Black Sea – the Geopolitical Springboard of the Region // European Scientific Journal, ESJ. 2022. № 9. P. 58.
[472] Ibid. P. 59.
[473] История сотрудничества НАТО-Грузия. Информационный центр по НАТО и ЕС. URL: https://infocenter.gov.ge/nato-georgia/nato-georgia-history/ (дата обращения: 24.01.2025).

является на североатлантическом пространстве важнейшим механизмом обеспечения безопасности и стабильности… Членство в НАТО даст Грузии не только беспрецедентные гарантии военной и политической безопасности, но и возможность внести свой вклад в укрепление безопасности Европы, особенно Черноморского региона»[474].

Сотрудничество между НАТО и Грузией берет свое начало в 1992 г., когда Грузия вступила в ССАС. 30 мая 1997 г. этот орган был преобразован в СЕАП, где Грузия продолжила активное участие и стала одной из стран-учредителей. Указанный формат предоставил странам-членам и партнерам возможность обсуждать широкий спектр актуальных вопросов, связанных с безопасностью и сотрудничеством[475].

23 марта 1994 г. Грузия присоединилась к программе НАТО ПРМ[476]. Как говорилось ранее, эта инициатива была нацелена на развитие взаимодействия между странами-членами и партнерами Альянса через проведение совместных военных и командно-штабных учений. В рамках данной программы Грузия регулярно участвует в конференциях и семинарах, посвященных современным вызовам в сфере безопасности. Генеральный секретарь НАТО М. Вернер и министр иностранных дел Грузии А. Чикваидзе в совместном заявлении особо выделили свою общую цель: «Превратим Грузию в оплот трансатлантической безопасности»[477]. С 1995 г. начинается сотрудничество в области образования. В Школе НАТО (Германия) и Оборонном колледже НАТО (Италия) начинаются стажировки грузинских специалистов, которые стали ежегодными[478].

В марте 2001 г. была введена практика регулярных политических консультаций с международной службой НАТО. Эти консультации в основном

---

[474] Концепция национальной безопасности Грузии (2005 г). URL: https://civil.ge/ru/archives/178711 (дата обращения: 27.05.2023).
[475] Отношения Грузии с НАТО // Министерство иностранных дел Грузии. URL: https://mfa.gov.ge/ka/nato/232016-saqartvelo-nato-s-urtiertobebi (дата обращения: 23.01.2025).
[476] Семенов В. С. Проблема интеграции Грузии в НАТО // Известия тульского государственного университета. Гуманитарные науки. № 3. 2012. С. 160–170.
[477] Гудиашвили Д. Интеграция в структуры НАТО – внешнеполитический приоритет Грузии // CA&CC Press: Sweden. 2003. № 4(28).
[478] Там же.

проводились на уровне заместителя министра иностранных дел со стороны Грузии и на уровне главы политического управления со стороны НАТО. Регулярные встречи на высоком уровне по вопросам контроля над вооружениями и разоружения проводились в формате 26+1, то есть 26 стран-членов НАТО и Грузия[479].

Ключевым моментом для отношений НАТО–Грузия стал Пражский саммит, который проходил 21–22 ноября 2002 г. На саммите президент Грузии Э. А. Шеварднадзе впервые озвучил желание страны вступить в НАТО и участвовать в новом индивидуальном плане партнерства[480]. С этого начался процесс интеграции страны в структуры Альянса. Через месяц после саммита Совет национальной безопасности Грузии утвердил «Государственную программу евроатлантической интеграции Грузии». Программа состояла из пяти основных частей: 1) политические и экономические вопросы; 2) оборона и военные вопросы; 3) вопросы ресурсного обеспечения; 4) вопросы безопасности; 5) юридические вопросы[481]. 27 мая 2003 г. в соответствии с указом президента Грузии № 235 был создан Национальный координационный совет евроатлантической интеграции с целью усиления скоординированных действий и усилий государственных структур в процессе интеграции Грузии в НАТО. Совет возглавил президент Грузии Э. А. Шеварнадзе[482]. В конце года Грузия разработала проект документа с планом индивидуального партнерства.

С 2004 г. отношения между НАТО и Грузией приобрели более интенсивный характер, что связано с приходом к власти администрации М. Н. Саакашвили. В 2004 г. Грузия стала первой страной, разработавшей с НАТО план

---

[479] Гудиашвили Д. Интеграция в структуры НАТО – внешнеполитический приоритет Грузии // CA&CC Press: Sweden. 2003. № 4(28).

[480] Эдуард Шеварднадзе подтвердил намерение Грузии вступить в НАТО // Первый канал. 2002. URL: https://www.1tv.ru/news/2002-11-06/259485-eduard_shevardnadze_podtverdil_namerenie_gruzii_vstupit_v_nato (дата обращения: 16.04.2023).

[481] НАТО // Министерство иностранных дел Грузии. URL: https://mfa.gov.ge/nato (дата обращения: 24.01.2025).

[482] Там же.

индивидуального партнерства [483], который, однако, не являлся механизмом вступления в Альянс, но с точки зрения успеха проводимых в стране реформ сотрудничество с Альянсом в рамках плана приобрело большое значение. Документ предусматривал реализацию реформ в ряде областей и требовал единых и скоординированных усилий правительства Грузии для их эффективной реализации. За ежегодную оценку эффективности плана отвечала Международная служба НАТО. Всего за 2004–2008 гг. Грузия получила 5 оценок: 4 официальных и 1 неофициальную, но все они были положительными[484].

В 2006 г. парламент Грузии проголосовал за вступление страны в НАТО. Чтобы приблизить страну к стандартам Альянса, 21 сентября 2006 г. НАТО начал сотрудничество с Грузией в рамках «Интенсивного диалога по вопросам членства» [485]. Этот шаг ознаменовал переход Грузии от статуса партнера к статусу страны-кандидата на членство в Альянсе.

Интенсивный диалог стал механизмом совместного сотрудничества НАТО и Грузии и подготовительным этапом, который должен был помочь Грузии лучше понять критерии, необходимые для вступления в Альянс. В формате Диалога были проведены консультации между НАТО и Грузией по политическим вопросам, безопасности, мирному разрешению конфликтов, обороне, гражданскому чрезвычайному планированию, экономическим, научным, образовательным и другим вопросам.

Результатом успешной реализации обязательств Грузией в рамках плана и достижения прогресса в сотрудничестве стало принятие на Бухарестском саммите НАТО 3 апреля 2008 г. декларации, в которой зафиксировано, что «Грузия станет членом НАТО» [486]. Данное заявление стало важным политическим сигналом,

---

[483] Individual Partnership Action Plans // NATO. 2024. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49290.htm (дата обращения: 23.01.2025).
[484] Ibid.
[485] НАТО // Министерство иностранных дел Грузии.
[486] Bucharest Summit Declaration, 2008.

свидетельствующим о поддержке процесса интеграции Грузии в Альянс. Дальнейшее взаимодействие двух сторон стало ещё более интенсивным[487].

После войны в Грузии в августе 2008 г. НАТО выразило однозначную политическую поддержку Грузии и осудило действия России, подтвердив приверженность территориальной целостности и суверенитету страны. Более того, Альянс выразил готовность помочь Грузии в восстановлении ряда территорий и было решено создать Комиссию НАТО–Грузия, которая является своеобразным механизмом реализации решений Бухарестского саммита. Стоит отметить, что Альянс опасался помогать Грузии во время войны 2008 г., и не принимал активного участия по решению абхазской и осетинской проблем.

По следам конфликта, в сентябре того же года в результате двухдневного визита Североатлантического совета в Грузию, 15–17 сентября 2008 г., был подписан рамочный документ о создании Комиссии НАТО–Грузия[488]. Первое заседание комиссии состоялось 15 сентября[489]. Комиссия представляет собой политический консультативный форум и механизм практического сотрудничества, цель которого – помочь Грузии вступить в НАТО.

2–3 декабря 2008 г. министры иностранных дел стран-членов НАТО приняли решение продолжить сотрудничество в рамках Комиссии в формате ежегодной национальной программы[490]. Программа является механизмом политического сотрудничества между странами, находящимися на этапе «Плана действий по подготовке к членству», и Альянсом и представляет собой подробный перечень реформ и различных мер, запланированных грузинской стороной на один год, основная цель которых – приблизить страну к евроатлантическим стандартам. Альянс ежегодно оценивает реализацию

---

[487] Relations with Georgia. 07.03.2024. URL: https://www.nato.int/cps/on/natohq/topics_38988.htm (дата обращения: 24.01.2025).

[488] Рамочный документ о создании комиссии НАТО-Грузия. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/news_46406.htm (дата обращения: 01.03.2025).

[489] NATO-Georgia Commission. URL: https://infocenter.gov.ge/nato/connection-tools/nato-saqarthvelos-komisia/ (дата обращения: 01.03.2025).

[490] Annual National Programme. URL: https://infocenter.gov.ge/en/nato-en/connection-tools-en/annual-national-programme/ (дата обращения: 01.03.2025).

программы и обсуждает результаты вместе с грузинской стороной[491]. На этой же встрече министров иностранных дел союзники договорились о расширении полномочий Комиссии. В частности, было решено, что она будет выполнять три ключевые функции: отслеживать выполнение Грузией обязательств, согласованных на Бухарестском саммите; обеспечивать политический диалог между НАТО и Грузией на различных уровнях, а также служить практическим инструментом для координации взаимодействия[492].

После первого визита в сентябре 2008 г. состоялись ещё четыре визита Североатлантического совета – в 2011, 2013, 2016 и 2019 гг.

Тематические консультации внутри Комиссии НАТО–Грузия проводятся регулярно на всех рабочих уровнях. Работа Комиссии включает проведение до 10 заседаний ежегодно, в ходе которых обсуждаются важнейшие вопросы, включая реформы в сфере обороны и безопасности, укрепление верховенства права, соблюдение прав человека, а также мониторинг ситуации на спорных территориях Грузии.

Следует отметить, что исходя из практики расширения НАТО, ежегодная национальная программа реализуется только странами, включенными в «План действий по подготовке к членству», поэтому пример Грузии можно считать беспрецедентным. К 2020 г., Грузия завершила XI цикл ежегодной национальной программы. Все оценки, которые проводятся ежегодно и тщательно контролируются Альянсом, были положительными[493].

Темы, связанные с интеграцией Грузии в Альянс, постоянно обсуждаются в рамках саммитов НАТО и министерских встреч и находят отражение в соответствующих документах. Важное значение имело совместное заявление, полученное впервые в истории отношений Альянса и Грузии на заседании Комиссии НАТО–Грузия, состоявшемся 15 апреля 2011 г. в Берлине на уровне министров иностранных дел. Было заявлено о поддержке суверенитета и территориальной целостности Грузии. В декабре того же года страна была

[491] Annual National Programme.
[492] Bucharest Summit Declaration, 2008.
[493] Annual National Programme.

официально признана кандидатом наряду с Черногорией, Боснией и Герцеговиной, а также Северной Македонией[494].

На саммите в Чикаго в 2012 г. союзники подтвердили стремление интегрировать Грузию в Альянс[495], а в Уэльсе в 2014 г. приняли решение о создании «Существенного пакета НАТО–Грузия», направленного на подготовку страны к членству[496]. В реализации необходимого пакета участвовали все члены НАТО и две страны-партнера – Швеция и Финляндия. Следует отметить, что в декабре 2020 г. министры иностранных дел стран НАТО утвердили обновленный «Существенный пакет» для Грузии, который содержит важные элементы для дальнейшего укрепления обороноспособности страны.

В декларации саммита в Уэльсе отмечается, что НАТО и Грузия уже имеют необходимые механизмы взаимодействия, которые приведут страну к конечной цели – членству в Альянсе. Союзники еще раз подтвердили твердую и непоколебимую поддержку НАТО территориальной целостности Грузии и политики непризнания спорных регионов, а также выразили обеспокоенность по поводу «игнорирования Россией основных норм международного права, нарушения механизмов европейской безопасности, невыполнения обязательств»[497].

На саммите в Уэльсе Грузия была приглашена в «Инициативу по совместимости партнерства» и «Группу усиленного потенциала»[498].

«Существенный пакет НАТО–Грузия» включает инициативы, такие как открытие в 2015 г. Совместного учебно-оценочного центра НАТО–Грузия, создание в 2016 г. Школы оборонного строительства и дальнейшее развитие направлений военной медицины, стандартизации, кодификации и языковой подготовки в 2020 г.

---

[494] Chicago Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2012. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_87593.htm (дата обращения: 11.12.2022).
[495] Ibid.
[496] Wales Summit Declaration, 2014.
[497] Ibid.
[498] Ibid.

В 2016 г. на Варшавском саммите были приняты важнейшие решения относительно предоставления Грузии дополнительной помощи НАТО в сфере обороны. Был усилен пакет НАТО–Грузия и приняты новые инициативы. На саммите было решено, что НАТО приступит к активному укреплению безопасности Черного моря, а Грузия будет вовлечена в этот процесс и примет участие в стратегическом диалоге, связанном с безопасностью Черного моря[499].

Саммит НАТО в Брюсселе в 2018 г. стал первым случаем, когда главы государств-членов встретились на самом высоком уровне для обсуждения вопросов, конкретно касающихся Грузии. На саммите была принята декларация Комиссии НАТО–Грузия, что также является беспрецедентным случаем, поскольку это первая в истории отношений НАТО–Грузия декларация на уровне глав государств. На саммите Грузия получила конкретные и важные практические результаты в плане совместных действий, направленных на укрепление безопасности Черного моря с Альянсом, что представляет собой новое направление практического сотрудничества[500].

Военное сотрудничество также являлось значительной составляющей взаимодействия. Грузия, несмотря на отсутствие членства в НАТО, активно участвовали в ряде операций блока. В 1999 г. грузинские миротворцы вошли в состав сил KFOR в Косово[501], а с 2004 г. Грузия присоединилась к деятельности Международных сил содействия безопасности в Афганистане. С 2015 по 2021 гг. Грузия участвовала в миссии НАТО «Решительная поддержка» в Афганистане. С 2015 г. Грузия также присоединилась к Силам быстрого реагирования НАТО. Следует отметить, что в проводимых операциях под эгидой НАТО с 2004 по 2021 г. приняли участие более 22 тысяч грузинских военнослужащих. В Афганистане погибли 32 грузинских военнослужащих[502].

---

[499] Warsaw Summit Communiqué, 2016.

[500] Brussels Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2018. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (дата обращения: 11.12.2022).

[501] Оганесян Г. Грузия и НАТО // 21-й век. 2010. № 4 (16) С. 109–121. URL: http://www.noravank.am/upload/pdf/_8.Gor%20Hovhannesyan.pdf (дата обращения: 15.04.2023).

[502] НАТО // Министерство иностранных дел Грузии.

В апреле 2021 г., после того как союзники решили завершить действующую миссию «Решительная поддержка» в Афганистане, начался процесс вывода коалиционных войск из Афганистана. Грузия, как партнер Альянса и потенциальная страна-член, оказала Альянсу значительную логистическую поддержку для вывода коалиционных войск. В этом процессе активно использовались Тбилисский международный аэропорт и соответствующая инфраструктура[503].

Грузия также участвовала в продолжающейся антитеррористической операции «Активные усилия» на Средиземном море, которая была инициирована на основании пятой статьи Североатлантического договора после террористических актов, совершенных 11 сентября 2001 г.[504]

Военное сотрудничество НАТО–Грузия подтверждено пятикратными визитами Военного комитета НАТО в Грузию: 1) 11–12 февраля 2014 г.; 2) 2–3 марта 2017 г.; 3) 27–28 марта 2019 г.; 4) 7–8 октября 2021 г.; и 5) 9–10 ноября 2023 г. и военными учениями.

11–23 июня 2001 г. в городе Поти прошли масштабные и многонациональные военные учения НАТО и стран-партнеров Cooperative Best Effort. Через год, 17–28 июня 2002 г., совместные учения прошли уже в Тбилиси[505].

Сотрудничество в области безопасности Грузии в Черноморском регионе до 2014 г. включало участие в совместных с США и НАТО военно-морских учениях, Черноморской группе военно-морского сотрудничества «Блэксифор» и операции «Черноморская гармония» на уровне обмена информацией.

С 2015 г. ежегодно проводятся учения Командования США в Европе Noble Partner, целью которых является улучшение совместимости с Силами быстрого реагирования НАТО в Черноморском регионе. Если в 2015 г. в них принимало участие 600 военнослужащих из Грузии и США, то в июле 2017 эти учения проводились уже на территории 7 стран и в них было задействовано 5 тыс.

[503] НАТО // Министерство иностранных дел Грузии.
[504] Там же.
[505] Там же.

военнослужащих, в том числе 1 пехотная рота и один взвод Вооруженных Сил Грузии. Это были крупнейшие военные учения, когда-либо проводившиеся на территории закавказской республики[506].

В Грузии ежегодно проводятся учения Agile Spirit. Они также начинались как грузино-американские, но затем перешли под эгиду НАТО. Всего в 2016 г. совместные учения проводились в Грузии три раза, что не могло не вызвать болезненную реакцию Москвы[507].

В 2016 г. руководство Грузии приняло решение постепенно сформировать стандартизированные с НАТО атрибуты и механизмы национальной безопасности на море и активизировать сотрудничество с Альянсом в этой сфере. В сентябре 2016 г. Грузия создала Объединенный центр морских операций (англ. *Joint Maritime Operations Center*) в роли национального морского аналитического центра и средства улучшения морской ситуационной осведомленности. Центр был создан на базе Департамента береговой охраны Пограничной полиции МВД под эгидой Программы США по экспортному контролю и безопасности границ и объединяет различные государственные ведомства, координируемые Министерством внутренних дел[508].

Основной задачей Центра является формирование и поддержание системы морской ситуационной осведомлённости в режиме реального времени в пределах морского пространства Грузии. Центр функционирует как комплексный механизм, обеспечивающий создание единой оперативной картины морской обстановки, выявление и предотвращение противоправной деятельности, содействие проведению поисково-спасательных операций, охрану морской среды и координацию действий при чрезвычайных ситуациях природного характера[509].

---

[506] В Грузии начинаются учения НАТО «Достойный партнер – 2017» // Независимая газета. 2017.

[507] Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с военными учениями НАТО – Грузия. МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/ge/1538169/ (дата обращения: 01.03.2025).

[508] Coast guard // Ministry of Internal Affairs. Border Police of Georgia. URL: https://bpg.gov.ge/en/page/border-police/coast-guards (дата обращения: 01.03.2025).

[509] Ibid.

В структурном отношении Центр представляет собой интегрированную систему управления, контроля и связи, включающую сенсорные технологии морского наблюдения, электронные базы данных и специализированную инфраструктуру, предназначенную для эффективного обмена информацией и оперативного реагирования на возникающие угрозы в акватории.

В 2017 г. Грузия официально заявила о намерении увеличить свой вклад в морские операции под руководством НАТО, а также приступила к подготовке и сертификации подразделений Береговой охраны в соответствии с концепцией оценки оперативных возможностей Альянса. В рамках программ военно-технической помощи Соединённые Штаты Америки передали Грузии два патрульных катера класса «Айленд», экипажи которых прошли курс специальной морской подготовки и обучения. В 2020 г. данные суда были включены в перечень сил, привлекаемых к операциям НАТО[510].

Кроме того, в рамках реализации «Существенного пакета НАТО–Грузия» государства-члены Альянса оказывают Тбилиси поддержку в обеспечении безопасности морских гаваней и береговой инфраструктуры. Существенно возросло количество визитов кораблей стран НАТО в грузинские порты, что свидетельствует о постепенном углублении военно-морского взаимодействия и повышении уровня интеграции Грузии в евроатлантическую систему безопасности[511]

Грузинские исследователи отмечают, что путь европейской и евроатлантической интеграции, наряду с мирной деоккупацией и разрешением конфликтов при активном участии международного сообщества, не имеет альтернативы для Грузии[512]. Иными словами, полноправное членство в НАТО считается наиболее подходящим ответом на политические и экономические вызовы, стоящие перед страной. Также отмечается, что нынешняя стратегия НАТО в области обороны и быстрого реагирования не может ответить на вызовы

[510] Iskandarov K., Simons G., Gawliczek P. The South Caucasus: Stage for a ‘New Great Game’ between NATO and Russia? // The Quarterly Journal. 2019. Vol. 18, № 3–4. P. 7–34.
[511] Ibid.
[512] Zakaradze E., Muradishvili K. The Black Sea – the Geopolitical Springboard of the Region // European Scientific Journal, ESJ. 2022. № 9. P. 60.

безопасности в Черном море, именно поэтому грузинские исследователи говорят о необходимости создания нового объединенного командования, которое бы сочетало в себе сухопутный, морской и воздушный компоненты. Помимо черноморских стран, к участию грузинские исследователи считают необходимым подключить и другие страны, а силы, средства и базы предлагается перераспределить по периметру Черного моря с целью контроля над акваторией[513].

Стратегическое видение Грузии в области безопасности в Черноморском регионе определяется её стремлением укреплять статус надёжного партнёра НАТО, углублять евроатлантическую интеграцию и развивать стратегическое партнёрство с США. Потенциально украинская и грузинская позиции имеют объективное сходство. Оба государства считают себя пострадавшими от российской политики и рассчитывают на поддержку США, а также на перспективу участия в НАТО[514].

По мнению С. Ларраби и ряда других ученых, главным препятствием для членства Грузии в НАТО является существование «тлеющих» конфликтов с отколовшимися регионами Абхазией и Южной Осетией, которые провозгласили свою независимость от Грузии в начале 1990-х гг.[515]. Многие европейские члены НАТО опасаются, что эти споры могут втянуть НАТО в конфликт с Россией, если Грузия станет членом Североатлантического союза.

3.2. НАТО и Украина

Официальные отношения Украины с Альянсом начались 10 марта 1992 г., когда независимая Украина стала участницей ССАС. Уже в 1994 г. страна

[513] Zakaradze E., Muradishvili K. The Black Sea – the Geopolitical Springboard of the. P. 60.
[514] Stroinski P. The Shifting Geography of the South Caucasus. Carnegie Endowment for International Peace. 2022. URL: https://carnegieendowment.org/2021/06/23/shifting-geography-of-southcauca-sus-pub-84814 (дата обращения: 7.10.2023).
[515] Larrabee F. S. NATO and Black Sea Security. P. 277–293.

присоединилась к программе ПРМ[516]. Одним из значимых событий в этом сотрудничестве стали многонациональные учения «Щит мира», проведённые в 1995 г. на Яворовском полигоне во Львовской области. Эти учения, в которых украинские военнослужащие впервые столкнулись со стандартами НАТО, продемонстрировали растущее взаимодействие Украины с Альянсом[517]. Одними из первых международных военных учений на территории Украины были украинско-американское военно-морское обучение серии Sea Breeze, о котором подробно говорилось в предыдущей главе, и трехстороннее украинско-польско-британское тактическое обучение аэромобильных подразделений «Казацкая степь». Впоследствии Украина активно участвовала в различных инициативах и миссиях НАТО. Например, в операциях на Балканах, в частности в Боснии и Герцеговине, а также в миссии KFOR в Косово. С 2003 г. украинский контингент был задействован в коалиционных операциях в Ираке, а в 2007 г. участвовал в миссии ISAF в Афганистане, предоставляя транзитные коридоры, медицинский персонал и инструкторов[518].

В 2005 г. Украина стала частью операции НАТО «Активные усилия» и с 2007 г. украинские корабли шесть раз участвовали в миссии, также совместно с отдельными членами НАТО Украина реализовала проекты «Блэксифор» и «Черноморская гармония». Кроме того, в 2013 г. фрегат ВМС Украины был задействован в операции «Океанский щит», сосредоточенной на борьбе с пиратством у побережья Сомали[519]. С 2016 г. Украина предоставляет НАТО информацию для повышения осведомлённости о ситуации в Черноморском регионе.

---

[516] Хронологія відносин Україна-НАТО. URL: https://ukraine-nato.mfa.gov.ua/ua/ukrainenato/relations (дата обращения: 09.01.2023).

[517] Лавренюк П. Україна–НАТО: особливе партнерство в особливий період. URL: https://www.ukrinform.ua/rubric-polytics/2261180-ukrainanato-osoblive-partnerstvo-vosoblivij-period.html (дата обращения: 09.01.2023).

[518] Брежнєва Т. В. Україна-НАТО: безпека через партнерство та співробітництво.

[519] Три дні фрегату «Гетьман Сагайдачний» в операції НАТО «Океанський щит». URL: https://navy.mil.gov.ua/elementy-operatsij-nato-okeanskyj-shhyt-ta-yes-atalanta/ (дата обращения: 09.01.2023).

Сотрудничество Украины и НАТО охватывает широкий спектр направлений: операции по поддержанию мира, реформы в сфере безопасности и обороны, развитие оборонных технологий, повышение оперативной совместимости, модернизацию оборонной промышленности и укрепление гражданского общества. Особое внимание уделяется научным исследованиям, экологическим проектам и общественной дипломатии [520]. С ухудшением российско-украинских отношений взаимодействие Украины с НАТО стало ещё более интенсивным, что, по мнению украинских политиков, должно способствовать укреплению безопасности страны.

Подписание 9 июля 1997 г. в Мадриде Хартии об особом партнерстве между Украиной и НАТО стало ключевым этапом в развитии их взаимоотношений[521]. Документ, подписанный президентом Украины Л. Д. Кучмой и лидерами государств-членов Альянса, предусматривал создание «особого и эффективного» партнерства, нацеленного на укрепление стабильности и продвижение демократических ценностей в Центрально-Восточной Европе. Закрепленные в Хартии механизмы взаимодействия между Киевом и Брюсселем в значительной мере затрагивали военную сферу[522].

Одним из важнейших достижений Хартии стало учреждение консультативного механизма Комиссии Украина–НАТО, позволившего украинской стороне инициировать консультации с Альянсом при возникновении внешних угроз. Документ предусматривал, что Североатлантический совет должен собираться не менее двух раз в год для мониторинга выполнения Хартии [523]. Украина стала первой страной Центрально-Восточной Европы, получившей подобный формат взаимодействия с НАТО. В дальнейшем практика регулярных встреч министров обороны и иностранных дел Украины с

[520] Хронологія відносин Україна-НАТО.
[521] Тодоров І. Історичні, геополітичні та політико-правові засади співробітництва України та НАТО // Незалежний культурологічний часопис «Ї». URL: https://www.ji.lviv.ua/n77texts/Zasady_spivrobitnyctva.htm (дата обращения: 09.01.2023).
[522] Там же.
[523] Хартия об особом партнерстве между Организацией Североатлантического договора и Украиной // NATO. 1997. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25457.htm (дата обращения: 24.08.2025).

представителями стран Альянса способствовала углублению диалога и модернизации системы взаимодействия.

Хартия также зафиксировала намерение сторон создать кризисный консультативный механизм для обсуждения угроз, затрагивающих территориальную целостность, политическую независимость и безопасность Украины. В документе подчеркивалось, что союзники по НАТО продолжат поддерживать украинский суверенитет, нерушимость границ, а также безъядерный статус страны. В дополнение к этому, гарантии безопасности были подтверждены пятью ядерными державами – участниками ДНЯО [524]. Таким образом, Украина получила политическую и дипломатическую поддержку со стороны крупнейшего военно-политического блока, что имело значительное психологическое и символическое значение.

Несмотря на это, Хартия не предполагала автоматического предоставления Украине коллективных гарантий безопасности, ограничиваясь лишь обязательствами проводить консультации в случае возникновения внешней агрессии[525]. Однако тот факт, что соглашение было подписано лидерами ведущих государств мира, снижал вероятность его игнорирования в условиях международного кризиса.

Положения Хартии также способствовали формированию благоприятного политического климата на западных рубежах Украины, обеспечивая поддержку ее курса на интеграцию в европейские и трансатлантические структуры. Документ предусматривал проведение совместных консультаций по вопросам евроатлантической безопасности, кризисного регулирования, миротворческих миссий и гуманитарных операций [526]. Подписание Хартии имело ряд положительных военно-политических последствий: НАТО официально признала стратегический вектор Украины на интеграцию в евроатлантическое пространство, страна была окончательно включена в регион Центрально-

[524] Хартия об особом партнерстве между Организацией Североатлантического договора и Украиной.
[525] Там же.
[526] Там же.

Восточной Европы, а ее вооруженные силы получили дополнительные стимулы для реформирования по стандартам Альянса.

Стратегическая концепция Альянса, утвержденная главами государств и правительств в 1999 г., в статье 37 закрепляет: «Украина занимает особое место в обстановке безопасности в Евроатлантическом регионе и является важным и ценным партнером в деле защиты стабильности и общих демократических ценностей. НАТО твердо придерживается линии на дальнейшее укрепление особых отношений партнерства с Украиной на основе Хартии НАТО–Украина, включая политические консультации по вопросам, представляющим предмет озабоченности для обеих сторон, и по широкому кругу вопросов, касающихся практических аспектов сотрудничества. Североатлантический совет продолжает поддерживать суверенитет и независимость Украины, ее территориальную целостность, демократическое развитие, экономическое процветание, и ее статус государства, не обладающего ядерным оружием, которые являются ключевыми факторами стабильности и безопасности Центральной и Восточной Европы и Европы в целом»[527]. В документах Пражского саммита НАТО Украина тоже не была забыта: «Мы приняли во внимание стремление Украины следовать курсу полной евроатлантической интеграции и призываем Украину воплощать все необходимые для этого реформы, чтобы достичь этой цели»[528].

До 2004 г. ключевой темой для Украины было получение сигналов относительно процедур и сроков вступления. Определение конкретных дат подтвердило бы намерения НАТО и позволило Украине изменить свой военно-политический статус. При этом де факто умышленно умалчивалось, что стратегия вхождения в НАТО нарушает пункты декларации о признании независимости Украины и положения первой Конституции страны.

В 2008 г. Украина предприняла важные политические и практические шаги для сближения с Альянсом, в частности, консолидацию позиций ведущих

[527] The Alliance's Strategic Concept. 1999.
[528] Prague Summit Declaration, 2002.

политических сил с целью присоединения к Плану действий по членству[529]. Это предоставило бы официальный статус кандидата в члены НАТО. Однако присоединение к ПДЧ было заблокировано из-за противодействия России и давления на отдельные страны-члены НАТО, такие как Германия и Франция. Вместо этого Украина получила заверения о будущем членстве, однако без четких сроков и условий.

В 2010 г. Украина признала «внеблоковый статус», отказавшись от перспективы членства в НАТО[530]. Это привело к формату так называемого «прагматического сотрудничества» с Альянсом. Однако Украина продолжала активное участие в операциях и миссиях организации, что накладывало на неё обязательства в военно-политической сфере, сравнимые с членством, но без права на принятие решений и без гарантий коллективной безопасности. В итоге главной целью партнерства стало достижение Украиной способности самостоятельно обеспечивать свою безопасность и оборону.

После 2010 г. вопрос о членстве был исключен из политической повестки. Были изменены или приняты новые документы, закреплявшие принцип самостоятельного обеспечения национальной безопасности. Тем не менее, выполнение Годовых национальных программ в рамках ПДЧ продолжалось, хотя их содержание из года в год практически не менялось. Кроме того, был ликвидирован орган, отвечавший за евроатлантическую интеграцию. В результате вступление в НАТО перестало рассматриваться как реальная цель, а партнерство имело некоторые ограничения.

Стремление Украины к вступлению в НАТО порождает целый ряд сложных дилемм. Прежде всего, это стратегическая проблема. Членство Грузии в Альянсе и потенциальное вступление Украины имеют принципиально разный характер, считает С. Ларраби[531]. Грузия – небольшая страна, её военный потенциал не представляет угрозы для России. Однако вступление Украины в НАТО могло бы

---

[529] Отношения с Украиной // NATO. 2025. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_37750.htm (дата обращения: 24.08.2025).
[530] Отношения с Украиной // NATO.
[531] Larrabee F. S. NATO and Black Sea Security. P. 277–293.

привести к значительным геополитическим изменениям, фактически исключая возможность реализации концепции союза между Россией, Украиной и Беларусью, а также существенно ограничивая влияние России в западной части СНГ. Кроме того, этот шаг оказал бы влияние на военно-техническое сотрудничество России и Украины, в том числе в сферах противовоздушной обороны и производства баллистических ракет[532].

Вторым важным аспектом является статус российского Черноморского флота. Согласно подписанному в июле 1997 г. соглашению, Украина предоставила России право на использование портовых сооружений в Севастополе до 2017 г. Президент В. В. Путин предлагал продлить срок аренды, однако такой шаг мог бы осложнить перспективы интеграции Украины в НАТО. Некоторые страны-участницы Альянса могли бы с настороженностью отнестись к членству Украины, если бы российский флот оставался на её территории на постоянной основе. В 2008 г. Украина подтвердила невозможность продления срока пребывания Черноморского флота России в Крыму после 28 мая 2017 г.[533].

Третья и, пожалуй, наиболее сложная проблема связана с низким уровнем общественной поддержки членства Украины в НАТО. Согласно данным Центра Разумкова, в 2002 г. за вступление в Альянс выступало 32% населения, но к октябрю 2006 г. этот показатель снизился до 17,2%[534]. При этом 54% граждан на тот момент выразили бы несогласие с интеграцией Украины в НАТО, если бы данный вопрос был вынесен на референдум[535]. Причины низкой поддержки кроются в длительной антинатовской пропаганде ещё со времён Советского Союза, а также в активной информационной кампании против НАТО, проводимой В. Ф. Януковичем в 2004 г. Важную роль сыграли и события 1999 г., когда НАТО нанесло удары по Югославии, а также военная кампания США в Ираке.

---

[532] Larrabee F. S. NATO and Black Sea Security. P. 277–293.
[533] МИД РФ: Украина не будет продлевать срок пребывания ЧФ РФ в Крыму // Аргументы и факты. 2008. URL: https://aif.ru/politics/world/217868 (дата обращения: 23.02.20025).
[534] Быченко А. «Общественное мнение о НАТО и вступлении в него Украины» // Национальная безопасность и оборона, № 9 (81). 2006. С. 20.
[535] Там же.

Региональные различия в восприятии НАТО были также значительными. В западных и центральных областях Украины наблюдалось более позитивное отношение к Альянсу, в то время как в южных и восточных регионах, где влияние русскоязычного населения выше, поддержка членства в НАТО оставалась минимальной. Более того, уровень информированности населения о деятельности Альянса был крайне низок – около 47% граждан имели весьма поверхностные знания или вовсе не понимали сути НАТО[536]. Опыт ряда восточноевропейских стран показывает, что государственная информационная кампания могла бы изменить общественное мнение, однако на это потребовалось бы несколько лет активной работы и значительные ресурсы.

В отличие от Грузии и других восточноевропейских стран, где элиты демонстрировали единую позицию по вопросу НАТО, в Украине политический истеблишмент до 2014 года был остро разделён. Правящая коалиция, состоящая из блока «Наша Украина – Народная самооборона» и «Блока Юлии Тимошенко», в целом поддерживали евроатлантическую интеграцию. Однако оппозиционные партии, включая «Партию регионов», Коммунистическую партию и блок В. М. Литвина, выступали либо против вступления Украины в НАТО, либо занимали нейтральную позицию. Даже внутри самой коалиции существовали разногласия: если В. А. Ющенко являлся активным сторонником членства в Альянсе, то Ю. В. Тимошенко, ориентируясь на электорат из восточных регионов Украины, демонстрировала гораздо меньший энтузиазм [537] . Помимо этого, нестабильность внутри правящей коалиции, наличие серьёзных внутренних конфликтов и минимальное парламентское большинство создавали риски для долгосрочной стратегии Украины в направлении НАТО. Возможный распад коалиции мог бы привести к власти силы, выступающие против Альянса, что значительно уменьшило бы шансы на получение Плана действий по членству в НАТО в обозримом будущем.

---

[536] Быченко А. «Общественное мнение о НАТО и вступлении в него Украины». С. 21.
[537] Tymoshenko Y. Containing Russia // Foreign Affairs. Vol. 86., № 3. 2007. P. 69–82.

Неопределённость наблюдается и в самом НАТО. Хотя США, Польша и большинство стран Восточной Европы поддерживают перспективу членства Украины при условии проведения ею необходимых реформ, в Западной Европе мнения разделились. Франция и Германия выражали сомнения, во-первых, из-за отсутствия консенсуса относительно того, насколько Украина соответствует критериям членства, а во-вторых, из-за возможного усиления давления на Европейский Союз в вопросе интеграции Украины. Кроме того, значительная часть стран-участниц НАТО опасалась ухудшения отношений с Россией, которое неизбежно последовало бы за вступлением Украины в Альянс.

Учитывая слабую поддержку со стороны украинского общества, отсутствие единства внутри страны и в самом НАТО, а также обеспокоенность некоторых членов Альянса возможной реакцией России, перспективы интеграции Украины в НАТО в обозримом будущем выглядели маловероятными. Тем не менее, вопрос о полном членстве оставался открытым и зависел от множества факторов, включая внутреннюю политическую стабильность в стране, консолидацию мнений среди стран НАТО и развитие отношений России и западных стран.

Реформирование структур безопасности и обороны остаётся ключевым направлением сотрудничества Украины и НАТО. В рамках Комплексной программы помощи Украине, которая утверждена на заседании Комиссии Украина–НАТО Варшавского саммита в 2016 г., НАТО пообещала поддержать Украину по осуществлению ее цели реформировать структуры безопасности и обороны в соответствии со стандартами НАТО путем предоставления консультаций на стратегическом уровне, а также воплощения в жизнь 40 специально разработанных мер поддержки[538].

31 октября 2019 г. в Киеве прошло заседание Комиссии Украина–НАТО с участием Президента Украины В. А. Зеленского, членов Кабинета Министров, представителей Верховной Рады и гражданского общества[539]. Встреча состоялась

---

[538] Warsaw Summit Communiqué, 2016.

[539] Із спільної заяви Комісії Україна – НАТО // Укринформ. Київ, 2019. URL: https://www.ukrinform.ua/rubric-polytics/2809699-spilna-zaava-komisii-ukraina-nato.html (дата обращения: 09.01.2023).

в рамках визита Североатлантического совета в Украину и стала подтверждением неизменной поддержки НАТО суверенитета и территориальной целостности Украины. Помимо прочего, были высоко оценены конкурентные выборы 2019 г., обеспечившие новое руководство мандатом на продолжение реформ, и было обсуждено стратегическое значение Черноморского региона и необходимость дальнейшей поддержки сотрудничества между НАТО и Украиной[540].

В рамках программы помощи НАТО реализуются проекты, направленные на улучшение прозрачности и подотчётности оборонных учреждений. Значительные усилия прилагаются для борьбы с коррупцией и повышения эффективности управления ресурсами [541] . Программа развития военного образования, начатая по просьбе Украины в 2012 г., способствовала совершенствованию системы подготовки военнослужащих, включая курсы по лидерству, стратегическому планированию и управлению качеством.

В октябре 2005 г. введена программа профессионального развития. В ней участвуют гражданские сотрудники безопасности и оборонных учреждений Украины. В 2014 г. бюджет этой программы увеличено вдвое. Основной упор при реализации программы делается на поддержке процесса трансформации и реформирования путем внедрения стандартов НАТО и передовой мировой практики, обеспечении способности Украины собственными силами организовывать профессиональное развитие персонала, а также на улучшении межведомственного взаимодействия и обмена информацией. В 2017 г. в рамках программы также введены новые концептуальные проекты, такие как инициатива «100 чемпионов», благодаря которой предоставляется содействие Украине по развитию кадров гражданских служащих, непосредственно вовлеченных в процессы евроатлантической интеграции[542].

Важным элементом сотрудничества является развитие потенциала в области кибербезопасности. Украина активно работает над созданием национальной

---

[540] Із спільної заяви Комісії Україна – НАТО 31.10.2019, Київ.

[541] Отношения с Украиной // NATO. 2025. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_37750.htm (дата обращения: 24.08.2025).

[542] Хронологія відносин Україна-НАТО. URL: https://ukraine-nato.mfa.gov.ua/ua/ukrainenato/relations (дата обращения: 09.01.2023).

стратегии киберзащиты при поддержке НАТО. Кроме того, с 2006 г. Украина присоединилась к программе Обмена данными о воздушной обстановке. Обмен информацией о воздушной обстановке позволяет сократить риск потенциальных трансграничных инцидентов и оптимизировать реагирование на потенциальные террористические нападения с применением гражданских самолетов. Начиная с конца 2008 г., Украина и НАТО поддерживали связь через Венгрию, а с середины 2011 г. – через Турцию[543].

Проекты целевых фондов НАТО играют ключевую роль в поддержке реформ. С 2014 г. Альянс реализует инициативы по модернизации систем управления, материально-технического обеспечения и стандартизации. Важной частью этих усилий является помощь в кодификации, управлении цепями снабжения и развитии стандартов безопасности. В области киберзащиты проекты НАТО способствуют повышению оборонного потенциала Украины[544].

Начиная с марта 2018 г., в рамках проекта Целевого фонда также предоставляется содействие по разработке учебных программ, которые были бы признаны на международном уровне, для подготовки таких специалистов, как протезист-ортопед и техник-ортопед, официально признанные в Украине как профессиональные квалификации в 2016 г.[545]

Целевой фонд в области социальной адаптации военнослужащих под руководством Норвегии способствует Украине в выработке и внедрении в жизнь надежного и эффективного подхода к социальной адаптации бывших военнослужащих, который был бы неотъемлемой частью кадровой политики в Вооруженных силах Украины. Проект имеет целью способствовать повышению осознания со стороны офицерского корпуса Украины основных организационных и управленческих концепций систем социальной адаптации, а также развития их профессиональных навыков. Он также помогал определить параметры относительно оказания помощи в трудоустройстве на уровне национальных

---

[543] Хронологія відносин Україна-НАТО.

[544] Отношения с Украиной // NATO. 2025. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_37750.htm (дата обращения: 24.08.2025).

[545] Там же.

вооруженных сил путем проведения ряда семинаров, рабочих встреч, ознакомительных визитов и заключения аналитических отчетов[546].

Целевой фонд по утилизации неразорвавшихся боеприпасов и обезвреживанию самодельных взрывных устройств (*далее* – СВП) под руководством Словакии занимается непосредственным воплощением в жизнь отдельных конкретных рекомендации НАТО по вопросам утилизации боеприпасов, которые не взорвались, и обезвреживания СВП. В рамках проекта предоставляется выборочная поддержка гражданским гуманитарным мерам, направленным на устранение угроз, исходящих от взрывоопасных предметов, в частности СВП. По проекту оказывается помощь по созданию условий для трансформации процессов утилизации боеприпасов, которые не взорвались, и развития механизмов обезвреживания СВП в Украине в соответствии с устоявшейся политикой и практикой НАТО, прежде всего, когда речь идет о межведомственном сотрудничестве[547].

Непосредственное военное сотрудничество усиливает вооруженную мощь страны. Предоставление Украине помощи по реализации целей оборонной реформы – ключевое направление непосредственного военного сотрудничества, дополняющее работу, которая вводится под эгидой совместной рабочей группы по вопросам оборонной реформы и процесса планирования и осмотра сил, обеспечивая военную составляющую. Важным направлением сотрудничества является развитие оперативного потенциала и оперативной совместимости с вооруженными силами НАТО в рамках широкого спектра мероприятий и военных учений. Благодаря этим учениям военнослужащие могут приобретать практический опыт взаимодействия с вооруженными силами стран НАТО и других партнеров.

Украина участвует в инициативе оперативной совместимости партнерства, введенной на Уэльском саммите Альянса 2014 г., которая имеет целью сохранить

---

[546] Отношения с Украиной // NATO. 2025. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_37750.htm (дата обращения: 24.08.2025).

[547] Хронологія відносин Україна-НАТО. URL: https://ukraine-nato.mfa.gov.ua/ua/ukrainenato/relations (дата обращения: 09.01.2023).

тот уровень оперативной совместимости, которого достигли подразделения из разных стран, вместе служившие в составе Международных сил содействия безопасности под руководством НАТО в Афганистане (2003–2014 гг.)[548].

Военное сотрудничество сыграло главенствующую роль также при разработке правовой базы, которая позволяет Украине и НАТО углублять сотрудничество на оперативном уровне, а именно:

- соглашение ПРМ о статусе вооруженных сил на территории иностранной страны, вступившей в силу в мае 2000 г., облегчает участие в военных учениях в рамках ПРМ путем освобождения участников учений от паспортных и визовых формальностей, а также от иммиграционных проверок во время въезда и выезда с территории страны, где проводятся учения;
- соглашение о предоставлении поддержки со стороны страны дислокации войск, ратифицированное в марте 2004 г., направлено на разрешение вопросов, связанных с оказанием помощи со стороны гражданских органов и военного ведомства войскам стран-членов НАТО, которые находятся на территории Украины или передвигаются транзитом через её территорию в мирное время, во время кризисной ситуации или в случае военных действий;
- соглашение о стратегических авиаперевозках, ратифицированное в октябре 2006 г., дает Украине возможность делать значительный вклад в возможности НАТО по транспортировке крупногабаритных грузов путем передачи в лизинг государствам-членам Альянса самолетов производства завода имени Антонова. Такая договоренность экономически выгодна для Украины.

Старшие украинские офицеры также регулярно проходят обучение на курсах в Оборонном колледже НАТО (Италия) и в Школе НАТО (Германия). Контакты с этими образовательными учреждениями Альянса пригодились во время введения нового многонационального факультета при Национальной академии обороны Украины.

---

[548] Отношения с Украиной // NATO. 2025. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_37750.htm (дата обращения: 24.08.2025).

Украина начала активно участвовать в проектах программы НАТО «Наука ради мира и безопасности» (*далее* – НМБ) с 1991 г. Управление сотрудничеством в этой области осуществляется совместной рабочей группой по науке и окружающей среде. После 2014 г. взаимодействие с Украиной в сфере гражданской науки и технологий, связанных с безопасностью, получило новый импульс[549].

Проекты программы НМБ охватывают широкий спектр современных вызовов в области безопасности, включая борьбу с терроризмом, передовые технологии, кибербезопасность, энергетическую безопасность и защиту от химических, биологических, радиоактивных и ядерных угроз. Программы также касаются гуманитарных и социальных аспектов безопасности, таких как выполнение резолюции Совета Безопасности ООН № 1325, посвященной вопросам женщин, мира и безопасности; содействие разработке технологий двойного назначения, применимых в сфере безопасности; помощь в обнаружении и обезвреживании мин и неразорвавшихся боеприпасов[550].

Значительная часть проектов направлена на стратегическое сотрудничество сторон, вовлечение украинских и натовских специалистов в практическое сотрудничество, развитие сетей партнерства и укрепление военного потенциала и военной инфраструктуры Украины. В рамках программы НМБ проводятся мероприятия, способствующие реализации Комплексной программы помощи Украине, утверждённой на Варшавском саммите НАТО 2016 г.[551] Одним из ключевых проектов стало оказание гуманитарной помощи в разминировании, что позволило Государственной службе Украины по чрезвычайным ситуациям повысить свою способность проводить операции на востоке страны[552].

Программа также включала срочную помощь после взрывов на складах боеприпасов в Балаклее в марте 2017 г., предоставив Украине необходимое

---

[549] Отношения с Украиной // NATO. 2025. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_37750.htm (дата обращения: 24.08.2025).
[550] Там же.
[551] Warsaw Summit Communiqué, 2016.
[552] Отношения с Украиной // NATO. 2025.

оборудование. В рамках долгосрочного проекта был разработан прибор для трёхмерного обнаружения мин.

Одним из направлений программы стало развитие возможностей телемедицины и экстренной медицинской помощи. В Украине были созданы два центра доврачебной помощи, а 30 украинских фельдшеров прошли обучение в Румынии. В 2017 г. на полевых учениях Евроатлантического центра координации реагирования на катастрофы в Тузле, Босния и Герцеговина, была успешно протестирована телемедицина, что позволило врачам из разных стран оказывать помощь пострадавшим в реальном времени. Этот проект завершён с положительными результатами.

С 2014 г. было реализовано 58 мероприятий в рамках НМБ. Украинские учёные и эксперты принимали участие в семинарах и проектах программы, выступая исследователями и докладчиками. Только в 2017 г. было принято 16 новых проектов с участием Украины. Украина стала крупнейшим получателем грантов программы НМБ, что включало поддержку молодых учёных; более 300 молодых исследователей приняли участие в мероприятиях с 2014 г.

Украина регулярно участвует в учениях по подготовке к катастрофам и ликвидации их последствий. Трижды такие учения проходили на территории Украины: в 2000, 2005 и 2015 гг. Учения 2015 г., открытые генеральным секретарём НАТО Й. Столтенбергом и президентом Украины П. А. Порошенко, стали одними из крупнейших в истории Евроатлантического центра координации реагирования на катастрофы, собрав более 1100 участников из 26 стран Альянса и партнёрских государств.

До кризиса 2014 г., украинские ученые отмечали, что 20-летний период сотрудничества Украины с НАТО свидетельствует о наличии ряда проблем, среди которых отсутствие общественного диалога с властью по вопросам национальной безопасности; дальнейшее формирование стереотипов, ставящих целью, среди прочего, усиление различий в отношении к НАТО в разных регионах Украины;

создание предпосылок для расшатывания национального согласия; слабое коммуникационное звено между властью и общественностью[553].

3.3. НАТО и Россия

С момента окончания холодной войны и распада Советского Союза отношения между Россией и НАТО прошли сложный путь, включавший как периоды диалога и сотрудничества, так и острых кризисов, приведших к полной приостановке взаимодействия. НАТО последовательно придерживалось двойственного подхода к России, сочетая меры по сдерживанию и обороне с открытостью к диалогу. Однако политические и военные разногласия, особенно после 2014 г., привели к заморозке практического сотрудничества.

Начало диалога между Россией и НАТО было положено в 1991 г., когда Россия присоединилась к ССАС, впоследствии преобразованному в СЕАП[554]. В 1994 г. Россия вступила в программу ПРМ, что ознаменовало переход к практическому взаимодействию[555]. В конце 1990-х гг. российские миротворческие силы принимали участие в операциях НАТО на Западных Балканах, демонстрируя высокий уровень координации сторон.

Первоначально программа ПРМ была воспринята российским руководством как возможный компромисс, позволяющий избежать бесконтрольного расширения Альянса без участия России. В марте 1994 г. Россия приняла решение о присоединении к данной программе, рассматривая это как наименьшее зло. Однако в ходе публичных дискуссий внутри страны доминировала критика как самого расширения НАТО, так и концепции ПРМ. В связи с этим российская сторона начала формирование «особых» отношений с НАТО, предполагающих не

---

[553] Тодоров І. Історичні, геополітичні та політико-правові засади співробітництва України та НАТО // Незалежний культурологічний часопис «Ї». URL: https://www.ji.lviv.ua/n77texts/Zasady_spivrobitnyctva.htm (дата обращения: 09.01.2023).

[554] Об отношениях Россия–НАТО // МИД РФ. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1560612/ (дата обращения: 31.08.2025).

[555] Там же.

только подписание Рамочного документа партнерства, но и выработку более детализированной программы взаимодействия, включая консультации по вопросам европейской безопасности[556].

Компромисс был найден на сессии Совета НАТО в Стамбуле 9 июня 1994 г., на основе которого 22 июня Россия подписала Рамочный документ ПРМ [557] . Впоследствии стороны выразили намерение разработать Индивидуальную программу партнерства и наладить расширенное сотрудничество, охватывающее широкий круг вопросов безопасности, миротворческой деятельности и политического взаимодействия. Однако 1 декабря 1994 г. тогдашний министр иностранных дел России А. В. Козырев отказался подписывать подготовленные документы, сославшись на неприемлемость расширения НАТО, активно обсуждавшегося накануне в ходе заседаний Совета Альянса. Россия сняла свои оговорки только в мае 1995 г. во время визита президента США Б. Клинтона в Москву. 31 мая того же года в Нордвейке, Нидерланды, были подписаны Индивидуальная программа партнерства и соглашение о механизме расширенного политического диалога с НАТО[558].

С этого момента Россия отдавала приоритет именно политическому диалогу с Альянсом, в то время как практическое взаимодействие в рамках Индивидуальной программы партнерства оставалось формальным и практически не имело реального наполнения вплоть до 1998 г. Придерживаясь жесткой позиции против расширения НАТО, российская сторона избегала официальных переговоров по вопросам совершенствования механизма политических консультаций.

В декабре 1996 г. стороны согласовали начало консультаций о будущем формате взаимодействия, которые переросли в полноценные переговоры, завершившиеся подписанием 27 мая 1997 г. в Париже «Основополагающего акта о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности» между Россией и

---

[556] Штоль В. В. НАТО: динамика эволюции.
[557] Там же.
[558] Там же.

НАТО[559]. В его рамках был создан Совместный постоянный совет (*далее – СПС*), служивший форумом для консультаций и обмена мнениями. Совет должен был собираться дважды в год на уровне министров и ежемесячно на уровне послов. Однако кризис 1999 г., связанный с военной кампанией НАТО в Югославии и признанием независимости Косово, привёл к временному разрыву отношений. Тем не менее, после завершения операции НАТО Россия возобновила участие в СПС, а также в миротворческой миссии KFOR в Косово[560].

Процесс институционализации политического диалога оказался затяжным. Первое заседание СПС на уровне министров иностранных дел состоялось лишь 26 сентября 1997 г. в Нью-Йорке[561]. Важным шагом в развитии взаимодействия стал первый визит начальника Генерального штаба России в штаб-квартиру НАТО, а также назначение российского главного военного представителя при Альянсе с созданием в Брюсселе специальной миссии военной связи. В ходе заседания СПС 24 октября 1997 г. было принято решение о формировании рабочих групп по миротворчеству, ядерной безопасности, военно-техническому сотрудничеству и другим аспектам взаимодействия[562].

Несмотря на достигнутые договоренности, Россия последовательно отстаивала свою национальную безопасность в условиях расширения НАТО. Уже в тот период существовали опасения, что дальнейшее продвижение Альянса на восток поставит под угрозу участие России в структуре евроатлантической безопасности. Впоследствии эти опасения оправдались, поскольку сохраняющееся превосходство НАТО в военной и экономической сферах, а также отсутствие у России механизма влияния на принятие ключевых решений внутри Альянса подорвали основы равноправного партнерства. В частности, Москва не обладала правом вето в вопросах, касающихся расширения НАТО, включая вступление в Альянс бывших республик Советского Союза.

---

[559] Отношения между Россией и НАТО // МИД РФ. 2005. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1685524/ (дата обращения: 26.03.2025).
[560] Отношения между Россией и НАТО // МИД РФ.
[561] Штоль В. В. Новая парадигма НАТО в эпоху глобализации. М.: Научная книга, 2003. 176 с.
[562] Там же.

На этом фоне США и НАТО продолжали реализовывать стратегическую цель – не допустить восстановления в лице России конкурента, сопоставимого с Советским Союзом. Это включало предотвращение создания мощного военного потенциала и экономической независимости в постсоветском пространстве. Усиление Североатлантического альянса, ограничение российского влияния в Восточной Европе и установление контроля над регионом стали важнейшими задачами западной политики, что неизбежно привело к нарастанию противоречий между сторонами.

Переосмысление российско-натовских отношений приходится на 1997 г. Прямым подтверждением этому становится публикация Концепции национальной безопасности Российской Федерации, в которой укрепление военно-политических блоков и союзов, прежде всего расширение НАТО на восток[563], рассматривается в качестве угрозы. Российское правительство отныне руководствовалось не декларативными заверениями со стороны США и их европейских союзников, а реальными фактами поглощения некогда существовавшей сферы советского влияния, в том числе в Причерноморье.

На современном этапе стратегическое значение Черноморского региона упоминается в президентском указе об основах государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 г., принятом в июле 2017 г. Определяя аспекты и приоритеты государственной политики, в документе Чёрное море рассматривается в качестве стратегически важной территории наряду с Арктикой, Средиземным морем и Каспийским морем[564].

Следующий важный этап в развитии сотрудничества произошёл в 2002 г., когда СПС был заменён Советом Россия–НАТО[565]. Этот механизм стал более

---

[563] Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента Российской Федерации от 17.12.1997 № 1300. URL: https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-17121997- n-1300/ (дата обращения: 26.11.2022).

[564] Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 г.: Указ Президента Российской Федерации от 20.07.2017 № 327. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/42117 (дата обращения: 27.11.2022).

[565] Отношения с Россией // NATO. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_50090.htm (дата обращения: 31.08.2025).

функциональным инструментом для обсуждения текущих вопросов безопасности и координации совместных действий. В 1998 г. Россия открыла дипломатическую миссию при НАТО, а в 2001 г. в Москве начало работу Информационное бюро НАТО, созданное для распространения информации о деятельности Альянса[566]. В 2002 г. была учреждена Военная миссия связи, которая обеспечивала взаимодействие между Военным комитетом НАТО и Министерством обороны России[567].

В 2002 г. было учреждено сотрудничество в формате Совета Россия–НАТО, в рамках которого велся постоянный политический диалог и практическое взаимодействие в сфере обеспечения международной безопасности [568] . Ключевыми направлениями совместной работы стали борьба с терроризмом и незаконным оборотом наркотиков, контроль над вооружениями, недопущение распространения ядерного оружия, развитие систем противоракетной обороны, организация поисково-спасательных операций на море и борьба с пиратством. Также стороны осуществляли обмен знаниями между военными учебными заведениями. Однако при этом Россия занимала последовательную позицию против вмешательства Североатлантического альянса в международные конфликты и попыток изменить военно-политический баланс в свою пользу. В апреле 2014 г. НАТО объявило о прекращении всех видов гражданского и военного сотрудничества с Россией, что фактически привело к заморозке деятельности Совета Россия–НАТО. В ходе мадридского саммита НАТО в июне 2022 г. Россия была официально признана прямой угрозой для Альянса, а ее «сдерживание» было провозглашено новой стратегической миссией НАТО[569].

Первый серьёзный кризис в отношениях произошёл в 2008 г. после войны в Грузии. Реакция НАТО заключалась в приостановке официальных заседаний Совета и ограничении сотрудничества в некоторых областях. Альянс призвал

---

[566] Отношения с Россией // NATO.
[567] Там же.
[568] Там же.
[569] Madrid Summit Declaration, 2022.

Россию отказаться от признания независимости Абхазии и Южной Осетии[570]. Несмотря на это, уже весной 2009 г. контакты с НАТО были восстановлены, что позволило продолжить взаимодействие по ряду вопросов безопасности[571].

Начиная с предпосылки, что «сотрудничество НАТО и России имеет стратегическое значение, поскольку способствует созданию общего пространства мира, стабильности и безопасности»[572], Стратегическая концепция НАТО 2010 г. утверждает, что одной из главных целей Альянса является формирование подлинного стратегического партнерства с Россией.

В отношении России Стратегическая концепция НАТО 2010 г. выделяет два принципа: НАТО не представляет угрозы для России; сотрудничество НАТО и России имеет стратегическое значение, поскольку способствует созданию общего пространства мира, стабильности и безопасности[573].

Однако крупнейший разрыв в отношениях произошёл в 2014 г., когда Россия приняла Крым в состав страны, что было расценено НАТО как «незаконное нарушение суверенитета Украины»[574]. НАТО заняло непримиримую позицию, не считаясь ни с историческим контекстом, ни с четко артикулированными интересами и правами абсолютного большинства жителей полуострова. Альянс приостановил всё гражданское и военное сотрудничество с Россией, оставив открытыми лишь политические и военные каналы связи. Страны блока осудили действия России и призвали её «соблюдать нормы международного права, прекратить поддержку сепаратистских движений в Донбассе, а также воздержаться от агрессивных шагов в отношении Украины»[575].

Воссоединение полуострова с Россией привело к увеличению возможностей Москвы осуществлять контроль над акваторией Черного моря с военной точки зрения. Географически Крымский полуостров вклинивается в открытое водное

---

[570] Отношения с Россией // NATO.
[571] Там же.
[572] Active Engagement, Modern Defence, 2010.
[573] Зепос Я.–А. Оглянитесь назад, чтобы увидеть будущее. О Стратеги ческой концепции НАТО. С .21–35.
[574] Отношения с Россией // NATO.
[575] Там же.

пространство, что позволяет средствам противовоздушной (ПВО) и противоракетной (ПРО) обороны охватывать практически всю морскую часть региона[576]. Помимо этого, Россия стала полноправным хозяином военно-морской базы в Севастополе, которая ранее использовалась российскими ВМС на правах аренды. Это позволило дополнительно перебросить на полуостров порядка 28 тыс. военнослужащих.

Крупнейшими российскими военными портовыми объектами на Черном море после 2014 г. стали города Севастополь и Новороссийск. Загрузка распределена следующим образом: 80% тоннажа военно-морского флота, дислоцируемого в регионе, приходится на Севастополь, в то время как оставшиеся 20% – на Новороссийск и в небольшом объёме – на Феодосию. В целом Черноморский флот Российской Федерации располагал на тот момент 21 боевым кораблем различных классов, 7 субмаринами и 200 вспомогательными суднами[577].

После обострения региональной обстановки в 2014 г. первые военные учения совместно с другим черноморским актором, Турецкой Республикой, были проведены в апреле 2017 г.[578] Подобный шаг со стороны Р. Т. Эрдогана вызвал серьезную озабоченность со стороны союзников по НАТО, так как была поставлена под сомнение солидарность стран военного блока в отношениях с Москвой. Серьёзные опасения были также связаны с тем, что Турция является единственным членом Североатлантического альянса, обладающим мощным военно-морским флотом в Черноморском регионе[579]. Поэтому сближение Анкары и Москвы в настоящее время рассматривается как возможность утраты НАТО противовеса России в Чёрном море.

---

[576] Anastasov P. The Black Sea region: A critical intersection // NATO Review. URL: https://www.nato.int/docu/review/articles/2018/05/25/the-black-sea-region-a-critical-intersection/index.html (дата обращения: 28.11.2022).

[577] Assessing threats to U.S. vital interests. Russia. URL: https://www.heritage.org/militarystrength/assessing-threats-us-vital-interests/russia (дата обращения: 27.11.2022).

[578] Смагло П. Н., Шашева С. В. Европейская безопасность в контексте отношений России и НАТО в Черноморском регионе в постбиполярный период // Манускрипт. 2020. № 2. С. 57.

[579] Там же.

В последующие годы кризис лишь углублялся. В 2018 г. было принято решение о сокращении численности персонала российской миссии при НАТО с 30 до 20 человек[580]. В октябре 2021 г. Альянс отозвал аккредитацию восьми сотрудников российской миссии, сославшись на данные разведки о причастности этих лиц к деятельности спецслужб. В ответ Россия приняла решение закрыть свою дипломатическую миссию при НАТО и прекратить работу Информационного бюро и Военной миссии связи в Москве[581].

В декабре 2021 г. российские власти предложили НАТО и США заключить юридически обязывающий договор, в котором содержались требования о пересмотре архитектуры европейской безопасности, отказе от дальнейшего расширения НАТО на восток и запрете на размещение вооружённых сил и техники в странах, присоединившихся к Альянсу после 1997 г. Эти предложения противоречили политике «открытых дверей» НАТО и были отвергнуты союзниками по блоку, что подтвердилось в ходе заседания Совета 12 января 2022 г.[582] Отказавшись учитывать интересы и озабоченности России, НАТО оказалось не готово признать принцип неделимости безопасности для всех сторон.

На этом заседании обсуждалось наращивание Россией военного присутствия вблизи Украины и предложение российской стороны о гарантиях безопасности. Однако союзники заявили, что не готовы идти на компромисс в вопросах суверенитета государств и принципов европейской безопасности. Вместо этого Генеральный секретарь НАТО предложил России продолжить переговоры по вопросам контроля над вооружениями, нераспространения и повышения транспарентности военной деятельности.

В 2021–2022 гг., НАТО усилило военное присутствие в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе, а также повысило уровень боеготовности

---

[580] НАТО сократила состав миссии РФ при альянсе из-за дела Скрипаля // ТАСС. 2018. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5071662 (дата обращения: 31.08.2025).

[581] Военная миссия связи НАТО в Москве // НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_50341.htm (дата обращения: 31.08.2025).

[582] В Брюсселе проходит заседание Совета Россия–НАТО // НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_190643.htm (дата обращения: 31.08.2025).

своих сил быстрого реагирования. Союзники продолжили оказывать поддержку Украине, значительно усилив меры по укреплению её военного потенциала.

При этом НАТО формально оставалось приверженным мирному урегулированию конфликта, настаивая на выполнении Минских соглашений и дипломатическом решении кризиса. В апреле и декабре 2021 г. Альянс призвал Россию к деэскалации и немедленному снижению напряжённости на границах Украины и в Крыму.

13 марта 2019 г. на базе экспертно-аналитического центра Chatham House[583] прошла панельная дискуссия, на которой обсуждался вопрос нового российского доминирования в Черноморском регионе. Дж. Аппатурай, заместитель помощника генерального секретаря НАТО по политическим вопросам, отметил, что Крымский полуостров дает России более сильную платформу для проецирования силы и политического влияния далеко за пределы Украины и Черного моря, прежде всего, в Восточное Средиземноморье и на Ближний Восток[584]. Помимо этого, были озвучены четыре основных подхода НАТО к этому вопросу:

1. Поддержка политического и экономического давления на Россию совместно с ЕС и союзниками.
2. Усиление обороноспособности союзников.
3. Увеличение присутствия НАТО в Черном море.
4. Оказание поддержки партнерам Альянса в регионе, прежде всего, Украине и Грузии[585].

Кроме того, в нескольких аналитических текстах упоминалось, что Москва милитаризирует Крым с момента воссоединения в 2014 г., а с учётом того факта, что Румыния и Болгария имеют фактические морские границы с Российской Федерацией, превращение полуостров в военную зону остается для Альянса

[583] Деятельность организации признана нежелательной на территории Российской Федерации.
[584] The Militarization of the Black Sea After the Annexation of Crimea // Chatham House. URL: https://www.chathamhouse.org/events/all/members-event/militarization-black-sea-after-annexation-crimea (дата обращения: 02.03.2025).
[585] Ibid.

нежелательным[586]. Как считает М. Булег, Кремль рассчитывает на разобщенность между членами НАТО, особенно Турцией и Болгарией. Обе страны ведут двусмысленную игру с Россией, и их разногласия являются препятствием для усиления черноморского присутствия НАТО[587].

Российские действия в Черном море в отношении присутствия НАТО упрощенно могут быть объяснены теорией реализма. Несмотря на то, что НАТО воспринимало отношения с РФ как новое партнерство, самый высокий уровень взаимодействия без членства – Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г., принятая в 2009 г., отмечает, что «определяющим фактором в отношениях с Организацией Североатлантического договора останется неприемлемость для России планов продвижения военной инфраструктуры Альянса к ее границам и попытки предоставления ему глобальных функций, идущих вразрез с нормами международного права»[588].

Военная доктрина России, принятая в 2010 г., демонстрировала преемственность и артикулировала эту же позицию. Во всем документе НАТО упоминается лишь дважды: среди других организаций, с которыми отношения могут развиваться с целью предупреждения конфликтов, и в части, посвященной основным военным опасностям (организация не определена как угроза): «стремление наделить силовой потенциал Организации Североатлантического договора (НАТО) глобальными функциями, реализованными для нарушения норм международного права, приблизить военную инфраструктуру стран-членов НАТО к границам Российской Федерации, в частности, путем расширения блока»[589]. Это демонстрировалось в Черноморском регионе, в частности, военно-морскими инцидентами, происходящими с 2014 г.

---

[586] NATO Needs a Strategy for Countering Russia in the Arctic and the Black Sea // Chatham House. URL: https://www.chathamhouse.org/2018/07/nato-needs-strategy-countering-russia-arctic-and-black-sea (дата обращения: 02.03.2025).
[587] Ibid.
[588] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Официальный сайт Президента России. 2009. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/424 (дата обращения: 27.11.2022).
[589] Военная доктрина РФ, 2010.

Модернизация российского Черноморского флота стала частью государственной программы вооружения 2011–2020 гг. 18 новых кораблей были заказаны для флота, а также создана новая инфраструктура. Целью этой модернизации является создание объединенных сил, способных не допустить НАТО к Черному морю и проецировать силу за его пределами, включая Средиземноморье и Ближний Восток [590]. По мнению западных экспертов, сравнение сил НАТО и России демонстрирует значительную асимметрию в пользу последней. Они считали, что в Черноморском регионе Россия достигла определенных конкурентных преимуществ [591]. Западные аналитики целенаправленно продвигали тезис о том, что Россия в Черноморском регионе может сконцентрировать свои силы на небольшой территории, чтобы получить преимущество, тогда как НАТО имеет ограниченный доступ к этим водам, в основном из-за положения Конвенции Монтре 1936 г., которая ограничивает военно-морское присутствие для неприбрежных стран Черного моря.

Реальная ситуация в регионе гораздо сложнее, и расширение присутствия НАТО несет серьезные угрозы для безопасности России. В условиях геополитической конкуренции милитаризация Черного моря рассматривается Москвой как вынужденная мера, направленная на предотвращение политики сдерживания России и ограничения ее возможностей на западных рубежах[592]. У России были весомые основания опасаться возможности появления кораблей НАТО в портах Крыма несмотря на то, что Украина в тот период сохраняла внеблоковый статус.

Такие опасения отчасти базировались на восприятии НАТО в российском политическом дискурсе исключительно как враждебной структуры, противостоящей интересам Москвы. Действительность эти опасения подтвердила, несмотря на риторику НАТО о возможности стратегического партнерства с

[590] Bugajski J., Doran P. Black Sea Defended, NATO Responses to Russia’s Black Sea Offensive // Strategic Report № 2, Center for European Policy Analysis. 2016. URL: https://www.cepa.org/black-sea-defended (дата обращения: 31.08.2025).
[591] Vorotnyuk M. Black Sea Security Deadlocks: NATO – Russia Confrontation // UA: Ukraine Analytica, 2020, 1(19). P. 18–23.
[592] Bugajski J., Doran P. B. Black Sea rising: Russia's strategy in Southeast Europe.

Россией. На уровне практической политики НАТО придерживалось логики значительного расширения своих военных возможностей и присутствия в Черном море, не считаясь с законными интересами России в сфере безопасности. Подобный диссонанс в риторике и реальной политике не оставлял России возможностей маневра в отношениях с Альянсом. Поэтому, когда западные эксперты и ученые безосновательно подчеркивают, что в российском стратегическом сознании преобладает концепция борьбы за «сферы влияния», что российская стратегия отягощена советским наследием; следует напомнить, что именно страны НАТО придерживаются аналогичной логики и не могут отказаться от мышления эпохи холодной войны. В этих вопросах Альянс так и не смог уйти от лицемерия и политики двойных стандартов[593].

Так, в стратегической концепции НАТО 2010 г. еще содержалось утверждение о стремлении к сотрудничеству, которое через несколько лет сменилось положением о России как чрезвычайной угрозе и стратегическом противнике. Российская Стратегия национальной безопасности от 2009 г. уже описывало НАТО в ином ключе: во-первых, отмечая «кризис существующей глобальной и региональной архитектуры безопасности, основанной в евроатлантическом регионе исключительно на Организации Североатлантического договора, а также несовершенство правовых инструментов и механизмов, что усиливает угрозы международной стабильности», а, во-вторых, документ прямо декларировал, что «определяющим фактором в отношениях с Организацией Североатлантического договора останется неприемлемость для России планов продвижения военной инфраструктуры Альянса к ее границам и попытки придания ему глобальных функций, идущих вразрез с нормами международного права»[594].

Подобная логика аргументации прослеживается и в других стратегических документах как Североатлантического альянса, так и Российской Федерации. Взаимное недоверие, обусловленное разными стратегическими установками и

[593] Чорноморський регіон у світовій політиці: актори, чинники, сценарії майбутнього: монографія // Одеса: Одес. нац. ун-т ім. І. І. Мечникова, 2020. 176 с.
[594] Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года.

исторически сложившимися представлениями о роли НАТО и России в мировой политике, привело к нарастанию напряженности в Черноморском регионе, ставшей ключевым элементом в эволюции геополитического противостояния между Москвой и Брюсселем.

Таким образом, рассмотрение взаимоотношений НАТО с Грузией показало, что после распада СССР Тбилиси последовательно выстраивал курс на евроатлантическую интеграцию. Особенное значение приобрела поддержка Альянса после «Революции роз» 2003 г., когда грузинское руководство взяло курс на сближение с НАТО и реформирование армии по натовским стандартам. Важным моментом стал, в частности, грузино-осетинский конфликт 2008 г., который продемонстрировал как заинтересованность НАТО в укреплении партнерства с Грузией, так и ограничения вовлеченности Альянса в региональные конфликты. Несмотря на отсутствие Плана действий по членству, Грузия остается одним из самых активных партнеров НАТО, получая военную, техническую и политическую поддержку в рамках специальных программ.

Анализ взаимодействия НАТО с Украиной показал, что сотрудничество между сторонами носило волнообразный характер и зависело от политического курса Киева. В начале 1990-х гг. Украина включилась в программу ПРМ и постепенно развивала отношения с Альянсом. Однако после 2014 г. процесс сближения ускорился: смена власти и последовавшие геополитические события сделали курс на евроатлантическую интеграцию приоритетным направлением внешней политики Украины. Взаимодействие НАТО с Украиной охватывает широкий спектр вопросов – от военных реформ до кибербезопасности, однако, несмотря на активное сотрудничество, вопрос предоставления Украине Плана действий по членству остается нерешенным.

Отношения НАТО и России представляют собой важнейший фактор региональной стабильности и безопасности. В 1990-е – начале 2000-х гг. Москва и Брюссель поддерживали диалог в рамках Совета Россия–НАТО, однако расширение Альянса на восток стало причиной нарастающих разногласий. Ключевым рубежом стал 2014 г., когда кризис в Украине привел к резкому

ухудшению отношений, свертыванию сотрудничества и активному противостоянию в Черноморском регионе. Россия рассматривает действия НАТО как угрозу национальной безопасности, а НАТО усматривает в укреплении России в Крыму фактор милитаризации и дестабилизации.

НАТО выстраивает отношения с Грузией и Украиной в рамках политики «открытых дверей», но без гарантий полноценного членства, тогда как отношения с Россией характеризуются нарастающим противостоянием. Черноморский регион продолжает оставаться ареной стратегической конкуренции, что делает его одним из важнейших узлов глобальной безопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги диссертационного исследования, можно сформулировать следующие выводы.

Военно-политическая обстановка в Черноморском регионе после окончания холодной войны складывалась под воздействием параллельного существования разноуровневых систем коллективной безопасности – евроатлантической и евразийской, различающихся масштабом, потенциалом и степенью институциональной интеграции. Этот дуализм создавал неустойчивое равновесие сил и усиливал зависимость региона от внешних акторов. Неравномерное распределение военного потенциала, сохранение и возникновение новых трудноурегулируемых территориальных споров, а также несовпадение стратегических приоритетов государств формировали сложную систему противоречий. Вместе с тем именно решение проблем безопасности в Черноморье рассматривается как необходимое условие для построения новых общеевропейских схем безопасности, способных обеспечить баланс интересов ведущих международных игроков.

С 1991 г. менялись представления НАТО о задачах и приоритетах. Большую часть рассматриваемого периода Альянс уделял основное внимание обеспечению стабильности в Балтийском регионе, на границах Польши и Венгрии, тогда как Черноморье не воспринималось как единое политико-стратегическое пространство, требующее особого подхода. На это указывает не только отсутствие региона в стратегических концепциях и официальных заявлениях руководства НАТО, но и характер практического взаимодействия с государствами региона, строившегося преимущественно на двусторонней основе. Каждая страна имела собственную специфику и уровень вовлечённости в сотрудничество с Альянсом. Так, взаимодействие с Турцией, членом НАТО с 1952 г., развивалось в рамках общей стратегии блока; отношения с Болгарией и Румынией эволюционировали в контексте их интеграции в 2004 г., а с другими государствами региона – Украиной, Грузией и Россией – выстраивались

индивидуальные форматы «НАТО–Украина», «НАТО–Грузия» и «НАТО–Россия». Черноморский вектор не выделялся как самостоятельное направление политики НАТО, оставаясь частью более широкой стратегии юго-восточного направления евроатлантической безопасности. Деятельность Альянса в регионе в 1990-е и начале 2000-х гг. ограничивалась реализацией программ сотрудничества, направленных на укрепление различных военных и гражданских институтов и совместимости вооружённых сил партнёров.

Периферийный подход НАТО к региону, заключавшийся в стремлении сохранить стабильность на внешних границах блока и наладить связи с бывшими республиками СССР, утратил актуальность после 2014 г. В результате украинского кризиса и событий Крымской весны Черноморье приобрело новое стратегическое значение, превратившись в зону соперничества и восточную границу евроатлантической безопасности. С этого момента Альянс перешёл от двустороннего взаимодействия с государствами региона к комплексной региональной политике, сочетающей меры военного давления и военного сдерживания, институциональную, техническую и финансовую поддержку партнёров – Украины и Грузии – и развитие многосторонних форм взаимодействия.

К 2021 г. Черноморский регион окончательно приобрёл статус самостоятельного стратегического пространства. Этот переход не был одномоментным: он стал результатом совокупного воздействия трёх факторов – расширения НАТО на восток, углубления взаимодействия с постсоветскими странами и кризиса в отношениях с Россией.

В ходе исследования были проанализированы основные механизмы и инструменты реализации Черноморского вектора политики НАТО. Специфика региона заключалась в индивидуальных особенностях каждой страны и характере их отношений с

Россией. В этом контексте прослеживаются три ключевых элемента политики Альянса:

1. Политика партнёрства, выражавшаяся в налаживании связей с постсоветскими странами, расширении программ сотрудничества и поддержке реформ в оборонной сфере.

2. Политика «мягкой силы», направленная на интеграцию отдельных государств региона в евроатлантическое пространство посредством образовательных, дипломатических и экономических инструментов.

3. Политика демонстрации «жёсткой силы», реализуемая через проведение военных учений, участие в миротворческих операциях, развитие инфраструктуры и укрепление обороноспособности стран-партнёров.

В 1990–2000-е годы преобладали формы «мягкой силы» – образовательные и оборонные инициативы, программы реформирования сектора безопасности и консультационные площадки. Однако после 2014 г. характер политики изменился: акцент сместился на развитие военной инфраструктуры, ротационное присутствие морских и воздушных сил, расширение учений и активное информационное сопровождение этих мероприятий.

Особое внимание уделено дифференцированному подходу НАТО к странам региона. Взаимоотношения с Турцией, Болгарией и Румынией демонстрировали внутреннюю неоднородность блока, обусловленную различием национальных приоритетов и восприятием угроз. Турция, несмотря на статус одного из ключевых членов Альянса, традиционно ограничивала степень его вовлечения в дела Черноморского региона, стремясь сохранить роль регионального посредника и балансировать между Западом и Россией. Это иллюстрируют примеры внутрирегионального военно-морского сотрудничества в рамках инициатив «Блэксифор» и «Черноморская гармония», из которых НАТО и любые нерегиональные акторы исключались по политической воле Анкары. Эти инициативы стали редкими примерами объединения военно-морских сил стран с различными геополитическими ориентирами для создания атмосферы взаимного доверия и сотрудничества. В целом политика Турции балансировала между

союзническими обязательствами и необходимостью поддержания диалога с Россией, что накладывало ограничения на развитие единой стратегии Альянса в регионе. Кроме того, попытки Анкары к сближению с Москвой, особенно в энергетической сфере и вопросах противоракетной обороны, вызывали настороженность у партнёров по НАТО.

В то же время Румыния выступила локомотивом продвижения политики НАТО в регионе, предоставив инфраструктурную базу и политическую поддержку для расширения военного присутствия Альянса. Болгария, напротив, занимала более взвешенную позицию и не демонстрировала открытой антироссийской линии, что также ограничивало возможности для консолидации единой стратегии НАТО в регионе.

Наиболее последовательно Черноморский вектор политики НАТО проявился в отношении Украины и Грузии. Эти государства стали пространством адаптации евроатлантических механизмов безопасности за пределами формального членства. Альянс использовал инструменты политического консультирования, военной подготовки и совместных учений для постепенной интеграции вооружённых сил партнёров в собственную систему стандартов. Тем самым формировались предпосылки для долгосрочного закрепления НАТО в регионе без юридического расширения его границ.

Отношения между НАТО и Россией на протяжении всего постбиполярного периода являлись системообразующим фактором черноморской безопасности. Эволюция этой «оси взаимодействия» от партнёрства к конфронтации напрямую повлияла на региональную стабильность. В 1990-е годы стороны стремились к интеграции России в евроатлантическое пространство посредством Совета Россия–НАТО и других механизмов диалога. Однако расширение Альянса, расхождение стратегических целей и переосмысление Россией собственных интересов привели к постепенному разрыву прежней модели взаимодействия. После кризиса 2014 г. отношения приняли характер взаимного сдерживания, что обусловило рост военного присутствия НАТО в регионе и повышение его политико-стратегической активности.

Эволюция политики Альянса показывает, что именно Черноморье служит индикатором состояния и направлений трансформации международного порядка. От характера взаимодействия в регионе во многом зависит баланс сил не только в Восточной Европе, но и в более широком евроатлантическом пространстве. С 2014 г. политика НАТО в Черноморье приобрела проактивный и наступательный характер: Альянс перешёл к формированию собственных параметров региональной безопасности. Проактивность и скрытая агрессивность выражалась в наращивании военного присутствия, развитии системы партнёрств, продвижении норм и стандартов НАТО в вооружённых силах Украины и Грузии, а также в активном использовании инструментов публичной дипломатии. Эти процессы свидетельствуют о стремлении НАТО закрепить за собой роль ключевого арбитра безопасности в Черноморье, формируя политико-военные условия, ограничивающие влияние России.

На протяжении рассматриваемого периода Черноморский вектор политики НАТО выполнял двойственную функцию: с одной стороны, он являлся инструментом проецирования силы и политического влияния на региональную систему, а с другой – механизмом адаптации самого Альянса к изменяющимся реалиям международной безопасности. Придание региону статуса стратегического направления в документах 2022 г. стало логическим завершением трёх десятилетий институциональной и военной эволюции блока.

Черноморский вектор политики НАТО является неотъемлемой частью стратегии адаптации Альянса к новой системе международных отношений. Его эволюция от периферийного направления к самостоятельному региональному измерению отражает закономерности перехода от модели сотрудничества к стратегии сдерживания. Вместе с тем исследование подтверждает, что Черноморье остаётся не только ареной соперничества, но и пространством потенциального взаимодействия. Перспективы стабилизации региона напрямую зависят от способности НАТО и России выработать институционализированные формы диалога и ограничить военную эскалацию.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

ИСТОЧНИКИ

1. Источники официального происхождения

1.1. Документы Североатлантического альянса

1. Военная миссия связи НАТО в Москве // НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_50341.htm (дата обращения: 31.08.2025).

2. В Астане открывается форум безопасности СЕАП // НАТО. 2009. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_55792.htm (дата обращения: 21.08.2025).

3. В Брюсселе проходит заседание Совета Россия–НАТО // НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_190643.htm (дата обращения: 31.08.2025).

4. Информационное бюро НАТО в Москве // НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/79469.htm (дата обращения: 15.01.2025).

5. Корабли и самолеты стран НАТО патрулируют Черное море // НАТО. 2021. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_180887.htm (дата обращения: 16.01.2025).

6. НАТО. Справочник // Бюро информации и печати НАТО. Брюссель. 1996.

7. Основной документ Совета Евроатлантического партнерства // Дипломатический вестник. 1997. № 7. URL: https://docs.cntd.ru/document/901884888 (дата обращения: 21.08.2025).

8. Основополагающий акт о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности между Российской Федерацией и Организацией североатлантического договора // НАТО. 1997. URL:

https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25468.htm (дата обращения: 08.01.2024).

9. Отношения с Россией // НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_50090.htm (дата обращения: 31.08.2025).

10. Программа «Партнерство ради мира». Саммит НАТО-94, Брюссель. 10 января 1994 г. // Управление информации и прессы НАТО. Брюссель, Бельгия. 8 с.

11. Путеводитель по материалам саммита в Вашингтоне // НАТО. 1999. URL: https://www.nato.int/docu/other/ru/2000/wash-sum-ru.pdf (дата обращения: 21.08.2025).

12. Рамочный документ о создании комиссии НАТО-Грузия // НАТО. URL: http://www.nato.int/cps/ru/natolive/news_46406.htm (дата обращения: 01.03.2025).

13. Совет Евроатлантического партнерства (справочная информация) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2007. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1685496/ (дата обращения: 21.08.2025).

14. Стратегическая концепция НАТО 2022 г. // НАТО. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2022/6/pdf/290622-strategic-concept-ru.pdf (дата обращения: 19.08.2024).

15. Структура НАТО // НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/structure.htm (дата обращения: 15.01.2025).

16. Хартия об особом партнерстве между Организацией Североатлантического договора и Украиной // НАТО. 1997. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/official_texts_25457.htm (дата обращения: 08.01.2024).

17. Active Engagement, Modern Defence // North Atlantic Treaty Organization. 2010. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68580.htm (дата обращения: 07.01.2024).

18. Brussels Summit Communiqué // North Atlantic Treaty Organization. 2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_185000.htm (дата обращения: 11.12.2022).

19. Brussels Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2018. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_156624.htm (дата обращения: 11.12.2022).

20. Bucharest Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2008. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_8443.htm (дата обращения: 11.12.2022).

21. Chicago Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2012. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_87593.htm (дата обращения: 11.12.2022).

22. Contact Point Embassies in Partner Countries // North Atlantic Treaty Organization. 2023. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49190.htm (дата обращения: 09.07.2023).

23. Declaration of the Heads of State and Government // North Atlantic Treaty Organization. 1994. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_24470.htm (дата обращения: 11.12.2022).

24. Declaration on a Transformed North Atlantic Alliance // North Atlantic Treaty Organization. 1990. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23693.htm (дата обращения: 11.12.2022).

25. Declaration on Peace and Cooperation // North Atlantic Treaty Organization. 1991. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23846.htm (дата обращения: 11.12.2022).

26. Enlargement and Article 10 // North Atlantic Treaty Organization. 2024. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49212.htm (дата обращения: 24.08.2024).

27. Euro-Atlantic Disaster Response Coordination Centre // North Atlantic Treaty Organization. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/topics_52057.htm (дата обращения: 21.08.2025).

28. Euro-Atlantic Partnership Council // North Atlantic Treaty Organization. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_49276.htm (дата обращения: 14.12.2024).

29. Individual Partnership Action Plans // North Atlantic Treaty Organization. 2024. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/topics_49290.htm (дата обращения: 23.01.2025).

30. Istanbul Summit Communiqué // North Atlantic Treaty Organization. 2004. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_21023.htm (дата обращения: 11.12.2022).

31. Lisbon Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2010. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_68828.htm (дата обращения: 11.12.2022).

32. London Declaration Issued by the Heads of State and Government participating in the meeting of the North Atlantic Council in London // North Atlantic Treaty Organization. 2019. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_171584.htm (дата обращения: 17.08.2025).

33. Madrid Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 1997. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_25460.htm (дата обращения: 11.12.2022).

34. Madrid Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_196951.htm (дата обращения: 11.12.2022).

35. Multinational corps south-east. Sibiu, Romania. URL: https://mncse.ro/ (дата обращения: 20.01.2025).

36. NATO activates new Multinational Division Southeast headquarters in Bucharest // North Atlantic Treaty Organization. 2025. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_125356.htm (дата обращения: 20.01.2025).

37. NATO Days in Georgia highlight public diplomacy // North Atlantic Treaty Organization. 2018. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_155003.htm (дата обращения: 09.07.2023).

38. NATO Foreign Ministers agree to enhance security in the Black Sea region // North Atlantic Treaty Organization. 2019. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_165253.htm (дата обращения: 05.01.2025).

39. NATO member countries // North Atlantic Treaty Organization. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_52044.htm (дата обращения: 27.04.2024).

40. NATO's partnerships // North Atlantic Treaty Organization. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_84336.htm (дата обращения: 14.12.2024).

41. NATO-Russia Relations: A New Quality // North Atlantic Treaty Organization. 2002. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_19572.htm (дата обращения: 11.12.2022).

42. NATO 2030: United for a New Era // NATO. 2020. URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/12/pdf/201201-Reflection-Group-Final-Report-Uni.pdf (дата обращения: 03.12.2023).

43. North Atlantic Cooperation Council (1991–1997) // North Atlantic Treaty Organization. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/topics_69344.htm (дата обращения: 14.01.2024).

44. Partnership for Peace. Framework Document // North Atlantic Treaty Organization. URL: http://www.nato.int/docu/comm/49-95/c940110b.com (дата обращения: 17.12.2024).

45. Prague Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2002. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_19552.htm (дата обращения: 11.12.2022).

46. Relations with Georgia // North Atlantic Treaty Organization. 2024. URL: https://www.nato.int/cps/on/natohq/topics_38988.htm (дата обращения: 24.01.2025).

47. Riga Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2006. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_37920.htm (дата обращения: 11.12.2022).

48. Safe skies: 60 years of NATO Air Policing // North Atlantic Treaty Organization. 2021. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/news_185683.htm (дата обращения: 05.01.2025).

49. Signatures of Partnership for Peace Framework Document // North Atlantic Treaty Organization. URL: http://www.nato.int/pfp/sig-cntr.htm (дата обращения: 17.12.2024).

50. Statement // North Atlantic Treaty Organization. 2005. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_21738.htm (дата обращения: 11.12.2022).

51. Statement by NATO Heads of State and Government // North Atlantic Treaty Organization. 2022. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_193719.htm (дата обращения: 11.12.2022).

52. Statement of the NATO-Ukraine Commission // North Atlantic Treaty Organization. 2019. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_170408.htm (дата обращения: 11.12.2022).

53. Steadfast Defender // North Atlantic Treaty Organization. 2021. URL: https://shape.nato.int/steadfast-defender (дата обращения: 05.01.2025).

54. Strasbourg / Kehl Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2009. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/news_52837.htm (дата обращения: 11.12.2022).

55. Study on NATO Enlargement. Chapter 3 – How NACC and PfP Can Contribute Concretely to the Enlargement Process // North Atlantic Treaty Organization. URL: http://www.nato.int/docu/basictxt/enl-9504.html (дата обращения: 13.12.2024).

56. The Alliance's New Strategic Concept // North Atlantic Treaty Organization. 1991. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_23847.htm (дата обращения: 07.01.2024).

57. The Alliance's Strategic Concept // North Atlantic Treaty Organization. 1999. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27433.htm (дата обращения: 07.01.2024).

58. The North Atlantic Treaty // North Atlantic Treaty Organization. 1949. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_17120.htm (дата обращения: 07.01.2024).

59. Wales Summit Declaration // North Atlantic Treaty Organization. 2014. URL: https://www.nato.int/cps/en/natolive/official_texts_112964.htm (дата обращения: 11.12.2022).

60. Warsaw Summit Communiqué // North Atlantic Treaty Organization. 2016. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_133169.htm (дата обращения: 11.12.2022).

61. Washington Summit Communiqué // North Atlantic Treaty Organization. 1999. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/official_texts_27440.htm (дата обращения: 11.12.2022).

62. 360°– NATO: Mobilization on all Fronts. URL: https://nato2030.intsecurity.org/wp-content/uploads/2020/11/360%C2%B0-NATO_-Mobilization-on-all-Fronts.pdf (дата обращения: 20.08.2024).

1.2. Государственные акты и международные многосторонние документы

1. Военная доктрина Российской Федерации. 21 апреля 2000 г. // Независимая газета. 2000.

2. Договор между Российской Федерацией и Республикой Абхазия о союзничестве и стратегическом партнерстве // Официальный сайт Президента России. 2014. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/4783 (дата обращения: 01.05.2024).

3. Договор между Украиной и Румынией о режиме украинско-румынской государственной границы, сотрудничестве и взаимной помощи по пограничным вопросам (г. Черновцы, 17 июня 2003 г.). URL: https://continent-online.com/Document/?doc_id=33571943#pos=0;0 (дата обращения: 16.08.2025).

4. Договор о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний // Действующее международное право в 3 т. Т. 2. М.: МНИМП. 1996. URL: https://docs.cntd.ru/document/1902054 (дата обращения: 17.08.2025).

5. Договор о коллективной безопасности // ОДКБ. URL: https://odkb-csto.org/documents/documents/dogovor_o_kollektivnoy_bezopasnosti/ (дата обращения: 27.04.2024).

6. Закон от 21.03.2014 г. № 6-ФКЗ о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/38220 (дата обращения: 20.12.2022).

7. Комментарий Департамента информации и печати МИД России в связи с военными учениями НАТО – Грузия // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/maps/ge/1538169/ (дата обращения: 01.03.2025).

8. Конвенция о режиме проливов // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/901884247 (дата обращения: 06.09.2025).

9. Конституция Российской Федерации (12 декабря 1993) // Официальный сайт Государственной Думы. URL: http://duma.gov.ru/legislative/documents/constitution/ (дата обращения: 02.10.2022).

10. Концепция внешней политики Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. 2016. URL: http://static.kremlin.ru/media/acts/files/0001201612010045.pdf (дата обращения: 07.01.2025).

11. Концепция национальной безопасности Грузии (2005 г). URL: https://civil.ge/ru/archives/178711 (дата обращения: 27.05.2023).

12. Концепция национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 17 декабря 1997 г. № 1300). URL: https://www.armscontrol.ru/start/rus/docs/snconold.htm (дата обращения: 24.11.2024).

13. Меморандум о гарантиях безопасности в связи с присоединением Украины к Договору о нераспространении ядерного оружия // Электронный архив Министерства иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/upload/medialibrary/fe3/%D0%B1.%D0%BC%D0%B5%D0%BC%D0%BE%D1%80%D0%B0%D0%BD%D0%B4%D1%83%D0%BC.pdf (дата обращения: 28.04.2024).

14. НАТО // Министерство иностранных дел Грузии. URL: https://mfa.gov.ge/nato (дата обращения: 24.01.2025).

15. Об отношениях Россия–НАТО // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/nato/1560612/ (дата обращения: 31.08.2025).

16. О ратификации Государственной Думой Федерального Собрания России Соглашения о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия // Министерство иностранных дел Российской Федерации. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/bleksifor/1651753/ (дата обращения: 04.08.2024).

17. О ходе ратификации Соглашения о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия (ЧВМГ) // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2002. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/bleksifor/1734695/ (дата обращения: 04.08.2024).

18. Об утверждении Концепции национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента Российской Федерации от 17.12.1997 № 1300. URL:

https://legalacts.ru/doc/ukaz-prezidenta-rf-ot-17121997- n-1300/ (дата обращения: 26.11.2022).

19. Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области военно-морской деятельности на период до 2030 г.: Указ Президента Российской Федерации от 20.07.2017 № 327 // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/acts/bank/42117 (дата обращения: 27.11.2022).

20. Отношения Грузии с НАТО // Министерство иностранных дел Грузии. URL: https://mfa.gov.ge/ka/nato/232016-saqartvelo-nato-s-urtiertobebi (дата обращения: 23.01.2025).

21. Отношения между Россией и НАТО // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2005. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/1685524/ (дата обращения: 26.03.2025).

22. Соглашение о принципах урегулирования грузинско-осетинского конфликта // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/1902246 (дата обращения: 16.08.2025).

23. Соглашение о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: https://docs.cntd.ru/document/901838481 (дата обращения: 04.08.2024).

24. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года // Официальный сайт Президента России. 2009. URL: http://www.kremlin.ru/supplement/424 (дата обращения: 27.11.2022).

25. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 о Стратегии национальной безопасности Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046 (дата обращения: 20.12.2022).

26. Указ Президента Российской Федерации от 11.07.2004 г. № 865 Об утверждении Положения о Министерстве иностранных дел Российской

Федерации // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/21107 (дата обращения: 02.10.2022).

27. Указ Президента Российской Федерации от 12.02.2013 г. № 251 о Концепции национальной безопасности Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf (дата обращения: 02.10.2022).

28. Указ Президента Российской Федерации от 15.07.2008 г. № 1440 о Концепции национальной безопасности Российской Федерации // Официальный сайт Президента России. URL: http://kremlin.ru/acts/news/785 (дата обращения: 02.10.2022).

29. Указ Президента Российской Федерации от 17.03.2014 г. № 147 о признании Республики Крым // Официальный сайт Президента России. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/38202 (дата обращения: 20.12.2022).

30. Декларація про державний суверенітет України // Верховна Рада Української РСР. Київ, 1990. URL: https://zakon.rada. gov.ua/cgi-bin/laws/main.cgi?nreg=55-12 (дата обращения: 17.02.2023).

31. Хронологія відносин Україна-НАТО // Міністерство закордонних справ України. URL: https://ukraine-nato.mfa.gov.ua/ua/ukrainenato/relations (дата обращения: 09.01.2023).

32. BLACKSEAFOR // Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Turkey. URL: https://www.mfa.gov.tr/blackseafor.en.mfa (дата обращения: 04.08.2024).

33. Coast guard // Ministry of Internal Affairs. Border Police of Georgia. URL: https://bpg.gov.ge/en/page/border-police/coast-guards (дата обращения: 01.03.2025).

1.3. Выступления и заявления официальных лиц

1. Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности // Официальный сайт Президента России. 2007. URL:

http://special.kremlin.ru/events/president/transcripts/24034 (дата обращения: 04.07.2025).

2. Кравчук объяснил, почему Украине не нужно ядерное оружие // Украина.ру. 2017. URL: https://ukraina.ru/news/20170227/1018343104.html (дата обращения: 17.02.2023).

3. Ответ официального представителя МИД России А. В. Яковенко на вопрос российских СМИ в связи с ратификацией Государственной Думой Федерального Собрания России Соглашения о создании Черноморской военно-морской группы оперативного взаимодействия // Министерство иностранных дел Российской Федерации. 2002. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/rso/bleksifor/1651769/ (дата обращения: 04.08.2024).

4. Проблемы острова Змеиный должны решаться на госуровне, заявляет Ющенко // РИАН. URL: https://rian.com.ua/ukraine_news/20071106/77803872.html (дата обращения: 12.08.2023).

5. Эдуард Шеварднадзе подтвердил намерение Грузии вступить в НАТО // Первый канал. 2002. URL: https://www.1tv.ru/news/2002-11-06/259485-eduard_shevardnadze_podtverdil_namerenie_gruzii_vstupit_v_nato (дата обращения: 16.04.2023).

6. Press conference by NATO Secretary General Jens Stoltenberg following the meeting of the North Atlantic Council at the level of Defence Ministers // North Atlantic Treaty Organization. 2017. URL: https://www.nato.int/cps/en/natohq/opinions_141340.htm (дата обращения: 05.01.2025).

2. Доклады и отчеты экспертно-аналитических центров и институтов

1. Большое Причерноморье: на перекрёстках сотрудничества и конфликтов: монография // М.: Ин-т Европы РАН, 2018. 148 с.

2. Публичная дипломатия великих и региональных держав в Средиземноморско-Черноморском регионе // Институт Европы РАН. 2022. URL: https://www.instituteofeurope.ru/nauchnaya-zhizn/novosti/item/22102022 (дата обращения: 15.01.2025);

3. Adzinbaia Z. NATO in the Black Sea: What to Expect Next? // Research Paper Research Division. NATO Defense College, Rome. № 141. 2017.

4. Bechev D. Rival power: Russia's influence in Southeast Europe // Yale University Press, New Haven. 2017.

5. Bugajski J., Doran P. Black Sea Defended, NATO Responses to Russia's Black Sea Offensive // Center for European Policy Analysis. Black Sea Strategic Report № 2. 2016. URL: https://www.cepa.org/black-sea-defended (дата обращения: 09.06.2025).

6. Bugajski J., Doran P. B. Black Sea rising: Russia's strategy in Southeast Europe // Center for European Policy Analysis. Black Sea Strategic Report № 1. Washington, DC. 2016. URL: http://cepa.org/sites/default/files/Black%20Sea%20Rising.pdf (дата обращения: 09.06.2025).

7. Chivvis C. S. Understanding Russian "Hybrid Warfare" and What Can Be Done about It // RAND Corporation. 2017. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/testimonies/CT400/CT468/RAND_CT468.pdf. (дата обращения: 10.11.2022).

8. Flanagan S. J., Binnendijk A., Chindia I. A., Castello K., Kirkwood G., Massicotte D., Reach C. Russia, NATO, and Black Sea Security // RAND Corporation. 2020. 195 p.

9. Hodges B., Horrell S., Kuz I. Russia's Militarization of the Black Sea: Implications for the United States and NATO // Center for European Policy Analysis. 2022. URL: https://cepa.org/comprehensive-reports/russias-militarization-of-the-black-sea-implications-for-the-united-states-and-nato (дата обращения: 15.12.2022).

10. Horrell S. NATO strategy in the Black Sea Region // Atlantic Council, Brent Scowcroft Center on International Security. 2016. URL: https://www.jstor.org/stable/resrep03475 (дата обращения: 02.10.2022).

11. NATO and Russia in the Black Sea: A New Confrontation? URL: https://www.csis.org/analysis/nato-and-russia-black-sea-new-confrontation (дата обращения: 25.11.2022).

12. NATO Needs a Strategy for Countering Russia in the Arctic and the Black Sea // Chatham House. URL: https://www.chathamhouse.org/2018/07/nato-needs-strategy-countering-russia-arctic-and-black-sea (дата обращения: 02.03.2025).

13. Romanyshyn I. Ukraine, NATO and the Black Sea // The Research Division of the NATO Defense College. № 1. 2023. URL: https://www.aia-nrw.org/app/uploads/2023/01/I.Romanyshyn_Paper_01.23.pdf (дата обращения: 08.03.2025).

14. Shlapak D., Johnson M. Reinforcing deterrence on NATO's Eastern flank: wargaming the defense of the Baltics // RAND Corporation. 2016.

15. Stroinski P. The Shifting Geography of the South Caucasus // Carnegie Endowment for International Peace. 2022. URL: https://carnegieendowment.org/2021/06/23/shifting-geography-of-southcauca-sus-pub-84814 (дата обращения: 07.10.2023).

16. The Militarization of the Black Sea After the Annexation of Crimea // Chatham House. URL: https://www.chathamhouse.org/events/all/members-event/militarization-black-sea-after-annexation-crimea (дата обращения: 02.03.2025).

3. Материалы СМИ

1. Военно-морские учения Sea Breeze. Досье // ТАСС. URL: https://tass.ru/info/3464668 (дата обращения: 21.08.2025).

2. В Грузии начинаются учения НАТО «Достойный партнер – 2017» // Независимая газета. 2017.

3. В НАТО случайно раскрыли места размещения ядерных бомб США в Европе // РБК. 2024. URL: https://www.rbc.ru/politics/17/07/2019/5d2eacb69a794752ed763349 (дата обращения: 05.05.2024).

4. В Совфеде назвали причину размещения Ту-22М3 в Крыму // ТАСС. 2019. URL: https://tass.ru/politika/6230800 (дата обращения: 21.08.2025).

5. Грузия открыла военные учения «Немедленный ответ-2008» // Известия. 2008. URL: https://web.archive.org/web/20160306081941/http://izvestia.ru/news/430035 (дата обращения: 17.01.2025).

6. История сотрудничества НАТО-Грузия // Информационный центр по НАТО и ЕС. URL: https://infocenter.gov.ge/nato-georgia/nato-georgia-history/ (дата обращения: 24.01.2025).

7. Кондратенко Н. НАТО усилит патрулирование в Черноморском регионе // Deutsche Welle. 2020. URL: https://www.dw.com/uk/нато-посилить-патрулювання-в-чорноморському-регіоні/a-54115896 (дата обращения: 07.01.2025).

8. Кречетников А. Как расширялась НАТО: геополитика и психология // BBC. 2014. URL: https://www.bbc.com/russian/international/2014/03/140328_nato_enlargement_jubilee (дата обращения: 17.08.2025).

9. МИД РФ: Украина не будет продлевать срок пребывания ЧФ РФ в Крыму // Аргументы и факты. 2008. URL: https://aif.ru/politics/world/217868 (дата обращения: 23.02.20025).

10. Минобороны Румынии сообщило о поступлении второго комплекса ЗРК Patriot на вооружение ВВС // ТАСС. 2023. URL: https://tass.ru/armiya-i-opk/16989089 (дата обращения: 21.08.2025).

11. Насколько страны НАТО увеличили расходы на оборону. Инфографика // РБК. 2025. URL:

https://www.rbc.ru/politics/13/02/2025/67a256929a79477d6f42cadb (дата обращения: 23.03.2025).

12. НАТО сократила состав миссии РФ при альянсе из-за дела Скрипаля // ТАСС. 2018. URL: https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/5071662 (дата обращения: 31.08.2025).

13. Черноморский регион: геополитическая дилемма или высокоприоритетное пространство? // BlackSeaNews. 2011. URL: https://www.blackseanews.net/read/18263 (дата обращения: 16.01.2025).

14. Ядерное разоружение Украины – как это было // Новости ООН. 2014. URL: https://news.un.org/ru/audio/2014/01/1021331 (дата обращения: 28.04.2024).

15. «Россия будет находиться в состоянии конфронтации с Западом еще довольно длительное время». Дмитрий Тренин // Коммерсантъ. 2021. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4838065 (дата обращения: 25.03.2025).

16. Із спільної заяви Комісії Україна – НАТО // Укринформ. Київ, 2019. URL: https://www.ukrinform.ua/rubric-polytics/2809699-spilna-zaava-komisii-ukraina-nato.html (дата обращения: 09.01.2023).

17. Лавренюк П. Україна-НАТО: особливе партнерство в особливий період // Укринформ. URL: https://www.ukrinform.ua/rubric-polytics/2261180-ukrainanato-osoblive-partnerstvo-vosoblivij-period.html (дата обращения: 09.01.2023).

18. Три дні фрегату «Гетьман Сагайдачний» в операцій НАТО «Океанський щит». URL: https://navy.mil.gov.ua/elementy-operatsij-nato-okeanskyj-shhyt-ta-yes-atalanta/ (дата обращения: 09.01.2023).

19. У Львівській області почалися щорічні українсько-американські військові навчання. 16.09.2019. URL: https://opk.com.ua/y-львівській-області-почалися-щорічн/ (дата обращения: 17.01.2025).

20. Annual National Programme. URL: https://infocenter.gov.ge/en/nato-en/connection-tools-en/annual-national-programme/ (дата обращения: 01.03.2025).

21. Assessing threats to U.S. vital interests. Russia. URL: https://www.heritage.org/militarystrength/assessing-threats-us-vital-interests/russia (дата обращения: 27.11.2022).

22. Biden lays out foreign policy vision // Deutsche Welle. 2020. URL: https://www.dw.com/en/joe-biden-lays-out-foreign-policy-vision-america-is-back/a-55715379 (дата обращения: 05.01.2025).

23. Chivvis S. Ch. Admitting Ukraine to NATO would be a mistake for both Ukraine and NATO // The Guardian. URL: https://www.theguardian.com/commentisfree/article/2024/jun/20/ukraine-nato-membership (дата обращения: 25.03.2025).

24. Did NATO ‘betray’ Russia by expanding to the East? // France24. URL: https://www.france24.com/en/russia/20220130-did-nato-betray-russia-by-expanding-to-the-east (дата обращения: 24.08.2024).

25. Exercise Saber Guardian 2017 to Take Place in July. URL: http://www.army.mil/article/188997 (дата обращения: 10.06.2025).

26. Exercise Sea Breeze Underway in the Black Sea // Seapower Magazine. URL: https://seapowermagazine.org/exercise-sea-breeze-underway-in-the-black-sea/ (дата обращения: 17.01.2025).

27. Goncharenko R. NATO steps up naval presence on the Black Sea // Deutsche Welle. URL: https://www.dw.com/en/nato-steps-up-naval-presence-on-the-black-sea/a-47732883 (дата обращения: 22.11.2022).

28. Hill F. What Putin's Plotting – and How to Stop Him // The Octavian Report. 2022. URL: https://octavian.substack.com/p/fiona-hill-on-russia-and-ukraine (дата обращения: 25.03.2025).

29. Kennan G. F. A Fateful Error // The New York Times. 1997. URL: https://www.nytimes.com/1997/02/05/opinion/a-fateful-error.html (дата обращения: 17.08.2025).

30. Kissinger H. How the Ukraine crisis ends // The Washington Post. URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/henry-kissinger-to-settle-the-ukraine-crisis-

start-at-the-end/2014/03/05/46dad868-a496-11e3-8466-d34c451760b9_story.html (дата обращения: 22.03.2023).

31. Mearsheimer J. Why the Ukraine Crisis Is the West's Fault // Foreign Affairs. 2014. URL: https://www.foreignaffairs.com/articles/russia-fsu/2014-08-18/why-ukraine-crisis-west-s-fault (дата обращения: 17.08.2025).

32. NATO Days in Georgia // Report.ge. 2019. URL: https://report.ge/en/politics/nato-days-ingeorgia/ (дата обращения: 09.07.2023).

33. NATO in the Black Sea. 2019. URL: https://natoassociation.ca/nato-in-the-black-sea/ (дата обращения: 05.01.2025).

34. NATO-Georgia Commission. URL: https://infocenter.gov.ge/nato/connection-tools/nato-saqarthvelos-komisia/ (дата обращения: 01.03.2025).

35. Sea Breeze 1997–1999 // Global Security. URL: https://www.globalsecurity.org/military/ops/sea-breeze-97-99.htm (дата обращения: 17.01.2025).

36. Sea Breeze 2011–2019 // Global Security. URL: https://www.globalsecurity.org/military/ops/sea-breeze-10-19.htm (дата обращения: 17.01.2025).

37. U.S. presses allies to raise defense spending after Ukraine // Reuters. URL: https://www.reuters.com/article/2014/06/03/us-ukraine-crisis-nato-idUSKBN0EE2C320140603/ (дата обращения: 30.04.2024).

38. Why the Black Sea is such a flashpoint between the U.S. and Russia // NBC News. 2023. URL: https://www.nbcnews.com/news/world/black-sea-us-russia-flashpoint-drone-ukraine-war-rcna75269 (дата обращения: 25.03.2025).

4. Статистические материалы, рейтинги, индексы

1. Морские берега Крыма. URL: http://coast-crimea.ru/index.php/research/sea-coast-crimea (дата обращения: 29.04.2024).

2. Оборонные расходы стран НАТО (2014–2023 гг.) // НАТО. 2024. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_223304.htm (дата обращения: 23.03.2025).

3. Соотношение вооруженных сил в Черноморском регионе // РСМД. URL: https://russiancouncil.ru/blackseamilitary (дата обращения: 30.04.2024).

4. Military Expenditure Database // SIPRI. URL: https://www.sipri.org/databases/milex (дата обращения: 30.04.2024).

ЛИТЕРАТУРА

Литература на русском языке

1. Алексеева Ю. В. Эволюция взаимоотношений Российской Федерации и НАТО (1992–1999 гг.): автореферат на соискание уч. степ. кандидата исторических наук. Саратов, 2006. 26 с.

2. Алешина А. А. Доклад «НАТО 2030»: что ждать от альянса в наступившем десятилетии? // ИМЭМО РАН. 2020. URL: https://www.imemo.ru/news/events/text/doklad-nato-2030-chto-zhdaty-ot-alyyansa-v-nastupivshem-desyatiletii (дата обращения: 17.08.2025).

3. Антюхова Е. А. «Мягкая сила» как инструмент публичной дипломатии НАТО в условиях трансформации международных отношений в XXI веке / Е. А. Антюхова // Трансформация международных отношений в XXI веке (материалы международной научно-практической конференции). М.: Дипломатическая академия, 2018. С. 3–8.

4. Антюхова Е. А. Основные направления публичной дипломатии НАТО в эпоху глобализации / Е. А. Антюхова // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2016. № 3 (72). С. 21–27.

5. Антюхова Е. А. Формирование Стратегии НАТО в постбиполярный период / Е. А. Антюхова // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 17–24.

6. Арбатов А. Г. Расширение НАТО и национальные интересы России: доклад на конференции РОПЦ-Фонда Розы Люксембург / А. Г. Арбатов // Полития. 2006. № 2. С. 94–103.

7. Арзамаскин Ю. Н. Принцип историзма в научном исследовании / Ю. Н. Арзамаскин // Армия и общество. 2011. № 3 (27). С. 7–11.

8. Ахмедов А. А. Трансформация НАТО в условиях окончания «холодной войны»: диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.15. С-Пб., 2001. 158 с.

9. Баранов А. В. Изменения геополитического баланса сил в Причерноморье в условиях воссоединения Крыма с Россией / А. В. Баранов // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. № 2. С. 5–18.

10. Баранов А. В. Крымская региональная идентичность как ресурс легитимации воссоединения с Россией / А. В. Баранов // Научная мысль Кавказа. 2014. № 4. С. 51–60.

11. Баранов А. В. Трансформация сложносоставного конфликта в Крыму в условиях воссоединения региона с Россией: внутриполитические и внешнеполитические факторы / А. В. Баранов // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2015. Т. 11. № 4. С. 92–105.

12. Бартош А. А. Эволюция публичной дипломатии НАТО / А. А. Бартош // Дипломатическая служба. 2013. № 3. С. 6–11.

13. Бахриев Б. Х., Рустамова Л. Р. «Мягкая сила» военной организации: публичная дипломатия НАТО в Центральной Азии / Б. Х. Бахриев, Л. Р. Рустамова // Вестн. Том. гос. ун-та. 2020. № 458. С. 90–100.

14. Беблер А. НАТО и транснациональный терроризм / А. Беблер // Мировая экономика и международные отношения. М., 2006. № 10. С. 48–57.

15. Белькова А. А. Исторический институционализм – новое направление в исторических исследованиях / А. А. Белькова // Вестник БГУ. 2014. № 7–1. С. 117–121.

16. Белякова Н. С. Роль и место черноморского региона во внешней политике Турецкой Республики на современном этапе: дис ... канд. полит. наук / Белякова Нина Сергеевна. М., 2015. 142 с.

17. Бжезинский З. Великая шахматная доска: Господство Америки и ее геополитические императивы / Пер. О. Ю. Уральской / З. Бжезинский. М.: Междунар. отношения, 1999.

18. Биткова Т. Военные базы в Румынии: перспективы расширения и развития / Т. Биткова // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2020. № 58 (74). С. 12–16.

19. Буденный А. А. Эволюция стратегической концепции НАТО и фактор России / А. А. Буденный // EESJ. 2021. № 1–7 (65). С. 4–9.

20. Букарский В. Предательство Украины в обмен на НАТО. URL: http://www.komitet.net.ua/article/18617/ (дата обращения: 15.08.2023).

21. Быченко А. «Общественное мнение о НАТО и вступлении в него Украины» // Национальная безопасность и оборона, № 9 (81), 2006.

22. Волков М. В. НАТО и современные вызовы и угрозы Евроатлантической безопасности / М. В. Волков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2009. № 115. С. 43–50.

23. Высоцкий П. А. Геополитика Черноморского региона: ключевые проблемы на современном этапе / П. А. Высоцкий // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2024. Т. 26. № 3. С. 569–583.

24. Гаврила А. Роль Черноморского региона в региональном и глобальном контексте / А. Гаврила // Историческая и социально-образовательная мысль. 2017. Том. 9. № 1. Часть 2. С. 44–47.

25. Гаврила А. Черноморский регион во внешней политике Румынии: 1989–2016 гг.: диссертация ... кандидата исторических наук. М., 2018. 256 с.

26. Гаделия Д. Г., Ермолаев И. А., Стуруа М. Д. Антитеррористическая деятельность в Причерноморском регионе / Д. Г. Гаделия, И. А. Ермолаев, М. Д. Стуруа // Постсоветские исследования. 2021. № 4(6). С. 501–509.

27. Гансер Д. НАТО – секретные армии в Европе [пер. с англ. И. Фридмана]. М.: Европа, 2006. 104 с.

28. Гольцов А. Г. Региональный геополитический проект «Междуморье»: перспективы реализации / А. Г. Гольцов // Сравнительная политика. 2016. Т. 7. № 4. С. 95–107.

29. Горохов А., Васильев К. Договоренности о нерасширении НАТО на восток подтверждаются архивными источниками / А. Горохов, К. Васильев // Русская политология. 2022. № 1 (22). С. 30–40.

30. Гудиашвили Д. Интеграция в структуры НАТО – внешнеполитический приоритет Грузии / Д. Гудиашвили // CA&CC Press: Sweden. 2003. № 4 (28).

31. Гулько А., Васильев А. Новые аспекты военной доктрины НАТО // Зарубежное военное обозрение. 1992. № 1. 80 с.

32. Гущин А. В. Проблемы и перспективы урегулирования конфликта на Донбассе в 2014–2019 гг. / А. В. Гущин // Вишеградская Европа. Центрально европейский журнал. 2019. № 1–2 (I-II). С. 83–94.

33. Данилов Д. А. «Валлийская» стратегия НАТО: искусство перевоплощения / Д. А. Данилов // Обозреватель-Observer. 2015. № 4. С. 54–70.

34. Данилов Д. А. Кризис европейской системы безопасности: Украина на пути в НАТО / Д. А. Данилов // Международная жизнь. 2015. № 3. С. 87–104.

35. Данилов Ю. Д. Геополитический подход в изучении истории / Ю. Д. Данилов // Ученые записки Брестского государственного технического университета: гуманитарные науки = Scientific Proceeding of Brest State Technical University: The Humanities Sciences: сборник научных трудов / Министерство образования Республики Беларусь, Учреждение образования «Брестский государственный технический университет»; редкол.: М. В. Стрелец [и др.]. Брест: БрГТУ, 2020. Выпуск 2. С. 16–19.

36. Джексон Б., Асмус Р. Чёрное море и пределы свободы // Русская линия. Православное информационное агентство. URL: http://www.rusk.ru/st.php?idar=102145 (дата обращения: 25.07.2022).

37. Дибас О. А. Причерноморье в геополитических концептах современности / О. А. Дибас // Причерноморье в истории и современном развитии Российского государства: опыт интеграции: сб. науч. ст. / отв. ред. А. В. Баранов, В. В. Касьянов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. С. 288–292.

38. Долинский А. В. Современные механизмы сотрудничества в рамках публичной дипломатии: дис. ... канд. полит. наук. М. : МГИМО (У), 2011. 210 с.

39. Долинский А. В. Эволюция теоретических оснований публичной дипломатии / А. В. Долинский // Вестник МГИМО-Университета. 2011. № 2. С. 275–280.

40. Дюркалец Я. Европейская безопасность без ДРСМД // Весник НАТО. 2019. URL: https://www.nato.int/docu/review/ru/articles/2019/09/30/evropejskaya-bezopasnost-bez-drsmd/index.html (дата обращения: 21.08.2025).

41. Ефимов Н. Н. Политико-военные аспекты национальной безопасности России. М.: УРСС, 2006.

42. Жильцов С. С. Внешняя политика Украины: куда ведет страну В. Зеленский / С. С. Жильцов // Постсоветские исследования. 2021. № 3. С. 189–198.

43. Жильцов С. С. Политика России в Черноморском регионе: итоги и новые вызовы / С. С. Жильцов // Проблемы постсоветского пространства. 2019. № 6 (2). С. 149–164.

44. Завада А. А. Расширение Североатлантического альянса (НАТО) на Восток и политика Российской Федерации (90-е гг. XX в.) / А. А. Завада // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 9. С. 12–16.

45. Зепос Я.–А. Оглянитесь назад, чтобы увидеть будущее. О Стратегической концепции НАТО / Я.–А. Зепос // Международная жизнь. 2012. № 1. С. 21–35.

46. Зонн И. С., Жильцов С. С. Черноморский регион: новые очертания. М.: МГОУ, 2010.

47. Ибрагимов А. Г. ОДКБ как инструмент региональной безопасности / А. Г. Ибрагимов // Постсоветские исследования. 2019. № 4. С. 1158–1159.

48. Ильин М. В. Вводный очерк для Большого Средиземноморья // ResearchGate. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/338901203_Vvodnyj_ocerk_dla_Bolsogo_Sredizemnomora (дата обращения: 26.04.2023).

49. Ирхин А. А., Москаленко О. А. Черноморский регион в конкуренции геополитических проектов великих держав в 1991–2019 гг. / А. А. Ирхин, О. А. Москаленко // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2021. Т. 21. № 3. С. 498–516.

50. Ирхин А. А. Американский план «Большой Ближний Восток» и концепция «Стратегической глубины»: вызовы и возможности для российской внешней политики в Черноморско-Средиземноморском регионе / А. А. Ирхин // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432. С. 98–104.

51. Ирхин А. А., Москаленко О. А., Кабанова Н. Е., Демешко Н. Э. Имперское возрождение: соперничество и сотрудничество России и Турции в Черноморском регионе (политико-исторический анализ) // Регионология. 2023. № 2 (123). С. 214–237.

52. Ислямова Э. Э. Концептуальный анализ Черноморского региона в российских диссертациях по политическим наукам / Э. Э. Ислямова // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. Том 3 (69). 2017. № 2. С. 65–74.

53. Истомин И. А. Меняющаяся роль военно-политических альянсов после холодной войны / И. А. Истомин // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2024. № 1. С. 51–92.

54. Истомин И. А., Болгова И. В., Соколов А. П., Аватков В. А. «Знак качества» или «чёрная метка»? НАТО как маркер статуса государств // Вестник МГИМО-Университета. 2019. № 2. С. 57–85.

55. Истомин И. А., Болгова И. В., Сушенцов А. А., Ребро О. Логика эволюции НАТО: достижения и перспективы // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 1. С. 26–34.

56. Ишин А. В. О геополитической стратегии НАТО в Черноморском бассейне / А. В. Ишин // Проблемы постсоветского пространства. 2020. № 7(2). С. 219–226.

57. Кадомцев А. Конец договора СНВ – глобальные последствия // Международная жизнь. 2020. URL: https://interaffairs.ru/news/show/26920 (дата обращения: 21.08.2025).

58. Кадырбаев А. Ш. Потенциальные «горячие точки» в Черноморском регионе и Российская Федерация / А. Ш. Кадырбаев // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 13–20.

59. Казанчев Д. В. Трансформация НАТО в контексте формирования системы безопасности в Европе (1991–2013 гг.): диссертация … кандидата исторических наук : 07.00.15. М., 2013. 201 с.

60. Качалова Т. Г. Экологическая проблематика в деятельности НАТО: роль Комитета по вызовам современного общества / Т. Г. Качалова // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 1998. № 6. С. 13–16.

61. Ковальский Н. А. Черноморье: новые черты региональной безопасности / Н. А. Ковальский // Безопасность России: Черноморский регион. М., 1997. С. 17–28.

62. Ковальченко И. Д. Методы исторического исследования / И. Д. Ковальченко; Отделение историко-филологических наук. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2003. 486 с.: ил.

63. Козин В. Г. Расширение НАТО на Восток: как отреагирует России? М.: Наука и политика, 2002.

64. Козловская В. И. Геополитический подход и его роль в изучении всеобщей истории / В. И. Козловская // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2010. № 2. С. 64–71.

65. Коренев Е. С. Общественная дипломатия НАТО на постсоветском пространстве / Е. С. Коренев // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2013. № 1. С. 37–42.

66. Коренев Е. С. Публичная дипломатия НАТО в Средиземноморско-Черноморском регионе / Е. С. Коренев // Современная Европа. 2024. № 1. С. 53–63.

67. Котляр В. С. Черноморские проливы: арена сотрудничества или конфронтации? / В. С. Котляр // Московский журнал международного права. 1996. № 3. С. 79–91.

68. Котляр В. С. Международное право и современные стратегические концепции США и НАТО // М., Научная книга, 2007.

69. Крымов О. Операция ВМС Турции «Черноморская гармония» / О. Крымов // Зарубежное военное обозрение. 2007. № 1. С. 49–53.

70. Кудрявцев В. Д. Эволюция военной и политической стратегии Североатлантического альянса на современном этапе (2000–2008 гг.) в рамках европейской безопасности: автореферат диссертации на соиск. ученой степ. доктора ист. н. М.: Изд-во Дипломатической акад. МИД РФ, 2008.

71. Курылев К. П. Украина во внешнеполитической стратегии США / К. П. Курылев // Постсоветские исследования. 2018. № 3. С. 251–259.

72. Курылев К. П. Украинский кризис и международная безопасность. М.: Ленанд. 2018. 272 с.

73. Курылев К. П. Черноморский регион в концептуальных документах, определяющих военно-стратегические интересы России / К. П. Курылев // Парадигмы истории и общественного развития. 2021. № 23. С. 23–26.

74. Курылев К. П., Пархитько Н. П., Никулин М. А. Военно-морская сила России в Черноморском и Средиземноморском регионах // Постсоветские исследования. 2020. Т.3. № 1. С. 26–39.

75. Кучинская М. Е. Трансформация НАТО на современном этапе: политические аспекты. Монография / Под ред. д. и. н. Е. М. Кожокина; Рос. ин-т стратегич. исслед. М.: РИСИ, 2007. 200 с.

76. Лаврова Т. В. Черноморские проливы как геополитическая проблема современных международных отношений: дис ... докт. полит. наук / Лаврова Татьяна Владимировна. М., 2001. 291 с.

77. Лебедева М. М. Публичная дипломатия в урегулировании конфликтов / М. М. Лебедева // Международные процессы. 2015. Том 13. № 4(43). С.45–56.

78. Левченков А. С. Концепция Балто-Черноморской дуги и украинская внешняя политика (1990-е – начало 2000-х гг.) / А. С. Левченко // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2020. № 4. С. 89–108.

79. Малышев А. М. Новая Стратегическая концепция НАТО – программная установка на начало XXI века. М.: Стратегическая стабильность, 2002. 415 с.

80. Манойло А. В. Психологические операции: модели и технологии управления конфликтами / А. В. Манойло // ПОЛИТЭКС. 2008. № 3. С. 62–73.

81. Маркедонов С. М. Украинский кризис: воздействие на постсоветские конфликты / С. М. Маркедонов // Постсоветские исследования. 2019. № 2. С. 951–962.

82. Минчев М. П. Чёрное море как евразийский цивилизационный центр / М. П. Минчев // Причерноморье в истории и современном развитии Российского государства: опыт интеграции: сб. науч. ст. / отв. ред. А. В. Баранов, В. В. Касьянов. Краснодар: Кубанский гос. ун-т, 2017. С. 43–49.

83. Михайленко Е. Б., Вербицкая Т. В. Проблема сохранения Будапештского Меморандума как действенной гарантии ядерной безопасности / Е. Б. Михайленко, Т. В. Вербицкая // Электронное приложение к Российскому юридическому журналу. 2017. № 4. С. 22–37.

84. Москаленко О. А., Ирхин А. А., Кабанова Н. Е. Черноморский регион как пространство конфликта в дискурсе западных аналитических центров (2018–2021 гг.) // Регионология. 2022. № 2 (119). С. 258–277.

85. Най Д. С. Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск. 2006.

86. Никитин А. И. Усиление НАТО на восточных границах альянса и перспективы расширения НАТО на север / А. И. Никитин // Ежегодник Института

международных исследований Московского государственного института международных отношений (Университета) МИД России. 2016. № 1. С. 34–43.

87. Никитина Ю. А. ОДКБ и НАТО: проблемы взаимодействия / Ю. А. Никитина // Вестник МГИМО Университета. 2011. № 6. С. 26–27.

88. Николаев А. Военная доктрина НАТО на современном этапе / А. Николаев // Зарубежное военное обозрение. 1998. № 3. С. 2–5.

89. Никуличев Ю. В. «Прощай, оружие»: может ли Украина создать свой ядерный арсенал? / Ю. В. Никуличев // АПЕ. 2020. № 3. С. 144–159.

90. Оганесян Г. Грузия и НАТО / Г. Оганесян // 21-й век. 2010. № 4 (16) С. 109–121.

91. Орлов А. А. Отношения России с НАТО в контексте Стратегической концепции-2010 Североатлантического альянса / А. А. Орлов // Международная жизнь. 2011. № 3. С. 85–93.

92. Пархалина Т. Г. Отношения Россия – НАТО: изменение стратегии или тактический маневр? // Русский вопрос. 2001. № 2. URL: http://www.russkiivopros.com/?pag=one&id=197&kat=6&csl=30 (дата обращения: 20.07.2023).

93. Пархалина Т. Г. Что такое Совет евро-атлантического партнерства? // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 1997. № 2. С. 6–8.

94. Пеньков М. Ю. Влияние США и Западной Европы в восточно-европейском регионе / М. Ю. Пенькой // Мировая политика. 2017. № 2. С. 104–112.

95. Песцов С. К., Бобылев А. М. Мягкая сила в мировой политике: типология подходов к измерению и оценке / С. К. Песцов, А. М. Бобылев // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 3 (31). С. 42–53.

96. Примаков Е. М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: ИИК «Российская газета», 2009. 239 с.

97. Приходько О. В. США и политика партнерства НАТО / О. В. Приходько // США-Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 3. С. 37–52.

98. Романенко В. И. Новое геополитическое пространство черноморского региона в контексте российской национальной безопасности: политологический анализ: дис ... канд. полит. наук / Романенко Владимир Иванович. М., 2009. 275 с.

99. Савичева Е. М. Геополитический фактор во взаимодействии государств Средиземноморско-Черноморского ареала: проблемы и перспективы / Е. М. Савичева // Вестник РУДН. Серия: Всеобщая история. 2009. № 3. С. 80–84.

100. Самохин А. А. НАТО и формирование европейской безопасности в 90-е гг. XX в.: Средиземноморско-Черноморский регион : диссертация ... кандидата исторических наук : 07.00.03. Краснодар, 2002. 269 с.

101. Семенов В. С. Проблема интеграции Грузии в НАТО / В. С. Семенов // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. № 3. 2012. С. 160–170.

102. Симонов А. А. Новая стратегическая концепция НАТО / А. А. Симонов // Зарубежное военное обозрение. 2011. № 1. С. 3–8.

103. Смогла П. Н., Шаншиева С. В. Европейская безопасность в контексте отношений России и НАТО в Черноморском регионе в постбиполярный период / П. Н. Смогла, С. В. Шаншиева // Тамбов: Грамота, 2020. Том 13. Выпуск 2. С. 55–59.

104. Суляк С. Г. Молдавия и русский мир: возможно ли возвращение? / С. Г. Суляк // Русин. 2012. № 3 (29). С. 5–33.

105. Татлыоглу Э. Черноморский фактор в турецко-российских отношениях (2002–2023 гг.): дис … канд. ист. наук / Татлыоглу Эрман. М., 2024. 216 с.

106. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь // М.: Аквилон, 2014.

107. Тренин Д. «Россия будет находиться в состоянии конфронтации с Западом еще довольно длительное время» // Коммерсантъ. 2021. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4838065 (дата обращения: 25.03.2025).

108. Трунов Ф. О. Крайний Северный фланг НАТО: вопросы усиления военного присутствия / Ф. О. Трунов // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2018. № 51 (67). С. 5–7.

109. Трунов Ф. О. Наращивание присутствия НАТО в Восточной Европе: особенности и последствия / Ф. О. Трунов // АПЕ. 2017. № 3. С. 177–198.

110. Трунов Ф. О. Эволюция сил передового развертывания НАТО к середине 2022 г. / Ф. О. Трунов // РСМ. 2022. № 4 (117). С. 100–122.

111. Тупота О. М. Роль Черноморского региона в глобальной геостратегии США (1991–2013 гг.) / О. М. Тупота // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2015. Т. 1. № 4. С. 137–150.

112. Усов С. А. Политико-правовые проблемы Черноморского флота и Севастополя в контексте распада Российской империи и СССР (Историко-политологический анализ) : Дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.02 : М., 2003. 445 с.

113. Фененко А. В. Фактор тактического ядерного оружия в мировой политике / А. В. Фененко // Вестник Московского университета. Серия 25. Международные отношения и мировая политика. 2012. № 2. С. 35–61.

114. Швец А. Б. Геополитическая стабильность и вызовы Причерноморья / А. Б. Швец // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2018. № 2. С. 19–29.

115. Шляхтунов А. Г. Военно-политические отношения НАТО с Россией в краткосрочной перспективе / А. Г. Шляхтунов // ВАГШ ВС РФ. 2016.

116. Шляхтунов А. Г. Геополитика в начале XXI века: тенденции и перспективы развития / А. Г. Шляхтунов // ЦИВПЗС. 2016.

117. Шляхтунов А. Г. Развитие военной политики НАТО в начале XXI века и ее влияние на военную безопасность России // М.: ВАГШ ВС РФ. 2011. 300 с.

118. Штоль В. В. НАТО: динамика эволюции // М.: Научная книга, 2002. 416 с.

119. Штоль В. В. О новой стратегической концепции НАТО / В. В. Штоль // Обозреватель. 2010. № 8. С. 47–56.

120. Штоль В. В. Роль Крыма в прошлом и настоящем России / В. В. Штоль // Обозреватель – Observer. 2020. № 1 (360). С. 5–22.

121. Штоль В. В. Эволюция НАТО в реалиях глобализации : дис. ... д-ра полит. наук : 23.00.04 : М., 2004. 382 с.

122. Штоль В. В. Новая парадигма НАТО в эпоху глобализации. URL: http://observer.materik.ru/RAU_book/New_paradigma_NATO/Gl_2-1.htm (дата обращения: 26.03.2025).

123. Щетинин В. Д. Экономическая дипломатия. М.: Международные отношения. 2001.

124. Эшба Э. Д. Причерноморье: регион соперничества или сотрудничества? / Э. Д. Эшба // Современная Европа. 2014. № 2 (58). С. 69–80.

125. Эшба Э. Д. Региональное сотрудничество на Черном море: достижения, проблемы, перспективы / Э. Д. Эшба // Вестник МГИМО. 2013. № 6(33). С. 42–48.

126. Язькова А. А. Большое Причерноморье: проблемы геополитики и геоэкономики / А. А. Язькова // Современная Европа. 2016. № 3 (69). С. 147–148.

127. Язькова А. А. Проблемы формирования и развития региона / А. А. Язькова // Большое Причерноморье: геополитика и геоэкономика: Выступления участников круглого стола 8 июня 2016 г. М.: Институт Европы РАН. 2016. С. 1–10.

128. Язькова А. А. Регион Большого Причерноморья: возможности развития сотрудничества и источники противоречий / А. А. Язькова // Средиземноморье – Черноморье – Каспий: между Большой Европой и Большим Ближним Востоком. М., 2006.

129. Яскович Д. А. Эволюция стратегических концепций НАТО в постсоветский период: формирование стратегии продвижения на Восток / Д. А. Яскович // Манускрипт. 2017. № 7 (81). С. 210–214.

Литература на иностранных языках

130. Боровська А. В. Стратегічні комунікації: досвід НАТО // Стратегічні пріоритети. № 1 (34). 2015. С. 147–152.

131. Брежнєва Т. В. Реформування програми НАТО «Партнерство заради миру» як результат трансформації Альянсу: виклики та можливості для України // Стратегічні пріоритети. 2008. № 3. С. 185–191.

132. Брежнєва Т. В. Україна–НАТО: безпека через партнерство та співробітництво // Незалежний культурологічний часопис «Ї». URL: http://www.ji.lviv.ua/n77texts/77-zmist.htm (дата обращения: 09.01.2023).

133. Волович О. Політика Росії, Туреччини, США і ЄС в Чорноморсько-Каспійському регіоні: взаємодія і суперництво // Чорноморська безпека. 2008. Т. 1. № 7.

134. Гончаренко О. Чорноморсько-Каспійський регіон: регіональні структури безпеки та демократичний контроль // Чорноморська безпека. 2005. № 1. С. 3–9.

135. Губанов А. С. Політика безпеки Туреччини в Чорному морі: військово-морський аспект регіональної співпраці та конкуренції // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. Серія: Філософія. Культурологія. Політологія. Соціологія. 2014. Т. 27 (66). № 1–2. С. 308–319.

136. Гуцал С. Публічна дипломатія та стратегічні комунікації: визначення концептуальних основ // Міжнародні відносини. Серія «Політичні науки», № 9. 2015. URL: http://journals.iir.kiev.ua/index.php/pol_n/article/viewFile/2769/2473 (дата обращения: 09.06.2025).

137. Левик Б. Концепція балто-чорноморського союзу і пострадянський простір // Схід. 2014. № 5 (131). С. 80–84.

138. Максименко Л. Проблеми безпеки та політичної стабільності у Чорноморсько-Каспійському регіоні: генезис та еволюція конфліктів (на прикладі Таджикистану, Киргизії, Узбекистану) // Дослідження світової політики. 2005. № 33. С. 136–149.

139. Навроцький А. Вплив реалізації програми «Партнерство заради миру» на процес розширення НАТО // Вече № 4. 2011. URL: https://veche.kiev.ua/journal/2428/ (дата обращения: 17.12.2024).

140. Почепцов Г. Г. Стратегічні комунікації: стратегічні комунікації в політиці, бізнесі та державному управлінні // Київ: Альтерпрес, 2008.

141. Тодоров І. Історичні, геополітичні та політико-правові засади співробітництва України та НАТО // Незалежний культурологічний часопис «Ї». URL: https://www.ji.lviv.ua/n77texts/Zasady_spivrobitnyctva.htm (дата обращения: 09.01.2023).

142. Чорноморський регіон у світовій політиці: актори, чинники, сценарії майбутнього: монографія / колектив авторів; за заг. ред. О. І. Брусиловської, В. А. Дубовика, І. М. Коваля // Одеса: Одес. нац. ун-т ім. І. І. Мечникова, 2020. 176 с.

143. Anastasov P. The Black Sea region: A critical intersection // NATO Review. URL: https://www.nato.int/docu/review/articles/2018/05/25/the-black-sea-region-a-critical-intersection/index.html (дата обращения: 28.11.2022).

144. Asmus R. Developing a New Euro-Atlantic Strategy for the Black Sea Region // Insight Turkey. 2004. Vol. 6. № 3. P. 43–65.

145. Istomin I. The Future of NATO: Trade-Offs and Possible Scenarios // International Discussion Club Valdai. 2018. URL: http://valdaiclub.com/files/20891/ (дата обращения: 28.11.2022).

146. Asmus R. D. Rebuilding the Atlantic alliance // Foreign affairs. N. Y., 2003. Vol. 82. № 5. P. 20–31.

147. Asmus R. The Euro-Atlantic Black Sea Region // Russia in Global Affairs. 2007. № 5(3). P. 66–77.

148. Aydin M. Europe's Next Shore: The Black Sea Region after EU Enlargement // EU Institute for Security Studies Occasional Papers. 2004. № 53. P. 1–37.

149. Bezhitashvili T., Scott J. G. NATO–Russia Clash over the Pro-Western Post-Soviet Republics // Journal in Humanities. 2022. № 1. URL:

https://jh.ibsu.edu.ge/jms/index.php/SJH/article/view/478 (дата обращения: 09.06.2025).

150. Buzan B., Woever O. An Inter-Regional Analysis: NATO‘s New Strategic Concept and the Theory of Security Complexes // Bound to Cooperate. Europe and the Middle East, Bertelsman Foundation Publishers, Gütersloh. 2000. P. 55–106.

151. Celac S., Cropsey S., Dungaciu D. Why the Black Sea Matters // New Strategy Center – Hudson Institute Center for American Seapower. 2017.

152. Coffee L., Sadler B. U.S. Leadership Needed to Improve Maritime Security in the Black Sea and the Sea of Azov // The Heritage Foundation. 2021. № 3614. P. 1–17.

153. Coops C. The Role of the Wider Black Sea Area (WBSA) in a Future European Security Space // Academic Research Branch – NATO Defense College. 2005. № 24. P. 2–3.

154. Cross S. NATO–Russia Security Challenges in the Aftermath of Ukraine Conflict: Managing Black Sea Security and Beyond // Southeast European and Black Sea Studies. 2015. Vol. 15. № 2. P. 151–177.

155. Duffield J. S. NATO’s Functions after the Cold War // Political Science Quarterly. 1994. V. 109. № 5. P. 763–787.

156. Fedunyak S. The Black Sea Region in NATO's Strategy of the First Third of the 21th Century. 2020. URL: https://institutedd.org/blog/posts/the-black-sea-region-in-natos-strategy-of-the-first-third-of-the-21th-century (дата обращения: 20.08.2024).

157. Garding S. Romania: an overview // Congressional Research Service Report. 2022.

158. Grieco J. M. Anarchy and the Limits of Cooperation: A Realist Critique of the Newest Liberal Institutionalism // International Organization. 1988. Vol. 42.

159. Guchua A. NATO regional approaches to missile defense – in the context of Black Sea security // Ante Portas – Security Studies. 2020, № 2(15).

160. Hendrickson R. Diplomacy and War at NATO: The Secretary General and Military Action After the Cold War // Missouri: University of Missouri Press, 2006. 175 p.

161. Hlatky S. NATO's Public Diplomacy in the Grey Zone of Conflict // USC Center on Public Diplomacy. 2016. URL: https://uscpublicdiplomacy.org/blog/nato's-public-diplomacygrey-zone-conflict (дата обращения: 09.07.2023).

162. Iskandarov K., Simons G., Gawliczek P. The South Caucasus: Stage for a 'New Great Game' between NATO and Russia? // The Quarterly Journal. 2019. Vol. 18, № 3–4. P. 7–34.

163. Ismailov E., Papava V. The Heartland Theory and the Present-Day Geopolitical Structure of Central Eurasia // Central Asia-Caucasus Institute & Silk Road Studies. SSRN Electronic Journal. 2010. P. 84–102.

164. Jackson B. The Archaeology of Modern Europe in Strategic Issues Review // NATO Studies Center (Bucharest, RO), 2004.

165. Kamp K.-H., Reisinger H. NATO's Partnerships After 2014: Go West! // NATO Research Paper. 2013. № 92.

166. Keohane R. O. International Liberalism Reconsidered // The Economic Limits to Modern Politics / Ed. by J. Dunn. N. Y., 1990.

167. King C., Hamilton E. D., Mangot G. The Wider Black Sea Region in the 21st Century: Strategic, Economic and Energy Perspectives // Center for Transatlantic Relations. Washington, D.C. 2008. P. 1–22.

168. Krupa J. NATO. Understanding Strategic Adaptations: Security Strategies and Policies after 2014 // Bratislava-Kyiv, 2018. P. 56–72.

169. Kydd A. NATO: Trust and Mistrust in International Relations // Princeton: Princeton University Press, 2009. 332 p.

170. Larrabee F. S. NATO and Black Sea Security // Center for Transatlantic Relations. Washington, D.C. 2008. P. 277–293.

171. Lescu M. Componenta mediatică a confruntărilor geopolitice: zona bazinului Mării Negre // Moldoscopie, 2020. № 4 (91). P. 127–143.

172. Mandelbaum M. Preserving the New Peace: The Case against NATO Expansion // Foreign Affairs, 1995. Vol. 74, № 3. P. 9–13.

173. Manoli P. Black Sea Regionalism in Perspective // Kadir Has University. CIES Neighbourhood Policy Paper. 2011. № 2. P. 1–9.

174. Mehrotra O. N. NATO Eastward Expansion and Russian Security. 1998. URL: https://ciaotest.cc.columbia.edu/olj/sa/sa_98meo02.html (дата обращения: 24.11.2024).

175. Miller C. Why the Black Sea? // Foreign Policy Research Institute. 2017. URL: https://www.fpri.org/article/2017/01/why-the-black-sea/ (дата обращения: 02.11.2022).

176. Nye J. S. Neorealism and Neoliberalism // World Politics. 1988. Vol. 40.

177. Pagovski Z. Z. Public Diplomacy of Multilateral Organizations: The Cases of NATO, EU, and ASEAN // Los Angeles: Figueroa Press. 2015.

178. Rogan A. Black Sea Security Brief. URL: http://www.asahq.org/ata-policy-focus/blacksea-security-brief/ (дата обращения: 24.11.2022).

179. Schindler C. Proactively preserving the inward quiet: Public Diplomacy and NATO // Defence Strategic Communications. 2015. Vol. 1, № 1. P. 133–146.

180. Secăreș V. The New Strategic and Security Landscape of Southeast Europe: The Case for a Wider Black Sea Area // Academic Research Branch – NATO Defense College. 2005. № 15.

181. Seib Ph. Public Diplomacy and Hard Power: The Challenges Facing NATO // The Fletcher Forum of World Affairs. 38 (1). 2014. P. 95–100.

182. Sinovets P., Maksymenko I. The Baltic–Black Sea Region in Great Powers' Relations: The Hard Power Aspect // Springer International Publishing, 2020. P. 75–86.

183. Sloan G. Sir Halford J. Mackinder: The Heartland Theory Then and Now // Geopolitics, Geography and Strategy. Journal of Strategic Studies. 1999. Vol. 22. P. 15–38.

184. Smura T. Russian Anti-Access Area Denial (A2AD) capabilities – implications for NATO // Pulaski Policy Papers Komentarz Międzynarodowy Pułaskiego. Warsaw, 2016.

185. Stanchev H., Palazov A., Stancheva M., Apostolov A. Determination of the Black Sea Area and Coastline Length Using GIS Methods and Landsat 7 Satellite Images // Institute of Oceanology. BAS. 2011.

186. Tymoshenko Y. Containing Russia // Foreign Affairs, 2007. Vol. 86, № 3. P. 69–82.

187. Vorotnyuk M. Black Sea Security Deadlocks: NATO – Russia Confrontation // UA: Ukraine Analytica, 2020. № 1(19). P. 18–23.

188. Zakaradze E., Muradishvili K. The Black Sea – the Geopolitical Springboard of the Region // European Scientific Journal, 2022. № 9. 303 p.

189. Waltz K. N. Theory of International Politics. 1979.

190. Waltz K. N. Reflections on Theory of International Politics: A Response to My Critics. // Neorealism and Its Critics. N.Y., 1986.

191. Zazhigaev B. One of the Limitrophe Territories of the Global World (Transformation of the States of the Baltic-Black Sea Region in the 21st Century). Part I // Central Asia and the Caucasus. 2009. № 4–5. P. 106–117.

ПРИЛОЖЕНИЕ № 1

Военные альянсы в конце холодной войны, 1989 г.

Источник: Россия в глобальной политике. Хронология и карты, № 6.1 2017 Спецвыпуск. URL: https://globalaffairs.ru/articles/karty/ (дата обращения: 27.04.2024).

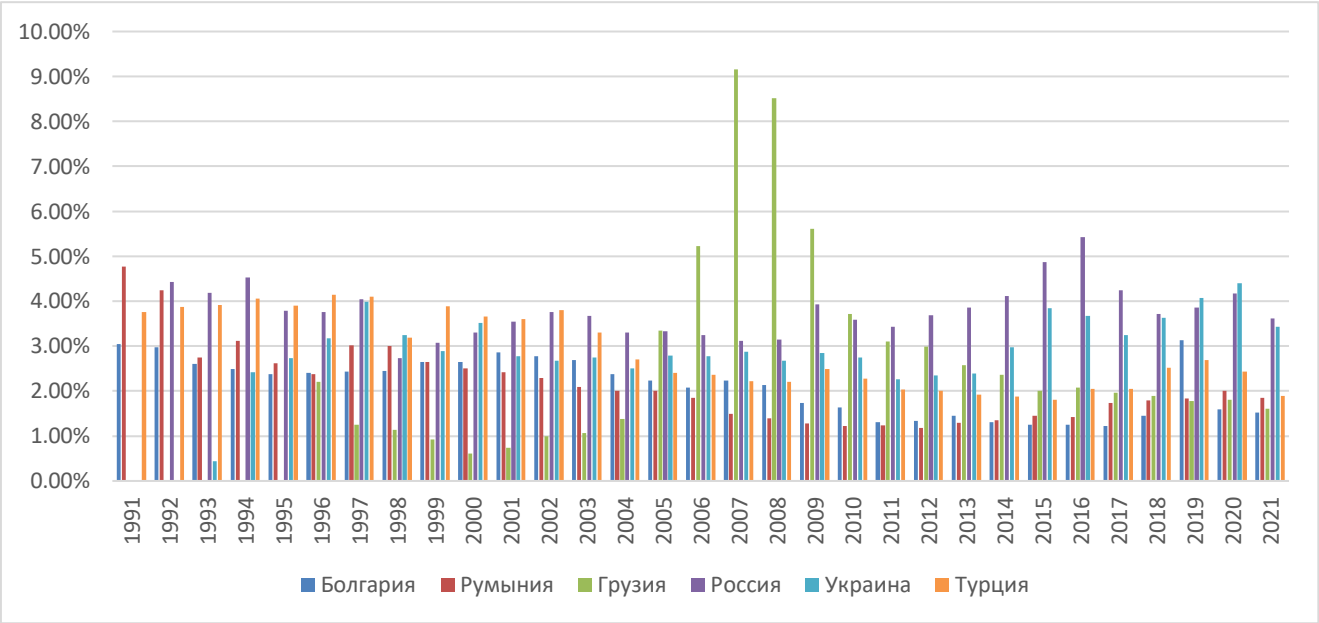
ПРИЛОЖЕНИЕ № 2

Центральная и Восточная Европа и постсоветская Евразия, 2013 г.

Источник: Россия в глобальной политике. Хронология и карты, № 6.1 2017 Спецвыпуск. URL: https://globalaffairs.ru/articles/karty/ (дата обращения: 27.04.2024).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 3

Военные расходы по странам региона в процентах от ВВП (1991–2021 гг.)



Источник: Military Expenditure Database // SIPRI. URL: https://www.sipri.org/databases/milex (дата обращения: 30.04.2024).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 4

Оборонные расходы черноморских стран НАТО в процентах от ВВП (2014–2021 гг.)

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021
Болгария	1,31	1,25	1,24	1,22	1,45	3,13	1,59	1,52
Румыния	1,35	1,45	1,43	1,73	1,79	1,84	2,01	1,85
Турция	1,45	1,38	1,45	1,51	1,82	1,85	1,86	1,61
НАТО Всего	**2,58**	**2,48**	**2,48**	**2,39**	**2,40**	**2,52**	**2,69**	**2,63**

Источник: Оборонные расходы стран НАТО (2014–2023 гг.) // НАТО. URL: https://www.nato.int/cps/ru/natohq/news_223304.htm (дата обращения: 23.03.2025).

ПРИЛОЖЕНИЕ № 5

Сравнительный анализ стратегий НАТО

	1991 г.	**1999 г.**
Название	Новая стратегическая концепция Альянса	Стратегическая концепция Альянса
Кол-во пунктов	59	65
Содержание	Пять частей, охватывающие вопросы стратегического контекста, целей, функций безопасности Альянса и рекомендаций по защите	Пять частей, охватывающие вопросы целей и задач Альянса, стратегических перспектив, подходов к безопасности в XXI веке и принципов стратегии НАТО
Причина появления	Необходимость трансформации Атлантического альянса, чтобы отразить новую эпоху в Европе	Дальнейшие глубокие изменения в сфере политики и международной безопасности
Цель Альянса	Защита свободы и безопасности всех ее членов политическими и военными средствами в соответствии с принципами Устава Организации Объединенных Наций	Гарантировать свободу и безопасность всех своих членов политическими и военными средствами
Задачи Альянса	Обеспечить основы для безопасности в Европе, развития демократических институтов, а также сохранить стратегический баланс внутри региона	Обеспечить основы для безопасности стабильной евроатлантической среды, развития демократических институтов, а также активно участвовать в кризисном регулировании и содействовать диалогу с другими странами евроатлантического региона
Региональный фокус	Центральная и Восточная Европа, страны Балтии, Южное Средиземноморье и Ближний Восток, СССР	Рамки размываются. Центральная и Восточная Европа, Россия, Украина и страны Средиземноморского диалога, Балканы
Природа рисков безопасности	Возникают не столько в результате преднамеренной агрессии против территории союзников, сколько в результате неблагоприятных последствий нестабильности в соседних странах	Разнонаправленные и труднопрогнозируемые. Эти риски включают неопределенность и нестабильность внутри и вокруг евроатлантического региона, а также возможность региональных кризисов на периферии Альянса. Не исключается появление глобальной угрозы

Источник: Стратегические концепции НАТО 1991, 1999 гг.

	2010 г.	**2022 г.**
Название	Активное участие, современная защита. Стратегическая концепция обороны и безопасности членов Организации Североатлантического договора, принятая главами государств и правительств в Лиссабоне	Стратегическая концепция НАТО, принята главами государств и правительств на встрече в верхах НАТО в Мадриде
Кол-во пунктов	38	49
Содержание	Предисловие, Основные задачи и принципы, Среда безопасности, Оборона и сдерживание, Безопасность посредством кризисного управления, Содействие международной безопасности посредством сотрудничества	Предисловие, Цель и принципы, Стратегическая обстановка, Основные задачи НАТО, Обеспечение дальнейшего успеха Североатлантического союза
Причина появления	Следующий этап эволюции НАТО	Ответ требованиям будущего и обеспечение ресурсами, изменение требований безопасности из-за действий России в Украине
Цель Альянса	Гарантировать свободу и безопасность всех своих членов политическими и военными средствами	Более безопасный мир для всех; условия безопасности для мира без ядерного оружия. Обеспечение коллективной обороны, основанной на подходе кругового обзора («360 градусов»)
Задачи Альянса	Три основные задачи: коллективная оборона, антикризисное управление, кооперативная безопасность	Сдерживание и оборона, Предотвращение кризисов и кризисное регулирование, Безопасность на основе сотрудничества
Региональный фокус	Персидский залив, страны Средиземноморского диалога, Западные Балканы, Украина, Грузия, Россия	Украина, Россия, Африка и Ближний Восток, КНР, Западные Балканы и регион Черного моря
Природа рисков безопасности	Угроза обычного нападения невелика, однако острее становятся вопросы распространения ЯО, терроризма и кибератак	Отсутствие мира в евроатлантическом регионе, терроризм, кибертерроризм, изменение климата

Источник: Стратегические концепции НАТО 2010, 2022 гг.